

ВСТРЕЧИ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ГОРОДКЕ

книга
вторая

ОТ МИРА СЕГО

Издательство
• ПУШКА •
ПЕРМЬ 2011

VIVANT PROFESSORES!

ОТ МИРА СЕГО

ВСТРЕЧИ
В УНИВЕРСИТЕТСКОМ
ГОРОДКЕ

VIVANT PROFESORES!

VIVANT PROFESSORES!

ОТ МИРА СЕГО

ВСТРЕЧИ
В УНИВЕРСИТЕТСКОМ
ГОРОДКЕ

Книга вторая

Пермь
2011

УДК 378.12
ББК 74.58
О 80

Автор С. Ф. Журавлев

Ректорат Пермского государственного
национального исследовательского университета
благодарит ОАО «Мотовилихинские заводы»
за финансовую поддержку издания

О 80 От мира сего. Книга вторая. **Встречи в университетском городке** [Журавлев, С. Ф.] / [вступ. ст. И. Макарихина]. – Пермь : Пушка, 2011. – 200 с. ; ил. – (Vivant professores!)

ISBN 978-5-98799-104-6

ОГЛАВЛЕНИЕ

МИССИЯ ВЫПОЛНИМА	6
СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ	8
Глава 1. ВЛАДЫКА МИРА. Л. Ю. Бугров	11
Глава 2. ВЕТРОМ ПОЛНЫ ПАРУСА. Ю. К. Братухин	37
Глава 3. СРЕДА ОБИТАНИЯ. Г. А. Воронов	47
Глава 4. РОДНИКИ МОИ СЕРЕБРЯНЫЕ... М. И. Дегтев	65
Глава 5. «ПЕЩЕРНЫЙ» ЧЕЛОВЕК. В. Н. Дублянский	75
Глава 6. ПЛАНЕТА РЫБ. Е. А. Зиновьев	85
Глава 7. ТАЙНЫ РОДНОЙ РЕЧИ. Т. И. Ерофеева	97
Глава 8. ЭХО ЗЕМЛИ. В. И. Костицын	111
Глава 9. ПРЕОДОЛЕНИЕ ХАОСА. Д. В. Любимов	125
Глава 10. ЗАДАЧА С НЕИЗВЕСТНЫМИ. В. П. Максимов	133
Глава 11. УСЛЫШЬ СВОЙ ЧАС. В. П. Реутов	145
Глава 12. ЧЕЛОВЕК СЛОВА. Р. С. Спивак	157
Глава 13. ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ. М. Г. Суслов	169
Глава 14. ЗОЛОТАЯ ДОРОЖКА. Е. Л. Тарунин	179
Глава 15. ПОЛЕ ПРИТЯЖЕНИЯ. Е. К. Хеннер	189
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	198

© С. Ф. Журавлев, текст, 2011
© В. С. Бикмаев, Т. В. Быстрых, фото, 2011
© Издательство «Пушка», оформление, 2011

МИССИЯ ВЫПОЛНИМА

Мы с гордостью называем наш вуз старейшим на Урале. Он присоединил к общему родовому пространству европейского просвещения восточный рубеж Европы – уральское Прикамье.

Рожденный в годы мирового военного противостояния и острого внутриполитического кризиса, наш университет явился прямым свидетельством огромного потенциала России в экономике, образовании, науке, культуре. Все войны и кризисы кончаются миром. А мир жив связью времен, главной нитью которых является производство и передача знаний от поколения к поколению. Эту благородную миссию и выполняют наш вуз, его ученые, преподаватели.

Университет, несомненно, оказал еще до сих пор недооцененное полностью воздействие на формирование в крае нового культурного слоя – очень мощного, интересного и значимого. Ибо само его становление было оплодотворено творчеством гуманистических и естествоиспытателей, оставивших заметный след в истории российской и мировой науки.

В университетском городке работали выдающиеся исследователи – целая плеяда ученых и преподавателей европейского уровня со свежими идеями и творческой энергией первопроходцев. Они дали мощный импульс этому крупному проекту, в реализации которого участвуют новые поколения ученых. С некоторыми из них и знакомит нас серия очерков «От мира сего» – «Портреты на фоне времени», представленная к 95-й годовщине вуза второй книгой – «Встречи в университетском городке». Эти интервью и рассказы наших современников подтверждают, что Пермский классический универси-

тет динамично развивается как центр научных исследований, что мы обладаем серьезным научным потенциалом. В нашем активе есть научные школы и направления, широко признанные в научном мире. И нынешняя наша стратегическая задача – успешно завершить трансформацию классического университета в инновационный национальный исследовательский и научно-образовательный центр Пермского края, способный решать масштабные задачи подготовки высококомпетентных кадров, проведения многоплановых научных исследований и прикладных разработок.

...Мы идем к столетию нашего вуза. Эта эпоха вобрала в себя все перипетии самого драматичного из столетий в истории России. Не раз перед университетом возникали сложные проблемы поиска своего места в изменившейся ситуации. И он это место находил, вновь и вновь подтверждая свой статус и миссию. Во многом благодаря тем людям, о которых рассказывает эта книга...

ВЛАДИМИР МАЛАНИН,
*президент Пермского государственного
национального исследовательского университета*

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

13 декабря 1902 года в актовом зале Дерптско-Юрьевского университета отмечался 100-летний юбилей этого вуза. Историк профессор Е. В. Петухов сказал тогда: «Заканчивая вековой период своего существования, Юрьевский университет как раз становится зарей новой жизни высших рассадников нашего просвещения. Быть может, он приведет за собою желанный светлый солнечный день и целую длинную вереницу дней в жизни нашего Отечества: потому что ведь только одно просвещение – широкое, свободное, истинно гуманное и бескорыстное, способно освободить переходную эпоху от томительных блужданий и указать ей тот исход, который может обеспечить счастливое будущее грядущих поколений и, вместе с тем, соответствовать великим запросам нашего исторического самопонимания...»

Эти слова звучат особенно актуально на старте нашей «юбилейной пятилетки», ведь нынешняя дата – 95-летие – для нас этап, открывающий коллективу вуза очень знаменательный отрезок времени: остается всего пять лет до столетия ПГУ. Всем нам предстоит, готовясь к этой дате, вновь оценить и как бы аккумулировать ход исторических событий после октября 1916 года, когда губернская Пермь стала Университетским Городом.

Событие это имеет огромное значение для развития всего Урала. Это и заметная страница российской истории новейшего времени. Имена многих ученых, основавших университет в Перми, работавших здесь в разные годы, составили целую эпоху в российской и советской науке, поистине прославили наш город Пермь и Пермский край.

Существуют достаточно широкие и подробные материалы – документы и воспоминания о поколениях ученых, работавших в ПГУ в начале

и середине XX века. Они вошли в летопись вуза, пополнили музейные экспозиции, бережно хранятся на кафедрах и факультетах. Собственно жизнь и деятельность этих выдающихся личностей – исследователей, педагогов – и отражают самые важные и конкретные страницы истории первого на Урале высшего учебного заведения. У нас стало давней традицией, что практически каждый научно-педагогический коллектив к собственным и общеуниверситетским знаменательным датам стремился собрать достоверные источники о людях, некогда возглавлявших или работавших на кафедрах, в лабораториях, научных центрах, воспоминания современников, учеников тех, кто явился продолжателями их научного поиска.

Такая мемуаристика насчитывает сегодня в университете тысячи страниц и сотни изданий, публикаций в журналах и «вестниках». Несомненно, это богатство нуждается в определенной систематизации, осмыслении и изучении, а может быть, и в переводе на современные носители информации. Задача эта становится все более актуальной в свете подготовки к столетию вуза, ведь эта вежа – прекрасный повод, чтобы осмыслить пройденный путь, вспомнить тех, кто создавал славу ПГУ.

Олицетворением живой связи времен, непрерывающейся эстафеты знаний и научного поиска являются наши действующие ученые, которые шагнули вместе с вузом в XXI век. К 90-летию Пермского государственного университета вышла в свет книга «От мира сего», представившая портреты пятнадцати ученых нашего вуза.

Тогда же возникла идея продолжить эту серию в виде ряда газетных публикаций. Так, на страницах краевой газеты «Звезда» в течение нескольких лет жители Прикамья имели возможность знакомиться с «золотым фондом» ПГУ, всей пермской науки – исследователями, составляющими ее славу и гордость, возглавляющими целые научные направления и школы. Ученый совет принял решение издать очерки отдельной книгой, продолжающей портретную галерею ученых нашего университета.

Эта книга – перед вами...

ИГОРЬ МАКАРИХИН,
*ректор Пермского государственного
национального исследовательского университета*

Леонид Юрьевич Бугров родился 19 февраля 1950 года в г. Ростове Ярославской области. Выпускник юридического факультета Пермского государственного университета. В 1992 году защитил докторскую диссертацию по проблеме свободы труда в трудовом праве России и получил ученое звание профессора.

Основатель пермской школы трудового права. Под его руководством успешно защищено свыше тридцати кандидатских диссертаций, двое учеников стали докторами наук. Основные исследования профессора Бугрова связаны с защитой прав человека в трудовом праве, свободой труда в ее юридическом аспекте, изменением и прекращением трудовых договоров, обеспечением прав творческих работников.

Член ученого совета Российской академии юридических наук, председатель диссертационного совета ПГУ, член редколлегии ряда ведущих журналов в области права. Стажировался в Оксфордском университете. Автор ряда монографий и книг, получивших широкую известность.

Леонид Юрьевич Бугров является первым представителем Пермского университета в Высшей аттестационной комиссии страны (ВАК).

ВЛАДЫКА МИРА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

**Встреча
с профессором-
юристом
ЛЕОНИДОМ
БУГРОВЫМ,
который
посвятил
свою жизнь
изучению
законов
о труде**

В, казалось бы, вполне благополучном течении жизни профессора Бугрова судьба не раз устраивала ему «экстрим», говоря нынешним языком. События вдруг начинали развиваться как бы сами по себе, угрожая непредсказуемыми последствиями. Но в последний момент, словно дар свыше, приходило желательное для него решение, вносящее гармонию в его бытие. «Все на свете – надежда и случай...» – строка из стихотворения некогда популярного в Перми поэта и журналиста Юлиана Надеждина всплыла в нашем разговоре с Леонидом Юрьевичем тоже как бы случайно. Но – тесен мир! – оказалось, что это общий наш добрый знакомый. Вот и «пароль» к доверительной беседе с ученым-юристом. А ведь известно, что трудно найти более «формальных» и закрытых внутренне людей, чем правоведа...

Символ «свободного труда»

Ему не было и тридцати, когда в издательстве Красноярского университета готовилась к выходу в свет его первая книга. И в связи с этой публикацией молодой кандидат наук Леонид Бугров пережил несколько тяжелых моментов.

В те времена для вузов существовали жесткие «бумажные» лимиты на издание научных трудов. Дефицитную бумагу выделяли по разнарядке, причем в строгом соответствии с «профильными» планами издательств. Старейший на Урале Пермский университет, к примеру, не обладал правом печатать монографии по юридическим проблемам. Зато Москва разрешила делать это только что открытому Красноярскому университету. Сибирякам и выделяли определенный объем бумаги. А пермяков к ним «прикрепили».

И вот первый научный труд пермяка Леонида Бугрова включили в разнарядку на публикацию в счет выделенного ПГУ лимита. Ободренный, он решил еще поработать над рукописью, чтобы довести ее до высоких научных кондиций, не подозревая, что уже оказался в центре серьезной схватки. На бумагу нашлись и другие претенденты: за право на публикацию в родном вузе началась тихая, но коварная война. А в битве все средства хороши. И неведомыми для молодого юриста путями одна из преподавательниц с филфака обошла его. Она сумела уговорить тогдашнего проректора по науке, и тот, очевидно, по доброте душевной (мол, как-нибудь сладится!), подписал ей точно такую же бумагу – направление в Красноярск, что и Бугрову. Только вот выехать туда расторопная дама сумела пораньше. А он все еще продолжал что-то доделывать, улучшать, совершенствовать в тексте.

Когда он, наконец, приехал в издательство, директор Алла Петровна Вигуль сообщила, что неделей раньше из Перми уже явилась другая претендентка с законной визой на направлении. Заказ принят, и бумагу под него отдали. Более того, уже все в работе и ничего поделывать нельзя...

Но что-то тронуло эту прибалтийскую женщину, волной репрессий когда-то заброшенную в Сибирь. А может, счастливая звезда, что вела по жизни ярославского мальчишку, помогла ему в очередной раз: нашла-таки Алла Петровна какой-то резерв драгоценной бумаги. Да, правду сказать, и книжечка-то у пермяка была не слишком толстая.

Словом, уложились в лимит. И уехал молодой автор домой в наилучшем настроении. Конечно, остался некоторый осадок от непонятно зачем устроенного проректором «соревнования», ну да дело прошлое. Бугров с нетерпением ждал в Перми макет книги.

...Он вспоминает теперь с улыбкой, что это были его «последние слезы в жизни»: заплакал, увидев макет обложки, предложенный сибирским издательством. Заголовок «Свобода труда» с подзаголовком «Свобода трудового договора в СССР» были сделаны черным шрифтом в «стиле» колючей проволоки на фоне... багрово-грязного кирпича.

«Такую страшную книгу никто и в руки не возьмет», – расстроился молодой ученый, еще не осознав до конца, какая «символика» заложена в это оформление.

В 70-е «брежневские» годы советские люди привыкли искать информацию между строк, находить скрытый смысл в аллюзиях и аллегориях, с полунамеком понимать то, что выражено «эзоповым языком». А тут – прямым текстом и на таком вот фоне о... «свободе труда в СССР»!..

До сих пор ученый не знает, сознательно или нет красноярские издатели подобным образом оформили его первую монографию. Но остался навсегда благодарен эстонке Вигуль, которая помогла ему стартовать в большую науку.

Кто у нас владыка?

«Владыкой мира будет труд», – пели отцы и деды. Из нашего современного репертуара исчезли такие песни. Жизнь изменилась. Изменилось и отношение к тому, кого считать «владыкой». Скорее, это деньги...

– Вы начали исследования о свободе труда во времена, именуемые ныне тоталитарными, застойными. Потом, в начале 90-х, на крутом изломе российской истории, вновь издаете книгу о проблемах свободы труда. Решили скорректировать позиции в зависимости от складывающейся конъюнктуры? – спросил я Бугрова.

– Да упаси Боже! Поверьте, в научных исследованиях я всегда шел только от самого себя. Осознавая себя. Давно понял, что главное в жизни человека – свобода выбора труда. Могу порой что-то делать под нажимом: соберусь, себя настрою. Но знаю, что рано

или поздно внутренней пружине надоест сжиматься и она может распрямиться, причем не ко времени и не к месту.

Так вот, я пришел к теме сам, может быть, интуитивно, и стал изучать именно этот срез проблематики, бывший в ту пору не совсем «научным» в СССР. Пытался что-то извлечь из классиков, из переводных работ. Не скажу, что это направление очень приветствовалось моими научными руководителями, понимающими конъюнктуру и реальные условия. Мне же было просто необходимо поразмышлять над этим...

Бугров прекрасно понимал все условности свободы труда в СССР и не мог не учитывать реальностей, а также того, в какое положение может поставить руководителей кафедры, своих коллег. Одно дело – кликать беды на себя, другое – на людей, с которыми связан. И он вовсе не собирался провоцировать ситуацию. Говорил себе: «Наука – это “шахматы”, надо думать и двигать фигуры в соответствии с формальной логикой».

Таким образом, он стал изучать факторы, обеспечивающие свободу труда в СССР. Для этого у молодого исследователя имелось немало формальных оснований, ибо это было государство, провозгласившее идеи социализма ведущими...

– Но в эпоху реформ вы были уже вполне состоявшимся ученым. Не пришлось «брать паузу» на крутом переломе, смене общественной формации, учитывая идеологическую сторону любого права?

– Для меня как исследователя никакого «слома» не было. Поймите, внутри права, в том числе трудового, всегда формируются некий фундамент и каркас, глубинные основания, которые не подвергаются сиюминутным изменениям, даже в таких серьезных обстоятельствах, какие были в нашей стране в начале 90-х. Должен отметить, что в трудовом законодательстве перемены вообще идут чрезвычайно медленно. Труд как был основой создания общественного богатства, так и остался. Другое дело, как распределяются результаты труда – к кому приходит и от кого уходит?

В СССР существовал трудовой договор – он и остался трудовым договором, соединяющим субъекта, у которого есть только рабочая сила, с тем, у кого есть средства и предмет труда. Просто мы раньше избегали употреблять слово «работодатель». Потому что тогда реально им было государство в целом: средства и предмет труда были в его руках. Так что какими бы огромными

и крутыми нам эти перемены, ни казались, в проекции на глубинные факторы трудового права они не сильно изменили порядок вещей. Суть моих взглядов и представлений не изменилась, впрочем, по нескольким второстепенным моментам я скорректировал свою позицию. Это, считаю, нормально.

Тут вопрос – как нам относиться к прошлому? К примеру, известный российский ученый Н. Г. Александров стоял у истоков отечественной науки о трудовом праве. Создал одноименную кафедру в МГУ, одновременно был и заведующим кафедрой теории государства и права. (Примечательно, что совмещал он это с... дирижированием оркестром Московского театра оперетты. Афишу с его именем нашли, когда готовились отметить столетие Александра. До конца жизни играл на скрипке в струнном квартете московских ученых, так что «слухи о формализме» юристов явно преувеличены.) Так вот, его сейчас иногда критикуют (особенно из когорты тех, кто успел получить образование за границей), обвиняя профессора в политическом служении сталинизму. Это глупость несусветная!

Да, согласно принятому тогда ритуалу, в любые научные тексты ставились изречения «классиков марксизма», но надо же понимать, что иначе бы он вообще ничего не издал! Ну, попал бы на Колыму или на тот свет. Но, обращаясь сегодня к его трудам, вижу: порой пять строк в подстрочнике его статьи стоят иной современной публикации – они содержат актуальный и ныне юридический смысл и значение. А на цитаты «от вождя» можно вообще не обращать внимания. К сожалению, кто-то упирает именно на это и видит смысл в каком-то «противостоянии» прошлому, забывая, что мы всегда живем в определенных обстоятельствах. И если ты честный человек, то и в самых трудных обстоятельствах будешь искать возможность заниматься нужным и полезным людям делом, принимая какие-то правила игры. Правда, до определенного предела.

Так что я против такого подхода, мол, нужно отбросить все из прошлого. В гуманитарных науках это бывает особенно острый вопрос.

А книгу мою о свободе труда до сих пор упоминают и цитируют, что для меня и приятно, и важно. Пусть не на века, но работа достаточно добротная.

– Вернусь к вопросу: не пришлось ли вам пересматривать позднее свою концепцию свободы труда и в чем она заключается?

– Концепция для меня осталась неизменной, так как я формировал ее не на идеологических позициях, а с точки зрения трудового права. Логическая решетка концепции осталась той же, какой она сложилась еще в условиях социализма. Суть дела в том, что есть индивидуальная свобода труда, а есть коллективная.

Индивидуальная заключается, прежде всего, в свободе трудового договора, в свободе творчества – оно тоже может осуществляться по договору, и в том свободном времени, которое предоставляется наемному работнику.

Коллективная – это свобода действий трудового коллектива, осуществляемая в основном посредством коллективного договора и посредством профсоюзов. Эта свобода очень динамична во всех ее проявлениях, однако имеет определенное основополагающее звено, которое может оказаться более или менее развитым.

Степень свободы динамична. Начальная юридическая свобода труда при социализме была. Другой вопрос – насколько достоверны и полноценны были гарантии этой свободы и как их следовало бы развивать? «Решетка» законодательства едина для социализма и капитализма, а дальше все зависит от ее наполняемости за счет юридических гарантий.

Надо признать, что труд сейчас совершенно недооценивается. Как в целом, так и в отношении размера заработной платы отдельных тружеников.

Особая беда – труд недооценивается и с позиций научного сообщества. Ряд нынешних исследователей отказывается признать труд созидающим общество, ищут какие-то другие варианты, других «созидателей». В частности, на мой взгляд, распространенная современная концепция ошибочно исходит из того, что экономика создается движением денег, а не за счет того, что каждый из нас трудится. Есть общий социальный труд, он и создает те материальные ценности, благодаря которым общество продолжает существовать и пусть противоречиво, но развиваться. И эти передергивания не безобидны, они сказываются на трудовом праве.

– При социализме, в государстве трудящихся, пусть формально, но трудовое законодательство было главным, оно несло на себе огромную идеологическую нагрузку. А сейчас, поскольку, как вы отметили, принижается значение труда, уходит на задний план и трудовое право?

– Да, обретенная свобода труда нынче горчит. И можно ли назвать ее сегодня таковой? Я глубоко убежден, что тезис о приоритете «движения денег» легко опровергается тем, что это «движение» на всем протяжении двадцати постсоветских лет было более чем достаточным, и «специалистов по управлению денежными потоками» пруд пруди, а развитие общества и экономики идет более чем противоречиво. Путь от возвышения труда к его заземлению, принижению его значения – для общества мне кажется очень опасным. Тем более необходимо пристально отслеживать тенденции в трудовом праве и правоприменении.

Есть такая мечта...

У профессора Бугрова есть заветная мечта. Не уверен он, однако, что она сбудется: ему бы хотелось, чтобы именно в Перми был создан полноценный научный центр, который с упором на особенности труда в конкретном регионе России изучал бы эту важную экономическую, общественную и социальную сферу во всей полноте: и философский аспект, и экономику, и трудовое право. Когда Пермский университет начал борьбу за статус «исследовательского», профессор Бугров подал предложение о создании в его рамках некоего организационного начала – лаборатории, которая могла бы стать ядром будущего Центра труда.

– А вот интересно, кадровым потенциалом эта идея подкреплена? Специалисты соответствующие у нас в Перми есть?

– Однозначно да. Есть пермская научная школа трудового права. Есть философы, занимающиеся проблемами труда, очень интересные исследования есть у экономистов. И, конечно, мы – юристы – много работаем в области трудового законодательства, так что основные направления университетскими учеными вполне закрываются уже сегодня.

– Конечно, можно согласиться, что интерес к этой проблематике должен отличать Пермь. Мы долго гордились званием трудового форпоста страны. Почему бы нашему, искони рабочему, городу не стать пионером в исследованиях, посвященных «владыке мира», в продвижении научной мысли в сфере законов о труде. Союз науки и труда всегда от-

личал нас. Может, следовало бы Перми именно в этом направлении поискать свой «имидж» европейской «столицы»?

– Мы зондировали почву, обсуждали на довольно представительном уровне эту идею. Но даже организационную платформу создать довольно трудно. Владимиру Владимировичу Маланину в бытность его ректором излагал я эти намерения. И они у него получили поддержку. Но гуманитарные науки, что греха таить, частенько и, пожалуй, по ряду объективных причин проигрывают в организационных делах более «конкретным» направлениям. Вот охрана природы, к примеру, получила определенные приоритеты при создании исследовательского университета. Но нужна и охрана Человека Труда – он часть природы. Будем бороться за свою мечту!

– Несколько необычный аксессуар – автомат Калашникова – украшает стену вашего профессорского кабинета. Это что – символ борьбы за права?

– Каждый проходящий трактует по-своему. Но на самом деле это просто памятный подарок от ижевских коллег, полный аналог самого совершенного оружия – автомата Калашникова. У студентов – одно толкование наличия этого предмета, у преподавателей – другое. Мне нравится эта штука. У оружия – идеальные формы, ничего лишнего...

Рядом с автоматом – картина кисти основателя пермской научной юридической школы Александра Александровича Ушакова. Это был замечательный пермский ученый, судьба которого, право же, заслуживает отдельного рассказа. Бугров характеризует его как крупного, недооцененного еще правоведа, яркую индивидуальность, очень неординарного человека, разносторонние таланты которого радовали людей.

Так сложилось, что его дочь Татьяна Александровна на этой же кафедре делала докторскую диссертацию, защитилась. Но о результате защиты не успела, к сожалению, узнать. За три дня до решения ВАК разбилась в автоаварии под Кудымкарком. Дочка ее, внучка Александра Александровича, учится теперь в аспирантуре, у Леонида Юрьевича.

– Вот что интересно: когда она пришла впервые в этот кабинет, то сразу выбрала место и села прямо под картиной деда, как будто он позвал ее именно сюда. И всегда усаживалась здесь,

не зная о происхождении этой живописной работы. Я ей потом рассказал...

Кому служит наука?

– Мне иногда кажется, что некоторые ученые-правоведы как бы отгораживаются от острых общественных и политических проблем. А рядом с ними в жизни происходят такие мощные «тектонические сдвиги», что переворачивают и быт, и сознание. Целый ряд печально известных реформаторов России явно поставили цель – по пути в капитализм защищать средствами права (и бесправия) не людей труда – наемных работников, а в первую голову – работодателей. Может, это исторически и было в какой-то степени необходимо. Но что получилось в итоге?

– И новых хозяев жизни надо ставить в какие-то законные правовые рамки. Такое движение в юридической науке и в политике идет и развивается. Согласен, акценты в разделении субъектов трудовых отношений должны быть гораздо мягче. При социализме формально интересы трудового государства опосредовались и реализовывались через интересы работников. Сейчас трудовое право признает, что есть отдельные интересы социума, интересы государства, интересы наемного работника, интересы работодателя. В принципе, интересы последнего должны быть, прежде всего, экономические, и получается, что идеи государства должны проводить теперь как идеи работодателей.

– В какой-то степени государство оказалось их заложником!..

– Думаю, этот акцент все-таки временный и должен быть поставлен под сомнение. Государство, декларируя защиту общественных интересов, пока еще стремится осуществлять это главным образом через защиту интересов работодателей, ибо именно они как бы ответственны за экономику. А работник в современных условиях, получается, за нее не отвечает. Отсюда возникает феномен приоритетной защиты предпринимателей на сегодняшний день. Поэтому и исключили, по сути, человека труда из системы управления и государством, и экономикой.

Но можем ли мы бесконечно игнорировать человека труда? Конечно, не можем! Но я не совсем уверен, что все должно налаживать лишь государство. Это должны делать и сами работодатели. В идеале мне это видится так: государство защищает интересы работодателя и основные права работников, тем са-

мым защищая экономику общества. А работодатель, который наделен рассудком и инстинктом самосохранения, современным взглядом, культурой, думающий о завтрашнем дне, а не только о сиюминутной прибыли – он неминуемо «выйдет» на широкую и углубленную заботу о работнике. Ведь даже за коровой ухаживают, если хотят получить больше молока.

Например, через продуманный коллективный договор нужно создавать наилучшие условия работникам. Соответствующие юридические гарантии осуществляются и через индивидуальный трудовой договор. Поэтому проблема номер один – повышение уровня юридической культуры работодателя, его социальной ответственности за наемных работников. Чтобы он понимал, что получает прибыль за счет их труда. Большинство же работодателей очень примитивно подходят: «Сегодня получить побольше! Использовать средства на личные потребности». Что будет завтра, их мало волнует – в том числе развитие производства и уровень социальной напряженности...

– Получается, что социально ответственный бизнес должны формировать только сами предприниматели? Не реалистичнее ли так построить законодательство, чтобы подвигать их к этому еще и силой закона? Уповать на их сознательность, как показывают все двадцать последних лет, не приходится. Мы увидели, из кого состоит корпус бизнесменов, кем поддерживается и охраняется, в какую сторону развивается. Надежд на его сознательность, признаюсь, слишком мало. Так как защитить в первую голову людей труда?

– Скажу, что не вижу здесь никакой дополнительной специфики трудового права. Правовая база для этого уже существует. Проблема в том, что общество само должно думать о переменных внутри себя и подвигать людей на необходимые перемены. Меняться во взглядах должны и работники, и работодатели. Все члены общества, в любых ипостасях. Идеи возникают вполне хорошие, только вот человек меняться не успевает. Отсюда, по-моему, вытекает одна из причин наших бед. Хороший закон сделаем, например, о коррупции, а воровать чиновники продолжат, будут искать, как обойти этот закон. Поэтому так важно изучать и практику правоприменения, понимать, что нужно сделать, чтобы ее механизмы были более действенными и эффективными.

Школа капитализма. Бастуем?..

Некогда их называли «школой коммунизма». И, что ни говори, с деятельностью профессиональных союзов было многое связано в жизни каждого труженика. Изучением роли и значения профдвижения в развитии трудового права в стране занималось немало ученых-юристов. В том числе – упомянутый выше профессор МГУ Николай Александров. И, судя по работам самого Бугрова, мой собеседник немало интересовался этими проблемами. Но для начала рассказал я Леониду Юрьевичу небольшую историю о том, как журналисты «Звезды» заинтересовались на одной из встреч с тогдашним лидером пермских профсоюзов Борисом Пожарским, почему в крае так мирно уживаются владельцы предприятий и представители наемных рабочих? Не обеспечивается ли это мирное сосуществование беззубостью трудовых коллективов и их вожаков? «Настоящих буйных мало»?.. Во всяком случае, за 20 лет строительства «дикого капитализма» почти ничего не слышно об острых столкновениях, «прессовании» и убийствах активистов профдвижения, как это было, судя по литературным источникам и фильмам, на Западе?

Борис Иванович тогда даже несколько обиделся на подобные формулировки: боевитость профсоюзов порекомендовал журналистам под сомнение не ставить. Мол, просто надо уметь договариваться и с бизнесом, и с властями без лишних эксцессов...

Однако даже четкая работа различных «трехсторонних» и прочих комиссий наверняка не может снять всю остроту противостояния труда и капитала в нынешних условиях. Время от времени случаются вспышки, наподобие той, что гасил в Пикалево премьер Правительства России Владимир Путин. Но это скорее была реакция доведенных до края людей, чем целенаправленная и системная работа профсоюзов.

– Похоже, эти нынешние «школы капитализма» лишились былых возможностей и прав? – заинтересовался я у профессора Бугрова.

– Сильный и умный руководитель – Борис Иванович Пожарский. В бытность его председателем облсовпрофа мы работали с ним очень плодотворно. Замечу, что у нас в отношении прав профсоюзов законодательство впереди планеты всей. Кстати, и такой защищенности интересов работника при прекращении трудового договора нет, пожалуй, ни в одном другом государстве.

Разумеется, с формальной точки зрения у профсоюзов ранее была еще более крепкая законодательная база. Ведь когда они были «карманной» организацией при КПСС, им надавали кучу прав, не боясь, что они ими могут воспользоваться. И получилось, что наше законодательство было просто несопоставимо ни с каким другим зарубежным законодательством по уровню юридической защиты профсоюзов. Потом, после перестройки, у них каждый год, по сути, отнимали определенное количество прав. В том числе по владению собственностью. Пермьякам памятна история с чайковской гостиницей «Волна» и другими объектами профсоюзов. Помните эти судебные процессы?..

И, тем не менее, прав у профсоюзов осталось вполне достаточно. Однако реальный их статус, по-моему, в большей степени зависит от авторитета организаций и их лидеров. А авторитет правом не определяется. Важно, как они себя ведут, как действуют, как разговаривают, насколько конструктивна их позиция и как быстро реагируют они на реальный разворот дел. Я понимаю, что уход таких людей, как Пожарский, трудно восполним. Но приходят молодые люди и, надеюсь, с ними будет связан подъем профдвижения и будет продолжаться сотрудничество нашей кафедры.

За годы работы я узнал профсоюзы с первичек до руководства ФНПР. Что касается вашего диалога с Пожарским, по сути, вы задались вопросом: насколько «карманные» сегодня профсоюзы, насколько они независимы и боеспособны. Конечно, создается порой впечатление, что настоящих мускулов они не нарастили ни в советскую эпоху, ни в капиталистическую. Привыкли, как-то адаптировались и работают как работают. В большинстве своем не воюют...

С другой стороны, знаю и «воюющие» профсоюзы. Например, «Солидарность» у железнодорожников. Повторю: многое зависит от лидеров. В русских людях сильна актерская природа, многим хочется быть на виду. Выступать перед кем-то, причем одногодвух зрителей уже хватает. Нередко идет игра лидеров на публику – вот, мол, какой я смелый! Но редко прослеживается при этом главный мотив – защита человека труда. Даже чисто внешне: видишь – сидит перед тобой профлидер, холеный, довольный жизнью, руки в перстнях. С маникюром на пальцах... Какими интересами труженика он всерьез может проникнуться?!

Считаю, профдвижение в нашей стране еще не нашло себя. Былая «школа коммунизма» себя дискредитировала, все понимают: надо меняться. Но далеко не везде процесс этот идет успешно. Поверьте, у профсоюзов, несмотря ни на что, еще достаточная законодательная база. Она идет от МОТ – Международной организации труда. В силу международных стандартов труда профсоюзы в любом государстве – члене МОТ – должны обладать свободой собственного создания. И у нас эта свобода есть: хочешь иметь права юридического лица – регистрируешься. Хочешь быть «без лица» – можешь даже не регистрироваться, создавая профсоюз.

Но вот что касается свободы их деятельности... Профдвижение несколько подкосили перемены в Трудовом кодексе, что вступили в силу в октябре 2006 года. Сделано было очень хитро: записали, мол, все основные права профсоюзов принадлежат... только первичным организациям.

И что же получилось? Если нет первички, не выходишь на целый ряд важных профсоюзных прав. Допустим, при увольнении: есть первичная организация, входящая в зарегистрированный в установленном порядке общероссийский или региональный профсоюз, – увольнение происходит в соответствии с правами этого выборного органа. Нет таковой у профсоюза – идет «свободное» увольнение. Здесь, мне кажется, профсоюзам стоит повоевать за свои права и вернуть прежний вариант.

– Признаюсь, удивился, когда среди ваших работ обнаружил труд о забастовках. Вы писали его в годы партийно-советской власти. Ну, что-то мы смутно знали о событиях в Новочеркасске, шахтеры тогда уже начинали шевелиться, но в Перми вообще была тишь да гладь. Что подвигло вас на эту скользкую тогда в СССР тему?

– Отметьте : работа была опубликована в главном правовом теоретическом журнале СССР. А толчком к ее созданию послужило...

Я очень дружен со всеми учеными-«трудовиками» в стране и стараюсь не лезть в чужие дела. Но дружба дружбой, а табачок врозь. Когда дело касается научных идей, готов идти и в схватку. Тогда была жива умнейшая женщина, профессор Московской юридической академии Вера Николаевна Толкунова. Я относился к ней с полным уважением. Но вот она как-то выступила в 80-х с такой идеей, что в нашей стране забастовок не было и быть не может. Я задумался : как так? Тем более, что право на забастовку воспри-

нималось мной как международный стандарт труда, чем я тогда только начинал заниматься, уходя как бы от сугубо отечественной тематики и переходя на международный срез трудового права. Вот и решил опубликовать работу на эту тему.

Как юрист я убежден, что государству необходим набор прав человека, который признан на мировом уровне. И нравится это властям страны или не нравится, они должны признать право трудящихся на забастовку. Прибегнут ли к нему или нет – это другой вопрос, но оно должно быть. Право, как говорится, должно «лежать в кармане»...

– Но сейчас возникла другая проблема. По международным правилам у каждой группы работников, имеющих конфликт с работодателем, должен быть выбор: или они сразу объявляют забастовку, или сначала ищут пути примирения. А российское законодательство здесь гораздо жестче. Оно диктует, что попытка примирения должна быть обязательно! И если работники к этой попытке не прибегли, то забастовка будет признана незаконной, с чем в России уже и сталкивались...

– Да, здесь надо умягчать само законодательство. В соответствии с более либеральным по отношению к забастовщикам зарубежным правом. У нас, согласен, закон антизабастовочный. Признать забастовку незаконной – все средства есть. Механизмы заложены такие – позволяющие легко это сделать.

– Может, это в начале и середине 90-х так напугали шахтеры власть и Ельцина – мы, мол, тебя посадили, мы и снимем. Стучали, помнится, касками на Горбатовом мосту...

– Сама процедура юридически настолько сложна, что всегда можно найти какую-то зацепку для признания забастовки незаконной.

Но есть и другие вопросы – возьмите, к примеру, проблему формирования серьезных профсоюзных средств. Без них трудно рассчитывать на какой-то значительный успех в «бодании» с работодателями. В мировой практике профсоюзы в судебных делах уравниваются в правах со всеми участниками процесса: признал суд забастовку незаконной – ты должен заплатить, причем весьма крупную сумму в порядке возмещения ущерба. А нашим из чего платить? Причем мне кажется, что они и сами не хотят иметь солидные средства, коль ответственность придется нести и деньгами.

К сведению: уже появились в России крупные юристы – специалисты в области трудового права, которые полагают, что и коллективный договор себя изжил. Мол, это было присуще нарождающемуся капитализму, но не современному. Теоретическая база под это подводится тем, что нынешние профсоюзы не обладают таким авторитетом, который должен быть.

Я же исхожу из того, что профсоюзы должны этот авторитет завоевать. Обязательно!..

Три ипостаси профессора

– Вы воспитываете студентов, ведете консультационную и аналитическую работу, видите нестыковки и пробелы в законодательстве, изучая отечественный и зарубежный опыт правоприменения. Ищете пути преодоления этих недостатков, так или иначе участвуете в законотворчестве?

– В реальной жизни очень тяжело вычленишь составляющие моей профессии. В первую очередь я, конечно, преподаватель классического университета, получившего очень высокий статус исследовательского центра. Стараюсь все сделать для того, чтобы те поколения студентов, что учатся у меня трудовому праву, глубоко знали суть трудовых отношений, интересов и прав всех участников. Я понимаю, в большинстве своем выпускники кафедры станут юрисконсультантами у работодателей, будут обслуживать их юридические интересы. Поэтому говорю им откровенно, что довольно часто у них будет возникать внутренний конфликт при решении вопросов морального плана – как искать лазейки в законодательстве, чтобы защитить интересы хозяина и думать при этом также и об интересах общества и государства. Я всегда предупреждаю их об этом. Обязательно учу защищать интересы и простых рабочих. Внушаю: трудовое право не должно нарушаться ни при каких обстоятельствах!

У работника нет средств производства. Он – слабая сторона в трудовом договоре. Зависимая. И эту слабость призвано компенсировать трудовое право. Практикующим студентам не устаю повторять, чтобы они работали с предпринимателями, внушая им, что забота о труженике, даже утилитарно, а не только из гуманитарных побуждений, нужна самому бизнесу.

Теперь смотрите: обучая нормам права, в самом процессе обучения я волей-неволей продумываю эти нормы, их применение. Сравниваю с зарубежной нормативной базой. Так появляется аналитический научный материал, который и ложится в основу моей исследовательской деятельности. Много консультирую и работников, и работодателей. Плюс к тому постоянно знакомлюсь с судебными решениями, «бываю» в судебных сайтах – все это дает оперативную информацию и требует реакции: как развернуть ту или иную позицию, оценить ее всесторонне. Взаимодействую с кадровыми службами, органами охраны труда и т. д. Этот пласт деятельности тоже многое дает для преподавания, позволяет идти в ногу с потребностями времени.

Думаю, я не идеальный научный руководитель. Много учеников – уже 34 – стали кандидатами наук, сейчас 35-я аспирантка отвезла диссертацию в Москву... Показатель вроде бы хороший, а виню я себя за то, что буквально вишу у молодых на входе, отслеживаю их работу от начала до конца. Но такой уж характер. Ругаю себя за это, говорю себе: так нельзя! Вот свой главный труд («толстую» книгу), однако, делаю слишком долго, потому что постоянно занят учениками.

Критикует себя профессор Бугров, не кокетничая. Действительно хотел бы как научный руководитель поменять характер. Но – не получается...

Творчество и право

В пермской прессе как-то прошло известие о восстановлении на работе после череды судебных разбирательств ведущего хореографа одного из пермских театров.

Зная, что в спектре научных интересов профессора Бугрова особое место занимают проблемы трудового законодательства в отношении творческих работников, спросил Леонида Юрьевича, не в курсе ли он этой тяжбы.

– С самого начала данного конфликта был в теме и понимал, чем это должно кончиться. Признаюсь, считаю не совсем корректным, скажем, обсуждать конкретно эту ситуацию со студентами или журналистами, но юридически она очень интересна. К тому же зачем учить на каком-то придуманном книжном материале, коли жизнь сама подкидывает отличный материал для анализа. Конечно, я не называл студентам фамилию уволенной,

но мы вместе анализировали этот казус. И убедились, что другого варианта решения проблемы, кроме восстановления, закон не допускает.

– Известна ваша любовь к оперному искусству, но вы, оказывается, и балета не чураетесь...

– Если без шуток, то действительно самое любимое мое увлечение – оперная классика. Георгия Исаакяна воспринимаю буквально как гения, удивительно много вложившего в развитие пермской оперы. Органично воспринимаю современные навороты в опере, если за этим есть настоящая музыка и содержание. Но не могу заставить себя идти туда, где во все щели лезет конъюнктура, желание огорошить слушателя и зрителя эпатажем, ложной «новизной».

На нашей кафедре помимо базового направления исследований свободы труда есть и уникальное – «Творчество и трудовое право». Я и мои ученики пытаемся найти оптимальные нормы права для творческих работников, которые бы отражали реалии нашей жизни. И по мере сил оказываем юридическую помощь нашим артистам, художникам. Когда певца Грайра Ханеданьяна уволили из пермской оперы за единственный прогул, мы пытались доказать, что не может работодатель так сурово наказывать, тем более из-за одного поступка артиста. Можно и нужно искать другое решение в рамках закона. И корректировать трудовой распорядок, учитывая особенности и специфику художественного творчества, характера творческих людей. Вообще, это очень интересная тема и выводит она на знакомство с замечательными людьми...

Режиссер драматического театра Иван Тимофеевич Бобылев – уникальный человек. Моя первая аспирантка С. С. Худякова защищалась по правовому регулированию труда в театрах. В бытность его «главным» я попросил подписать ей отзыв, заготовил стандартную «болванку». Но он попросил дать ему диссертацию. И говорит: приходи, мол, завтра в это же время. После спектакля, на следующий день, мы еще пять часов сидели, разбирали замечания – «на такой-то строчке, на такой странице...». Вот уровень ответственности!

В начале 90-х мне хотелось сделать цикл работ о творческом труде. Впрочем, в каждой профессии есть элементы творчества, и этим надо основательно заниматься. Стоит отметить,

что на кафедре выполнены диссертации о труде в театрах, в сфере науки и техники, в педагогике. Вышла в свет коллективная книга «Творчество и право». И эти исследования продолжаются.

– Журналистику, кстати, вы тоже считаете творческой профессией?

– Разумеется. Но вот по журналистике у меня неудача. Хотя считаю, что это одна из самых интересных и актуальных в наше время тем. Тут и история российского права, и современные интересные коллизии. Один из самых первых документов, регулирующих право по отношению к работникам печати, был издан еще в начале 30-х годов прошлого века. Дважды были попытки у наших аспирантов написать кандидатские на эту тему, но пока не получается. Однако надежда есть. По крайней мере, публикации на эту тему идут, а диссертации – дело будущего. Ведь область печати и телевидения, работы редакций – в ракурсе правовых проблем это очень интересно и актуально. Уважаю труд журналистов, признаю их важную роль в социуме. Но вынужден ученикам говорить: никогда не цитируйте юридических решений по прессе. Там нередко путают и врут...

– Меня давно тревожит, что в поиске культурной идентификации Пермь иные деятели пытаются представить как некий центр отвязного искусства или тоталитаризма, где основной антураж – колючая проволока. Почему мы позволяем загонять себя в рамки такого образа?

– Мы с вами думаем одинаково: ответ уже заложен в вопросе. Для меня это то же самое, что «а ля рюс», подаваемый на Западе «клюквой» о русских. Обидно, что мы нередко обедняем и дискредитируем самих себя и свою культуру.

– А ваши собственные творческие и авторские права вас волнуют? Я тут порылся в Интернете и обнаружил, что вашими работами торгуют кому не лень: не просто цитируют, а раздербанивают для дипломов, курсовых, кандидатских. Как вы на это смотрите?

– Никогда не интересовался индексом цитируемости или использованием моих работ в подобных целях. Жизнь сейчас настолько сложна и противоречива, что не стоит на все это обращать внимание. Я тогда не смогу последовательно заниматься тем, что для меня первостепенно важно. Были ведь и письма-анонимки, и всякие подножки, но я себе говорил: если будешь реагировать на все это – на работе не сможешь сосредоточиться.

У меня, повторю, огромное количество учеников. Но сейчас в нашем университете нет своего диссертационного совета по

юридическим наукам, а он крайне необходим. Работаем по возрождению такого совета, чтобы принимать к защите диссертации, и не только по трудовому праву, как было раньше, но и по другим дисциплинам – по теории государства и права, по гражданскому праву. Сознательно стремлюсь расширить сферу своих интересов, совершенствую английский язык, чтобы больше заниматься международным правом. Сейчас самое время поработать над анализом свода законов Европейского союза. Ведь между ним и Россией готовится новое соглашение: значит, будет расширяться рынок труда, потребуются квалифицированная защита интересов наших граждан.

– Власти Пермского края выдвинули лозунг борьбы за статус Перми как «культурной столицы Европы». Что об этом думают юристы?

– Если я не ошибаюсь, сначала надо, чтобы Россия вошла в Европейский союз членом или, на худой конец, чтобы Россию по культурным вопросам приравнивали к членам этого союза. То есть сначала надо решить проблему юридически. А вообще, стремление к высокой цели нельзя осуждать, если только это не сведется к каким-то формальным показателям и погоней за призрачной целью.

О целях, впрочем, всегда стоит размышлять особенно внимательно. Вот недавно получил я письмо из Кембриджского университета. Смutil конверт с шведским штемпелем. Открываю – на английском обращается человек с фамилией, переводимой как «право». Пишет от имени издательства, выпускающего справочники. Хотят делать энциклопедию «2000 интеллектуалов мира». Узнали, мол, о ваших работах и предлагаем включить в это число вас. Я подумал, если только в одном нашем университете более тысячи самых настоящих интеллектуалов, то затея, несмотря на внешнюю заманчивость, выглядит подозрительно, мягко сказать... Кое-что понял из сопровождающей бумаги, где было сказано, что книга будет вам выслана за 250 долларов. А если хотите получить диплом от нас, то эта сумма увеличивается. Можем, мол, выдать и медаль, но тогда сумма вырастает до... И я все понял. Отвечать не стал.

«Мой университет»

Недавно профессор Бугров читал лекцию пятикурсникам о трудовом договоре и сказал, что Маркс сформулировал еще в «Ка-

питале», и западные ученые подтверждают, что каждый человек за свою трудовую биографию должен несколько раз поменять свою деятельность. Американцы цифры называют разные, но счет идет за десятков – до 14–15 раз. Они считают это одним из объективных законов современной экономики труда.

Тут, впрочем, он спохватился и заявил студентам, что пример этот отрицает, так как сам работает с 1972 года на одном месте – в Пермском университете и с другими работодателями имел дело только по совместительству. И уточнил, мол, по-разному складываются у разных субъектов их трудовые биографии...

– Я прошел здесь все ступени: преподаватель, доцент, профессор, заведующий кафедрой... на чем и «застрял». Но ведь надо учитывать, что развитие шло и внутри самой кафедры: от советского трудового права к российскому. Потом решил, что этого мало. Занялся международным, отдельных государств – а это огромный океан...

– А в самом университете потенциал крупного ученого специалиста используется каким-то образом? Коллизии возникают – вы помогаете регулировать юридические вопросы?

– Уточню сразу, я не юрисконсульт при ректорате. Но это мой родной вуз, и естественно мое желание помочь по возможности там, где мои знания и опыт могут пригодиться. К примеру, в университете недавно шли выборы ректора. Приготовлен был локальный нормативный акт, относящийся к таким выборам. И случилась жалоба одного из преподавателей в районный суд на предмет того, что акт, мол, был принят с нарушениями законодательства: коллега требовал признать его незаконным.

Дело рассматривалось судьей, которая закончила наш факультет, защитив диплом на нашей кафедре. Но по поводу данного судебного решения могу выразить только сожаление. Сожалеею потому, что, полностью не приняв позиции университета, она, на мой взгляд, сработала непрофессионально. Следовало бы основываться именно на нормах трудового права, оценивая эту ситуацию и принимая судебное решение (это совершенно однозначно вытекает из фабулы дела), а она применила нормы избирательного права, что указывает либо на недостаточный профессионализм, либо на нежелание установить истину.

Университет проиграл это дело в первой инстанции. Я подключился уже только к кассационной жалобе, которая ушла

в Пермский краевой суд. Там выиграли: краевой суд оставил локальный нормативный акт вуза в силе.

Совершенно оправданно, что профессора Бугрова избрали председателем университетской комиссии по трудовым спорам. Более весомую кандидатуру на такую должность трудно было найти. И коллектив мог похвастать, что у них спорами занимается специалист по трудовому законодательству с российским именем – не каждой организации так повезло!

Но самое интересное, что спустя некоторое время председатель предложил коллективу на собрании эту комиссию... упразднить. И объяснил, почему: раньше, прежде чем попасть делу в суд, надо было обязательно пройти комиссию по трудовым спорам. Однако законодательство изменилось, и сейчас, коль тебе не заплатили, скажем, зарплату – пожалуйста, можно прямо обращаться в суд! Если несправедливо наказали в дисциплинарном порядке – тоже. По логике, какой смысл тогда в комиссии?..

Но коллектив с профессором-председателем не согласился. Видно, когда у людей возникает сомнение в чем-то, они все равно нуждаются в совете, консультации. Вот и приходится Бугрову объяснять коллегам тонкости законодательства.

Да и вообще, путем переговоров и маневра лучше решать конфликтные и неясные вопросы. Например, было непонятно: с какого момента после защиты кандидатской диссертации должны выплачиваться надбавки за ученую степень? Вроде бы надо ждать решения ВАК. Но в ПГУ решили улучшить ситуацию и выплачивать диссертанту положенное сразу после защиты и соответствующего приказа на месте. Зацепился Леонид Юрьевич за фразу в Положении, что степень присуждает диссертационный совет. А коль вынесли решение, то выплаты должны идти вслед за решением совета. Так и сделали: посоветовали одной диссертантке пожаловаться на вуз сначала в комиссию, а потом в суд, для того, чтобы получить официальное решение. Суд с комиссией согласился и, к общему удовольствию, деньги стали выплачиваться закономерно, причем раньше утверждения ВАК. Впоследствии эту позицию подтвердили и перемены в нормативной базе.

– Впервые в истории России провинциальный вуз обрел президента. Дело новое. Вы размышляли об этом?

– Разумеется, размышлял. Так получилось, что Владимир Владимирович Маланин пришел на пост ректора, а я на пост зав-

кафедрой через некоторое время. И за эти годы у меня не было с ним ни одной спорной или тем более конфликтной ситуации. Авторитет и талант этого умного руководителя признаю полностью. Если и сомневался иногда в каком-то его решении, то впоследствии всегда оказывалось, что он прав.

Голосуя за Игоря Юрьевича Макарихина, голосовал за преемственность в управлении вузом. Я смотрел на него как на воспитанника Маланина и, думаю, многое от Владимира Владимировича перешло к Игорю Юрьевичу. И уже проявляется, даже в мелочах. Вот любопытный пример: у нас в диссертационных делах иногда многое зависит от сроков, их соблюдения. Иные руководители ставят на документах подпись и обязательно дату. Бывший ректор, как я заметил, никогда не ставил дату в документах о подготовке диссертаций. Только подпись. Тем самым как бы давая соискателю и кафедре определенную возможность маневра в сроках. Уверен, этим простым жестом защищались интересы университета, стремящегося к большому количеству остепененных сотрудников.

И вот недавно принес я новому ректору очередные документы. Обратил внимание, что, став во главе вуза, он тоже не поставил дату...

Думаю, что для нашего президента, отдавшего столько энергии, ума и сил университету, сейчас наступил нелегкий период в жизни. Формально «президент» звучит здорово. А по полномочиям – это все-таки не первое лицо. Но в любом случае абсолютно уверен: Владимир Владимирович еще сделает для ПГУ много доброго, полезного и важного!..

Из Ростова Великого...

– У меня было трудное детство, я из бедной семьи. Иногда думаю: спасли меня в этой жизни мама и бабушка. Да еще Дом пионеров, кружки. Комсомол: до сих пор считаю крупной социальной ошибкой ликвидацию молодежной организации. И пионерии. Особо – пионерии. Очень полезное для ребятнишек было дело.

– Если бы ваша мама спросила: «Доволен ли ты, сынок, своей жизнью?»

– Мама, а ей уже 79, внимательно отслеживает этапы моего становления, в том числе и научно-преподавательскую деятельность. К счастью, природа ее наградила и добротой,

и умом. Я часто вспоминаю, как в начале преподавательской деятельности мучился проблемой – какую поставить оценку студенту на экзамене, если он ответил как-то «между»? И сказал об этом маме...

«А ты, если сомневаешься, ставь на балл выше, – посоветовала она. – И душа твоя будет спокойней».

Это простое решение помогло мне избавиться от головной боли и не выбирать больше между тройкой и четверкой или четверкой и пятеркой.

Такой вот, казалось бы, элементарный, но мудрый совет. А мама переживает за успехи всех моих учеников. Знает их по именам, собирает все мои книги и, думаю, не сомневается, что у сына все хорошо.

Моя «дорога в юристы» началась с того, что замечательная учительница истории и обществоведения Александра Николаевна сказала как-то мне: «У тебя есть понимание причинно-следственных связей, можешь стать юристом...»

Как это важно в юные годы – получить напутствие от авторитетного человека, которого глубоко уважаешь! И хоть школа была с математическим уклоном и Леня дружил с математикой, он выбрал (буквально по карте) Пермский университет, в чем, впрочем, не раскаялся.

Ему надо было сдать на пятерки все экзамены, иначе без трудового стажа он не проходил на юрфак по конкурсу. И надо же было такому случиться – абитуриент из Ростова потерял экзаменационный лист с оценками. Дубликат документа надо было заполнить у председателя экзаменационной комиссии по русскому языку и литературе. Абитуриент пришел за восстановлением оценки по устному экзамену как раз в тот момент, когда волей случая этот человек заканчивал проверять именно его сочинение...

– А у меня была повторяющаяся, к сожалению, нелепая ошибка – при переносе отрывал букву от корня. И вижу – он мне ставит «четыре». Значит, не поступаю. Очевидно, ощущение горя отразилось на моем лице, и председатель спросил, что случилось. Я объяснил, что рушится моя мечта учиться на юридическом. И тут мне был устроен настоящий экзамен по правилам переноса слов. Правила-то я знал на «отлично», и он, посмотрев на меня еще раз, вывел «пятерку»...

Новичка в Перми удивила убогость тогдашних аудиторий юрфака. Ободранные столы и стулья, полумрак в грязноватых ко-

ридорах. Да и город выглядел неважно. Мощная дорога с грохочущими трамваями шла от вокзала среди потемневших заборов и покосившихся деревянных домов. Бугрову почему-то понравился лишь уголок улицы Попова у школы № 7. Напомнил родной Ростов Великий. Было еще несколько приятных глазу мест, напоминавших о родине, но общее впечатление от города было довольно унылое.

Настоящая привязанность к университету и Перми пришла не сразу, но стала прочной и глубокой. Шли перемены в вузе, и он был их свидетелем и участником. А главное – Его Город все больше «заселялся» близкими и интересными ему людьми, увлекал не только учебой, но и театральной жизнью.

Впоследствии время от времени возникали предложения от других вузов страны, но он даже не думал о «перемене мест»...

Адрес – Женева?

Встреча наша состоялась солнечным сентябрьским днем. Профессор собирался тогда в Красноярск – читать лекции по международному трудовому праву. И пооткровенничал, что была реальная возможность сделать карьеру за рубежом. Известно, что главным органом по международному трудовому праву является МОТ – Международная организация труда со штаб-квартирой в Женеве. Там функционирует комитет экспертов, состоящий в основном из ученых разных стран – их около двух десятков человек на весь мир. Вот в этом комитете и освободилось одно место. Весной этого года был объявлен конкурс, по результатам которого МОТ остановила свой выбор на двух юристах – из московского и пермского университетов. К сожалению, решение оказалось не в пользу Бугрова.

– Не обрадовался, естественно, такому результату. Но доволен тем, что профессор периферийного университета соревновался на равных и дошел до финала такого конкурса.

У него и с аспирантурой в свое время было не все гладко. Заявку в МГУ пришлось делать тайком от руководителя кафедры в ПГУ. Она была против и, узнав о совершившемся факте, предприняла определенные усилия: в вызове в аспирантуру появилась исправленная дата зачисления...

– Приехал в МГУ, а мне сообщили, что имеют полное право меня не брать из-за опоздания: пропустил сроки приезда после зачисления. Но опять жизнь развернулась в солнечную сторону...

Случай – язык богов: словно что-то помогало ему свыше в решающие моменты – всегда кто-то приходил на помощь. Но вот создание пермской научной школы трудового права было процессом далеким от случайностей и зиждилось на упорной, кропотливой многолетней работе. В Перми на сегодня сделаны три докторские диссертации по трудовому праву, около 40 кандидатских, из которых 34 – его учеников. Его приглашают на форумы самого высокого научного уровня, а кафедра успешно конкурирует с аналогичными кафедрами московского и питерского университетов.

Не мог не спросить Леонида Юрьевича, что он думает по поводу якобы перепроизводства юристов в вузах России. Даже Президент страны об этом высказался недавно.

– Это так?

– Это так и не так. Действительно, с введением возможности обучения за деньги желающим стало легче поступить на юридический. А дипломы не отличаются – что на бюджете, что на платном. Есть такое мнение, что идет снижение уровня подготовки студентов в целом, а особенно на коммерческих началах.

Но вот как-то я читал лекцию обучающимся платно. Потом расспросил по некоторым вопросам темы. Оказалось, что многие юноши и девушки ничем не хуже поступивших в результате большого конкурса на бюджетные места. Хотя, что скрывать, хотелось бы иметь абитуриентов с более основательной школьной подготовкой, но...

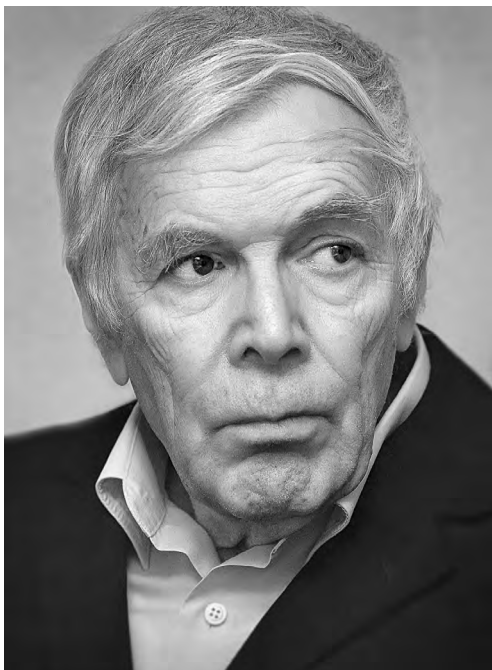
Что ж, приходится прилагать больше усилий в процессе обучения в вузе, применять современные методы, повышать качество преподавания и заботиться о более высоком уровне общей культуры. Надо помогать молодым!..

Любимая книга профессора Бугрова – «Война и мир». Периодически, с интервалом в несколько лет, он ее перечитывает. Любимые места в этой книге для него каждый раз меняются, обнаруживается что-то новое, заставляющее особенно внимательно вчитываться, размышлять, переоценивать.

– Сейчас какой самый любимый отрывок? – спросил я Леонида Юрьевича.

– Место, где раненый князь Болконский вглядывается в небо и вместе с тем в смысл жизни. Его мысли в этот момент.

Может, и нам стоит перечитать этот эпизод...

Юрий Клавдиевич Братухин родился 22 марта 1936 года в маленьком городке Шахунья Горьковской области. Выпускник физического факультета Пермского университета, ученик профессора В. С. Сорокина. Профессор по кафедре общей физики ПГУ, доктор физико-математических наук.

Основные научные работы профессора Братухина посвящены электродинамике и гидродинамике сплошных сред. Он – автор учебного пособия «Равновесие и устойчивость гетерогенных систем», соавтор (с С. О. Макаровым) монографий «Межфазная конвекция» и «Гидродинамическая устойчивость межфазных поверхностей». В сфере его научных интересов – явления фотоэффекта при импульсном освещении пленок пигмента, фазовые переходы в органических полупроводниках и ряд других направлений современной физики.

ВЕТРОМ ПОЛНЫ ПАРУСА

ГЛАВА ВТОРАЯ

**Мир забот
и увлечений
физика –
профессора
ЮРИЯ БРАТУХИНА**

К своему берегу

Сразу после защиты кандидатской диссертации Юрий Братухин решил приобрести за мостом через Чусовую небольшой домик, чтобы иметь в будущем базу для собственной «судовой верфи». Найти такой дом на самом берегу реки помогла его общительная мама. Она быстро переехала с прибрежными обитателями, и вскоре возник «вариант». Берег в тех местах песчаный, и его размывало с такой скоростью, что сажавшая там картошку старушка охотно уступила за посильную для недавнего аспиранта сумму в шестьсот рублей этот уже сжимающийся, как шагреновая кожа, клочок земли...

Тут замечу, что один очень известный пермский гидролог как-то поведал мне в доверительной беседе, что многих бед, связанных с разрушением берегов Камского моря, не было бы, проявив ученые, консультировавшие проект, большую принципиальность. Чтобы увеличить мощность ГЭС, министерство предложило поднять уровень водохранилища всего на полметра выше проектного. И на это не посмели возразить даже люди, понимавшие, какой ущерб нанесет такое волонтаристское решение. Все риски, может быть, не в состоянии были оценить тогда даже специалисты, но что резко повысится интенсивность размывания береговой полосы – разрушение берегов – было очевидно.

«И вот купил я этот участок в десяти метрах от воды и стал берег укреплять, – вспоминает Юрий Клавдиевич, – бревна друг на друга, сверху торф, земля... Месяц за месяцем, год за годом. Действовал подобно японцам, которые исхитрились построить в море искусственный остров-аэропорт. Так и выдвинулся сейчас на десять метров в глубь реки. Ведь яхта должна стоять в глубоком заливишке. Соорудил две верфи: проще говоря, сначала нарастил крышу сарайчика, что имел девять метров в длину и четыре в ширину. Там и начал делать в конце шестидесятых свои яхты...»

То, как молодой физик строил суда – отдельная эпопея. Мечтал он создать настоящую яхту семиметрового класса. Его очень интересовало парусное дело и привлекала возможность путешествий под парусом. Можно сказать, мечта жизни. Первая лодка, однако, была длиной лишь четыре с половиной метра: проще сказать, астраханская бударка. Обошлось без специального проекта: нашелся план, который начинающий корабел просто перекопировал. Достал кое-какие материалы, хотя фанер водостойких тогда было днем с огнем не найти. Бударка получилась не очень удачная, легко опрокидывалась, потому что была слишком узкой...

Теперь в реестре корабела Братухина семь построенных своими руками яхт. Первые уже отплавали свой срок. Строить стало сложнее, потому что стоило только начать борьбу с социализмом и коммунизмом, как почти не стало «ничейных» бревен, вылавливаемых им из залива. Но это обстоятельство не очень огорчило Соросовского доцента. Должна же, в конце концов, смена общественных формаций сопровождаться для граждан определенными издержками!

Яхты он именовал греческими буквами и эту намеревался назвать «Омегой» – последней буквой: думал, будет это последняя

яхта. Но получила она в итоге славное имя «Форель». Может, потому, что чем-то напоминала эту великолепную рыбку. А может – открывала список новой флотилии...

– Теперь я больше люблю строить, чем ходить, – заключает Братухин, – но все же в очередную навигацию обошел все пригодные для плавания притоки Камы.

– А был соблазн уйти из науки в кораблестроение, особенно в годы, когда ученым уж особенно плохо жилось? Ведь ваши яхты наверняка пользовались спросом...

– Обычно люди, которые любят и держат собак, не продают своих питомцев. Я свои яхты не смог бы продать. С каждой многое связано, в том числе и немало испытаний. Однажды мы с Женей Барановским (он был у нас за капитана) прошли на Чермоз километров тридцать, и вдруг гроза. Мы понадеялись под парусами войти в залив и там спастись, потому что гроза – это смертельно опасно. И вот мы почти доходим до берега, когда догоняет внезапный резкий порыв ветра сбоку. Я не догадался спустить грот, и нас несет с большой скоростью. Лодка встает почти вертикально на нос и грохается в воду... Потом пришел катер. Нас перевернули, вытащили на берег. Но все смыло. Ничего не осталось, кроме бутылки водки и двух пакетов лапши. Она нас и спасла. У нас сломало мачту, и мы лишь на восьмой день пришли домой. К своему берегу...

Как НАСА у нас ворует

Жизнь под парусами прекрасна даже в наших северных широтах. И о приключениях «морехода» с дипломом доктора наук можно было бы рассказывать бесконечно. Если бы действительно только эта страсть была бы основной в жизни физика Братухина. С детства приученный родителями-медиками к пунктуальности, труду и режиму, он давно построил такой график своей жизни, в котором десять месяцев отдается напряженной преподавательской и научной работе, а два – полноценному абсолютному отдыху. Солнце, вода и парус образуют для ученого тот великолепный аккумулятор, от которого подзаряжается не только тело, но и дух.

За сорок лет работы он ни разу не брал больничный лист. Тут для него был «маяком» его учитель – известный русский физик Виктор Сергеевич Сорокин. По свидетельствам знавших этого

человека, это была выдающаяся личность: «Он выделялся в любом кругу мощным интеллектом, блестящим образованием и, что встречается крайне редко, прямым и независимым характером. Он работал в разное время с нобелевскими лауреатами Л. Д. Ландау и Н. Н. Семеновым, с выдающимся физиком-теоретиком академиком В. А. Фоком. Сам он не добивался ни степеней, ни званий, хотя его работы вошли в учебники...»

И Братухин еще аспирантом запомнил слова наставника о том, что «не прийти на лекцию можно... только в случае смерти». Студенты, мол, не должны даже предполагать, что ты можешь заболеть, что у тебя могут быть какие-то обстоятельства личной жизни и т. п. В этом – проявление живого наследования тех принципов старинной русской профессуры, что, увы, стали теперь почти легендарными.

Тут, должен сказать, я удивился, услышав от Юрия Клавдиевича – успешного исследователя, авторитетнейшего специалиста в ряде областей современной физики, что, например, преподавательскую работу он ставит выше научной. Это можно было бы легко объяснить природной склонностью и талантом именно передачи знаний. Но, думается, приоритет Юрия Клавдиевича определен еще и особым мировоззренческим, вполне сознательно сформированным им фундаментом.

Приходилось слышать от других пермских ученых, работающих в той же области физики, что Братухин неизменно берется за самые сложные задачи. Движение капель, их свойства, загадки процесса слияния, зависимость от вибраций и других условий – это очень наукоемкая тема. Но, к примеру, сейчас достаточно легко можно считать на компьютере явления в плоских слоях. Однако у Юрия Клавдиевича особый и продуктивный интерес к сферическим полостям. Здесь «координаты меняются», что усложняет задачи, и, соответственно, за них берется гораздо меньшее число энтузиастов-исследователей.

Надо заметить, что многие задачи с «шариками и каплями» актуализировал бурный рост космонавтики, появление новых технологий. А прикладное направление Братухину подсказал приехавший тогда из Латвии академик Игорь Михайлович Кирко. Он рассказал случай: в космосе взорвался бак с жидким кислородом. Тогда, лет 30–40 назад, использовались такие баки. Кислород в них начинал пузыриться и, судя по всему, дрейфовать к нагретой стенке. Угроза взрыва обернулась однажды катастрофой.

– Я задачу эту решил. И ее украли в НАСА, – с усмешкой прокомментировал Юрий Клавдиевич. – Американцы даже выпустили специальную брошюру: то, как я описал процесс, и что опубликовал в советском журнале, они просто... перевели. И подобные бестактности случаются в научном мире. Но стоит ли тратить свое время и свои силы на отстаивание своих приоритетов? Мне трудно ответить на этот вопрос. Сознаю, мне больше импонирует тратить их на студентов, своих учеников. Увы, я по характеру мягкий человек. В нашей теперешней жизни есть многое, что вызывает у меня отрицание. Но... на борьбу уже не хватит нервов.

«Обычный» профессор

– Я, к примеру, никогда не был заведующим кафедрой или каким-то функционером, – продолжает ученый. – Всегда ощущал себя обычным преподавателем и категорически отказывался от заведования, от управленческих хлопот. Хотя испытываю искреннее уважение к людям с такими талантами. Знаю, как легко они входят в любые кабинеты, а я к ректору вхожу, только когда он меня вызывает...

– Но ведь вы, помнится, работали с ОКБ «Маяк», которое можно считать детищем бывшего ректора, а ныне президента ПГУ Владимира Владимировича Маланина. Вообще, в Перми складывалось уникальное сообщество физиков, механиков и математиков. Здесь решались, как стало известно в последние годы, важные научные и прикладные задачи, имевшие большое значение для обороны страны, разрабатывался новый программный материал, передовые методы исследований...

– Да, с «Маяком» я работал по договорам. Там нужно было заниматься «шариками и каплями», и меня они приглашали к сотрудничеству. Надеюсь, оказался полезен.

Знаю ученых-теоретиков, абсолютно равнодушных к прикладным аспектам их исследований. Мое отношение несколько иное: я не только занимался изучением сплошных сред и решением ряда задач, связанных с электродинамикой и гидродинамикой. Но по инициативе того же Игоря Михайловича делал, например, работу для металлургов Березниковского титано-магниевого комбината и ряда других предприятий. Ученый должен жить интере-

сами своей Родины. Но я солидарен с позицией, высказанной когда-то академиком Андреем Сахаровым по поводу ответственности науки и ученых не только перед своей страной, но и перед миром, цивилизацией.

– Но мы все чаще слышим апокалиптические прогнозы, связанные с проникновением науки в тайны вещества. Вот обещают к декабрю 2012 года «схлопнуть» чуть ли не всю Галактику...

– Очевидно, речь идет о пуске к этому моменту гигантского коллайдера?

– Да, и я уже задавал этот вопрос вашим коллегам. А что вы думаете по этому поводу?

– Прежде всего, замечу, что я не специалист и мое мнение может прозвучать столь же непрофессионально, как и те досужие измышления, что тиражируются телевидением. Но ученые знают, что к нам из космоса постоянно прилетают такие частицы и создают микроскопические «черные дыры», которые схлопываются и исчезают. Так что, если тут возникнет «черная дыра», то ее ждет та же судьба. Впрочем, я разделяю беспокойство людей, что уже наука и техника стали заниматься такими областями и экспериментами, последствия которых непредсказуемы. Повторяю, я тут не специалист. Но если наука пришла к допустимости существования Создателя, о чем я прочел недавно, то, действительно, странная стала наука...

– Когда вы выбирали профессию, физики были в стране элиты...

– Я продолжаю считать, что физики, вообще, цвет любой нации. И они зачастую занимаются не только узкоспециальными вопросами, но и вопросами философии, истории, социологии. Это всегда было присуще и русским ученым-физикам. Но, боюсь, сейчас понятие «элиты» не обладает притягивающим свойством. Во всяком случае, для меня.

Корневая система

Отец Юрия Братухина когда-то вместе с будущим ректором ПГУ Василием Филипповичем Тиуновым создавал в университете комсомольскую организацию.

– Он поступил в университет, где училась на медицинском факультете моя мама. Этот факультет они и закончили в 1929 году. И меня готовили к тому, что я тоже здесь буду

учиться – в нашем университете. Мама из пермской деревни Нестюково. Она рассказывала: у нас здесь было хорошее хозяйство. То есть корни – чисто пермские. Но судьба приводила нашу семью и в Польшу, в самый канун Отечественной войны, и в эвакуацию. Осели в Горьковской области.

Я стремился стать радиофизиком и собирался поступать в университет в Горьком. Мама меня провожала из Шахуньи. Вот приходит поезд: «На Горький мест нет!..» Значит, не судьба. Тогда я сел во встречный и приехал в Пермь. Поступил. Увлёкся дополнительно математикой и историей. И – встреча с Сорокиным, который тогда приехал в ПГУ. Виктор Сергеевич притягивал. Но не держал. Впрочем, от него нельзя было уйти. Он увлек меня своим направлением в науке – «движение жидкостей в шаровых полостях». Так я пошел в аспирантуру. В результате подкармливаю «веточку» на этом древе – межфазную гидродинамику...

Почему молодой человек выбирает нелегкую стезю – стать «человеком науки»? Что ведет его по жизни, когда он начинает заниматься глубоким исследованием какой-то проблемы, и почему именно она становится для него целью и смыслом существования?..

Говорить на эту тему с Юрием Клавдиевичем, да и с большинством встречавшихся мне ученых, непросто. Высокие слова о «прометеевском служении благу человечества» неизменно приводят их в смущение. Братухин, тем более, избегает пафоса и высоких слов. Когда я готовил о нем газетную публикацию, то послал ему «на вычитку» текст, казавшийся мне достаточно живым и неформальным.

Строгое отношение к процессу правки и редактирования профессор подкрепил, однако, в утвержденном им тексте небольшой, но едкой ремаркой:

«...Остальной текст прижизненного некролога с вставками, отмеченными красным карандашом, вполне соответствует этому жанру».

И мне пришлось еще раз задуматься: действительно, «биографический» подход в рассказе об ученом неизбежно приводит к тому, что внешние причинно-следственные связи бытия как бы упрощают и нивелируют образы исследователей. В чем-то их судьбы схожи, в чем-то разнятся – чаще «поколенческим срезом», в котором все же меняются мотивации, условия формирования личности и интересов. Но вот ранняя начитанность, легко дающаяся уче-

ба в школе и вузе, обязательный пример наставника, авторитета в науке, быстро обретаемая самостоятельность, какая-то особая внутренняя тяга к общению с природой частенько объединяют их.

Впрочем, для обобщений тут не место: яркая, пусть порой внешне и не очень проявляемая, индивидуальность присуща настоящему ученому, как родовая белая прядь английскому аристократу.

Вопросы межфазной конвекции, исследования гидродинамической устойчивости межфазных поверхностей трудно «переводятся» на более-менее понятный неспециалистам язык.

И надо сказать, что интересы профессора Юрия Братухина никогда не укладывались в какие-то строго заданные рамки. Например, в прошлом учебном году он читал студентам, помимо своей специальности, курс оптики и курс истории физики. На каждую лекцию он готовил презентации, иллюстрирующие каждый тезис. Особенность братухинских «картинок» в том, что они, как правило, наполнены юмором, содержат схемы оригинальных установок, формулы соседствуют с портретами знаменитых физиков. Только в лекциях по истории физики он использует до ста «картинок», из личного архива и найденные в Интернете. И если раньше он к очередной лекции готовился час, то сейчас нередко подготовка занимает по два дня. Он сидит за компьютером, а потом компоует материалы в оригинальный интересный ряд. Думаю, иногда его гложет червь сомнений: а нужны ли эти его старания нынешним молодым? Впрочем, если приходят и так слушают – значит, им это интересно. А что может быть важнее, чем этот живой процесс передачи знаний в интерьере эпохи! Рядом с этим и занятия наукой могут отступить на второй план. Во всяком случае, для него...

Не только от Братухина услышал я, что когда Университет становится слишком большим, неизбежно теряется что-то внутренне очень важное, но не поддающееся точному определению: может, своеобразный моральный уют? Когда училось его поколение, «уют» этот создавали выдающиеся личности – профессора, доктора наук, генераторы целых направлений в науке. И Юрий Клавдиевич очень хочет, чтобы атмосфера Университета заряжалась, как и в былые времена. Энергией поиска.

Вот и ответ, наверное, на вопрос о приоритете педагогики перед наукой. Он понимает, как нелегко сейчас быть нестандартным, ищущим молодым человеком, иметь собственное мнение

и силы его отстаивать. Но профессору необходим в аудитории активный фон. Его создают, как правило, те, кто и придет завтра в исследовательские лаборатории, чтобы продолжить поиск истины. И как быть, если вопросы задают все реже? Если вместо диалогов звучат в аудитории только монологи преподавателя? А тогда профессор Братухин сам задает вопросы аудитории, просит найти ошибки, провоцирует несогласие, будоражит парадоксами. И рядом с формулами возникают на экране вдохновенные лица предшественников: чтобы знали не только «что», но и «кто». Он хочет, чтобы национальный исследовательский университет объединял ученых, преподавателей и ректорат с новой молодой генерацией питомцев нашего классического университета.

– Для этого есть все основания и условия, – уверен Юрий Клавдиевич. – У нас могучий потенциал, есть, например, такие ученые, как физик – профессор Любимов: он занимается вопросами гидродинамики и еще сможет активно работать много лет. Вместе с женой Татьяной Петровной они создали школу, объединившую талантливую молодежь. Таких примеров в вузе немало!..

И профессор Братухин с увлечением начинает рассказывать о своих коллегах, их таланте и успехах. Но это уже другие истории...

Георгий Анатольевич Воронов родился 18 октября 1935 года в Москве. В 1960 году окончил географический факультет МГУ по специальности «Физическая география». Специализировался по экологической зоогеографии. Ученик крупнейших биогеографов-экологов А. Н. Формозова, А. П. Кузякина, А. Г. Воронова, Н. А. Гладкова. Особое влияние оказал на него профессор А. М. Чельцов-Бебутов и, позже, д. б. н. Н. Ф. Реймерс.

По окончании МГУ распределился в Институт географии Сибири и Дальнего Востока Сибирского отделения АН СССР. В 1961 году поступил в аспирантуру при этом институте, а в 1963 году переведен в аспирантуру Института географии АН СССР. В 1964 году перешел на работу в лабораторию зоологии Сахалинского комплексного научно-исследовательского института ДВО АН СССР.

В 1965 году защитил кандидатскую диссертацию по зоологии.

С 1976 года его жизнь связана с Пермским государственным университетом, где Воронов организовал кафедру биогеоценологии и охраны природы.

Звание профессора присвоено ему в 1992 году, степень доктора географических наук – в 1998-м. Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Автор свыше 300 научных работ, в том числе 20 книг. Среди них – «География мелких млекопитающих южной тайги Приуралья, Сибири и Дальнего Востока».

СРЕДА ОБИТАНИЯ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

**Эколог
ГЕОРГИЙ
ВОРОНОВ –
представитель
четвертого
поколения
русских
профессоров,
работавших
в Перми**

Вместо пролога

Была когда-то в Перми на Заимке улица Безымянная... Может, и осталась бы навсегда таковой, если бы в 1916 году приват-доцент Петербургского университета Александр Генкель не решил приехать в Пермь. В Петербурге его считали неблагонадежным из-за передовых демократических взглядов. А ведь в 39 лет он уже имел ученую степень доктора ботаники, но, прождав пять лет кафедру, получил ее и стал, наконец, профессором в только что открывшемся последнем дореволюционном университете России...

К тому же в Перми директорствовал тогда в мужской гимназии его старший брат – Герман Германович, известный филолог и философ, впоследствии профессор Петербургского университета (эмигрировавший в Гражданскую войну в Югославию)...

– Не знаю, сказалось это или нет, но именно в Перми делал дипломную работу еще тесть А. Г. Генкеля – мой прадед Алексей Иванович Макшеев, ставший впоследствии профессором академии генштаба, генерал-лейтенантом, – вспоминает Георгий Анатольевич Воронов. – Эту работу моя мама передала в Пермский краеведческий музей: она там есть в рукописном виде. А была она издана в позапрошлом веке под названием «Военно-статистическое обозрение Пермской губернии». Так что корни наши здесь более чем вековые, и мне в Перми выпала честь стать профессором «в четвертом колене»...

Есть такая небольшая книга «Уральские просветители. Семья Генкель», изданная в ПГУ. В предисловии к ней директор музея истории университета Александр Стабровский писал: «История – это конкретные люди... Дети, унаследовавшие от отца увлеченность наукой, культурные традиции, интеллигентность, сочетающуюся с демократизмом, активно занимались научной, общественной, популяризаторской деятельностью, отличались артистизмом и душевной щедростью...» В династии этой заметное место занимает профессор Георгий Воронов – внук А. Г. Генкеля.

Генеалогическое древо ученых Генкелей-Вороновых имеет мощные корни и столь же могучую крону. Рассказ о научной и общественной деятельности членов этой семьи занял бы целую книгу. Их судьбы, достижения и потери неразрывно связаны с нашим городом. И совершенно закономерно, что улице Безымянной, на которой расположились корпуса вуза, присвоили имя Александра Генкеля. Так что внук ходит на работу по улице, носящей имя деда. А это, согласитесь, ко многому обязывает...

Своя тропа

В молодые годы близкие звали его Гариком. Ему – кудрявому, подвижному – шло это имя. Но довольно быстро коллеги привыкли звать его уважительно, по имени-отчеству. Авторитет он завоевал, проявив неординарный талант и способности исследователя с оригинальным самостоятельным мышлением и новыми подходами в зоогеографии.

Интересно, что в фундаментальном плане ему очень быстро удалось сделать то, чем до Воронова никто не додумался заняться: он решил исследовать влияние лесных рубок и пожаров на три от-

ряда млекопитающих. Собирал материалы в Красноярском крае, в Иркутской области, на островах Дальнего Востока.

Было понятно, что при пожарах, уничтожении леса происходит резкое падение числа животных. Но исследования показали: на вторичных стадиях в смешанных лесах видов становится... в два раза больше. В открытой молодой ученым закономерности обнаружилась и масса прикладных аспектов. Через исследования популяций зайцеобразных и насекомоядных в этапах освоения тайги Воронову удалось реконструировать взаимоотношения человека и природы в тайге лет за 200–300!

Это было чрезвычайно важно как для понимания процессов, так и для прогнозирования. Ученый вывел шесть этапов развития леса, заложив основы более глубокого понимания природных балансов.

Итогом этих экспедиций стала монография, куда вошел обширный (в прямом смысле слова) исследовательский материал: от Приуралья до Дальнего Востока. Каждая строка этого научного труда была пропитана потом и тяготами его таежных маршрутов, где риск и походные лишения были привычным делом. Все компенсировалось красотами великолепной русской природы, в которую он был влюблен с детства. Еще мальчишкой, едва научившись писать, он стал вести дневник, куда записывал свои наблюдения натуралиста.

И вот первое солидное издание. Найденная методология выводила молодого исследователя на все новые идеи и открытия. Он задумался над возможностью на основе своего материала определить сроки отделения острова Сахалин от материка. Его выводы могли помочь геологам в поиске нефти. Изучая птиц, облетел все военные аэродромы Приморья. Воронову удалось доказать, что в ряде случаев взлетные полосы расположены таким образом, что самолетам практически невозможно избежать столкновений с птицами...

Он работал с эпидемиологами и ветеринарными службами, стараясь помочь им в познании закономерностей тех или иных явлений и заболеваний. Так, с самого начала, формировался в Георгии Анатольевиче ученый «некабинетного типа», настоящий профессиональный эколог, нацеленный на изучение сложных закономерностей влияния человека на окружающую среду.

Растить экологов!

– В 60-е годы я вернулся в Пермь и предложил тогда профессору Болотникову в пединституте ввести курс охраны природы. Вообще, затея была довольно рискованная, – вспоминает Георгий Анатольевич. – Можно было, конечно, говорить, что у нас в стране, в отличие от проклятых империалистов, все с природой в порядке. Но избрал я другой путь – говорить правду, говорить о недостатках, которые имеются. Правда, мне помогла «партийная идея», что, мол, критика должна быть конструктивной.

И я совершенно конкретно говорил, что нужно сделать, например, по ликвидации загрязнений. И себе ставил задачи совершенно конкретные...

Как «человек конкретно мыслящий» Георгий Анатольевич с переходом в классический университет, став через девять месяцев заведующим кафедрой, задумался над созданием новых направлений в исследованиях и новых специальностей.

Шел 1977 год. Воронов давно уже интересовался заповедниками, а тут ему попал материал, с которым мало кто желал связываться: речь шла о создании заповедника! Он прекрасно понимал, что придется потратить уйму времени и сил на то, чтобы убедить партийные органы и советскую власть в его необходимости. И уповал, пожалуй, на один беспроигрышный фактор – местный патриотизм руководителей области. У него самого было очень развито это чувство – мощный рычаг активной деятельности.

И ученому посчастливилось создать заповедник – первый такой в Пермском крае.

– Все-таки в Перми даже власть была какой-то уникальной. Я тут познакомился с такими людьми, как Василий Васильевич Казанцев, Александр Степанович Малафеев – председатель облисполкома тоже поддержал идею. Это были уверенные в себе самостоятельные люди, с хорошими связями. И мне пришлось протоптать дорожки и в обком, и в ЦК КПСС; нашел себе союзников. Когда предложил создать новую специальность по охране природы, то заключил союз с управлением мелиорации – мол, будем готовить специалистов по охране природы, коль мелиорация – это облагораживание земли. Тогда прошло еще не так много времени

с момента, когда министр образования Столетов подписал указ о закрытии университетских заповедников. А вот региональная власть (все-таки были люди, которые что-то понимали) сообразила, и преобразовали наш университетский заповедник в заказник. Так что у нас есть «особо охраняемая территория». Не знаю, правда, переживет ли она нынешнюю волну пренебрежения охранной природы...

Тут надо сказать, что в марте 2011 года профессор Воронов выступил в краевой печати с довольно резкой и бескомпромиссной статьей по этому поводу.

«Руководители края и их приближенные много и горячо говорят о Перми как о будущей культурной столице Европы. Естественно возникает вопрос: реально ли претендовать на столь высокое звание, если в Пермском крае, административной столицей которого является город Пермь, громадное число нерешенных и не решающихся проблем? Любой житель Перми (да и края) совсем не против звания культурной столицы Европы, но боюсь, что лозунг «Пермь – культурная столица Европы» звучит на этом фоне скорее как анекдот: вряд ли столица края, в котором экологические, экономические, культурные проблемы не решаются, может рассчитывать на успех.

С начала 90-х годов двадцатого века в мире на первый план вышла идея устойчивого развития; не осталась в стороне и Россия. Принята концепция развития, есть соответствующая нормативная база. Совершенно очевидно, что устойчивое развитие общества, не наносящее ущерба ни нынешнему поколению, ни потомкам, может быть реализовано при наличии «трех китов», без которых все обречено лишь на деградацию. Эти «киты» представляют собой три важнейших опоры общества: сохранение природной среды (решение экологических проблем), приемлемая социально-экономическая среда, сохранение историко-культурной среды.

Однако даже беглый взгляд на современную ситуацию в Пермском крае рождает самые печальные мысли. Достаточно вспомнить, что у нас нет нормативного документа, определяющего стратегию социально-экономического развития. Это вряд ли позволяет рассчитывать на планомерное развитие хозяйства, а значит, и на решение острейших социальных проблем.

Если считать, что историко-культурная среда (включая культурную, историческую, образовательную и т. п. составляющие) – необходимое условие нормального общественного развития, то нынешние тенденции скорее шокируют, чем вселяют надежды на светлое будущее. Развитие так называемого «современного искусства» на фоне уничтожения и деградации исторической среды, разрушение своеобразного местного искусства и культуры (среди них немало «брендов» мирового уровня), безжалостное «реформирование» образовательного пространства рождает пессимистический настрой у тех, кто охраняет и создает культурные ценности.

Уникальная природа Пермского края издавна служила источником вдохновения для пермских писателей, поэтов и ученых. В мире знают и о Кунгурской ледяной пещере, и о скалах-останцах моря Пермского периода, и об очерских звероящергах, и об Ординской подводной пещере, и о наших государственных заповедниках («Вишерский» и «Басеги»), а также о многих других природных достопримечательностях. Многочисленные месторождения полезных ископаемых, обширные леса, богатые древесиной, охотничьими зверями и птицами, болота, изобилующие ягодами, тысячи рек и речек, обеспечивающие край водой, дают основу для развития экономики и для здоровой жизни пермяков.

Однако по качеству окружающей среды мы оказываемся в лучшем случае на сороковом, а по некоторым показателям и в седьмом десятке регионов, заметно уступая и аграрным, а в ряде случаев и промышленно развитым субъектам Российской Федерации. Для пермяков давно не новость, что воздух, вода, почвы у нас подвергаются загрязнению: достаточно вспомнить о кислотных водах рек Кизеловского угольного бассейна, пермских смогах, в формировании которых все увеличивающуюся роль играют выбросы автомобилей. Не меньший ущерб здоровью природы и людей наносит застройка городских лесов, сокращение площади зеленых насаждений, коттеджи, воздвигаемые в водоохраных зонах по берегам рек, уничтожение малых рек и ручьев.

Об уровне культуры и охраны природы тех или иных стран принято судить по числу и площади особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Попробую коснуться этой проблемы в нашем крае. К началу XXI века наш регион занимал по этому

показателю одно из первых мест в России. Совместные усилия законодательной и исполнительной властей, ученых, экологов-общественников в 90-х годах привели к созданию двух государственных природных заповедников, почти 600 ООПТ разного назначения, статуса и режима. Тогда же появились и региональные законы об охране природы, о природном наследии. В восьмидесятых годах XX века создана региональная программа по охране и рациональному использованию природных ресурсов, которая каждые 5 лет корректировалась.

К началу XXI века была разработана «Генеральная схема природно-заповедного фонда» Прикамья. Она была утверждена губернатором, при этом около 25 территорий были зарезервированы до 2015 года для создания ООПТ. Активно участвовали в этой работе природоохранительные кафедры пермских классического и технического университетов, созданные в конце 1970-х годов.

Но в начале XXI века система охраны природы в РФ была разрушена, ряд законов трансформирован или отменен. Новое законодательство не обеспечивало элементарной защиты природной среды. Достаточно напомнить о беспомощности государственных служб перед лесными пожарами прошлого года в связи с практической ликвидацией в 2007 году службы лесной охраны.

В Пермском крае после роспуска комитета охраны природы в составе исполнительной власти было создано Управление по охране окружающей среды (УООС), утратившее значительное число сотрудников, функций, полномочий. Тем не менее, в начале своего существования управление организовало создание ряда проектов: Сылвенского национального парка, Кумикушского заповедника. Было начато проектирование Косинского национального парка. К сожалению, потом интерес управления к созданию ООПТ исчезает. Более того, число региональных особо охраняемых территорий резко сокращается.

Так, в 1991 году у нас было 546 ООПТ. Сейчас их – 256. Мы стали по числу ООПТ существенно отставать не только от таких больших регионов, как Свердловская область (1303 ООПТ), но и значительно меньших: так, Тверская область меньше Пермского края примерно в два раза, а число ООПТ там больше в четыре раза. Таким образом, наш край из «передовиков» (первой тройки) скатился во второй десяток: по рейтингу регионов России

по сохранности природных экосистем в 2008 году пермяки были на 11-м месте (по данным независимого экологического рейтингового агентства).

В середине февраля 2011 года в Перми прошла конференция «Особо охраняемые природные территории в жизни региона», посвященная 20-летию государственного заповедника «Вишерский». Выступала на этой конференции и начальница Управления по охране окружающей среды Министерства природных ресурсов Пермского края. Выступление это вызвало немалое удивление у специалистов, ибо она поведала о том, что у Управления нет концепции работы с ООПТ. Разумеется, о перспективной схеме развития земель – Генсхеме – уважаемая чиновница не упомянула, хотя в этой работе есть и концепция, и реальные этапы развития практически на первую треть нашего века.

Впрочем, удивляться не приходится. У чиновников такого документа нет, он украден одной весьма шустрой московской аспиранткой, которой разрешили работать с этим важным материалом.

Конечно, причин для резкого падения интереса природоохранных чиновников к охране природы несколько: это равнодушие федеральных властей, отсутствие интереса к охране природы региональных руководителей и утрата Управлением авторитета в глазах начальства и населения. Немалую негативную роль сыграли и действия самого руководства Управления по подготовке решений о передаче части региональных ООПТ на местный уровень при полном отсутствии работы по заключению договоров о передаче части полномочий в рассматриваемой сфере с федерального на региональный уровень.

В Управлении утрачены не только «Генсхема», но и согласованный с Москвой проект Сылвенского национального парка, а также Кумикушского заповедника. Здесь, по сути, отказались от работы с учеными. Были ликвидированы все советы (консультативный, технический и т. п.) при Управлении. В результате чего появились на свет решения, уничтожившие половину ООПТ региона. Кроме того, ряд действий чиновников вызывает и недоумения, и огорчения. Так, Законодательному Собранию был преподнесен крайне сырой и недоработанный проект закона об охране природной среды, издан безграмотный «Экологический атлас Пермского края», содержащий сотни таких ошибок, что использовать его нельзя (в качестве рецензента и консультан-

та выступила гидролог, не имеющая опыта в подготовке подобных изданий).

Вероятно, многое легко объяснить тем, что чиновники руководствуются соображением: меньше объектов охраны – меньше хлопот по их созданию, спокойнее жить, т. к. не надо ими заниматься. Косвенно это подтверждается и другими действиями Управления: в Красную книгу Среднего Урала (1996 г.) включено 7 видов млекопитающих, 3 вида рептилий, 5 видов амфибий, а в Красную книгу Пермского края (2008 г.) – 1 вид млекопитающих, 1 вид рептилий, 1 вид амфибий. Оснований для такого сокращения числа редких видов нет, по крайней мере, я как автор книг о млекопитающих и гадах Прикамья их не вижу. Зато если объектов охраны существенно меньше, забот у чиновников тоже убывает.

Самое удивительное в области охраны природы края – отсутствие с 2006 года краевой программы. Понятно, что если программы нет, не будут спрашивать за ее выполнение: чиновники могут ничего не делать, спокойно охраняя лишь свои кресла.

Охрана биоразнообразия (ООПТ и краснокнижных видов растений и животных) – не только показатель цивилизованности региона, но и необходимое условие развития общества. Кроме того, этот раздел – необходимая часть любых территориальных программ, как социально-экономического развития (отсутствующей в Пермском крае), так и развития отдельных отраслей хозяйства. Удивляет, что программа развития туризма до 2020 года не включает серьезных разделов по организации национальных и природных парков.

Ситуация с проблемами сохранения биоразнообразия вызвала озабоченность Пермского подразделения Росприроднадзора, консультативный совет при котором подготовил ряд предложений по нормализации положения в крае.

Научный потенциал пермских вузов очень велик, пермяки могут сами без привлечения западных и столичных специалистов решить свои проблемы. Поэтому надо быть оптимистами. Можно довольно быстро восстановить утраченные проекты, разработать соответствующие программы. Однако для реализации амбициозных планов надо не только речи говорить, но и заняться реальными делами. Хотелось бы, чтобы предложения ученых и консультативного совета при Росприроднадзоре по подготовке законов, разработке проектов не лежали мерт-

вым грузом и разворачивались в чиновничьих архивах, а служили развитию края».

Статья эта вызвала широкий резонанс и имела продолжение в виде полемики в Интернете и в печати...

Авангард демократии

– Взрыв на Чернобыльской АЭС положил начало очень мощному экологическому движению. Недоверие к власти породило внутри его массовое демократическое движение. Вы участвовали в этом?

– Действительно, несмотря на попытки реанимировать КПСС различными реформами, население ей с середины 80-х уже перестало доверять, а поскольку отсутствовали политические партии, то экологи оказались как бы на острие общественных протестов. Чернобыль ведь был для нас не единственным примером: тогда немногие знали правду о радиационной обстановке на Урале, о безобразиях в водной и воздушной среде, о хищнических рубках лесов. Не имея возможности легализовать свою деятельность, люди начали объединяться вокруг идеи охраны природы. И тут, замечу, власти недооценили момент и допустили брожение – думали, наверное, этим «спустить пары». Это первое.

Второе: среди экологов к тому времени появились надежды на решение ряда проблем. Многие специалисты в области охраны природы пошли во власть, начали структуризацию экологического движения. И мы до сих пор сохраняем осколки организации того времени.

Помню, где-то в 1991 году был проведен съезд депутатов региональных Советов: экологи и депутаты объединились – новосибирцы, уральцы, волжане до Каспия. Тогда и был создан Экологический парламент бассейна Волги и северного Каспия. До сих пор жалею, что досрочно нас разогнали: не все успели решить. Но кое-что все же удалось сделать – где-то больше, где-то меньше.

В Перми нам повезло, мы сумели организовать работу, четко распределив обязанности. Создали систему охраняемых территорий – это больше, чем 500 наименований по краю. Энергия людей творит чудеса, большинство депутатов и экологов были настроены на большую и важную работу.

После Ельцина на многом был поставлен крест: разгон комитетов, ликвидация структур – до сих пор у нас нет отдельного министерства. Тут как-то вышла книжка об охране природы «от Ельцина до Путина». Последний, надо прямо сказать, «по-царски» задвинул этот вопрос. Теперь, правда, на посту премьера, похоже, меняет некоторые взгляды...

Понимаю, что в позиции чиновников слишком многое зависит от целого ряда факторов. Вспомните, когда мэр Юрий Трутнев шел к власти, то с уровня городского мог занять самостоятельную позицию по тем же сжигаемым ракетам. Но когда он вытеснил Игумнова, то на региональном уровне вынужден был подчиниться давлению федерального правительства.

Наши власти, к сожалению, в подавляющем большинстве не понимают, что вырубить гектар леса – это увеличить смертность на сотни человек. Так надо же в каждом конкретном случае считать, прикидывать, что лучше для людей. Но ищут простых «экономических решений», управляя лишь денежными потоками: проще говоря, что хотят, то и воруют за деньги.

Бывший мэр Перми Игорь Шубин попросил меня войти в градостроительный совет. Я согласился, предупредив, что никогда не буду действовать вопреки моим взглядам. Но вот обсуждался как-то на совете парк Победы. А вскоре выясняется, что два гектара в парке вырубил без всяких обсуждений. Почему? Не верю я в бескорыстие чиновников, которые так поступили, не обращая внимания на обострение общественного мнения.

Вообще, у меня создается впечатление, что многие бизнесмены и чиновники, их дети сами в России жить не собираются. Их усилиями можно сейчас так запакостить природу, что на восстановление уйдет потом больше денег, чем сейчас они получают.

– Понимаю, что вопросы состояния окружающей среды вызывают порой очень острую реакцию. Настолько, что часть активистов, которые в начале 90-х выступали в авангарде экологического движения, простите, напоминали не совсем нормальных. Каково такому серьезному ученому, как вы, было в этой компании очень взволнованных людей, не знающих зачастую суть ситуации?

– Я член всероссийского общества охраны природы с 1955 года. Занимался этими вопросами в той мере, в какой это было возможно: читал на семи факультетах пединсти-

туда курс по охране природы в шестидесятые годы, потом – в университете. Если то, чем я владею как ученый, совпадает с интересами людей, то это не моя заслуга. И когда меня «вовлекают», я не отказываюсь. Поддерживал ребят, которые создавали экологические общественные комитеты. Я считаю, что эти эмоциональные выступления заставляли власть имущих хоть что-то делать.

Беда в том, что идеи хорошие, но компрометируются порой безграмотными людьми. Я это говорил открыто на дискуссиях. И возникла в конце 80-х мысль, которую, к сожалению, развивать не стали, – собрать общественные комитеты вместе. Я, помню, пришел тогда в Дом культуры железнодорожников: там были представители обкома и горкома партии, районных комитетов по охране природы и... плюс еще некоторое количество пенсионеров, к которым я отношусь по причине собственного зрелого возраста с искренним уважением. Но дело в том, что у каждого свой путь: я основываюсь на знаниях, на умении прогнозировать, эмоции я могу позволить внешне только как лектор. Но я исключаю для себя акции силовые; не представляю себя что-то крушащим, вламывающимся куда-то с криками и лозунгами. Количество неуравновешенных людей в начале 90-х резко увеличилось. Не каждый уровень эмоциональности я мог поддержать...

– Партия «зеленых» почему в России не состоялась?

– Она, честно сказать, нигде в мире не состоялась, хотя в ряде стран влияние «зеленых» достаточно велико. Но сама численность партии в России, со всеми сочувствующими, не превышала 10 процентов избирателей. К тому же у нас и уровень экологической подготовки населения значительно отстает от развитых стран.

Вот попробуйте заставить нашего жителя сортировать мусор (одна из экологических проблем, самая простенькая). Это же надо приучать десятилетиями! Не случайно же выходят вот такие переводные брошюры на русском языке: «Кого, прежде всего, надо учить экологии?» Ответ: министров, которые принимают решения, и детей!

Я много выступаю в школах и даже с дошкольниками общаюсь. Что-то упрощаю, конечно, но они слушают и вопросы задают...

– Рассказывают, что вы как лектор обладаете особым талантом.

– Есть такое правило: ты хороший преподаватель, если за время лекции можешь выложить 5 процентов того, что ты по этой теме знаешь. Если меньше или больше выкладываешь, ты не интересен. Особенно – если это все, что знаешь.

Прогноз на завтра

– Поделитесь, Георгий Анатольевич, прогнозами: сейчас публику активно пугают природными катаклизмами, истощением природы. Помнится, еще лет сорок назад знаменитый «Римский клуб», солидные ученые, предрекали гибель цивилизации к середине XXI века. Что оправдывается, а что нет, и почему?

– Тональность этих прогнозов действительно была тревожна. Футурологи «Римского клуба» как бы пришли на смену французскому движению алармистов (тревожных). И если суммировать (на очень популярном уровне), что же говорили «римляне», то получается, что системный всемирный кризис – сочетание экологических, социальных, экономических проблем – обрушится на Землю в период между 2020–2050 гг.

Но заметьте: даже экстраполируя в будущее уже известные им данные о состоянии, например, природных ресурсов, они не задавали жестких временных рамок. В отдельных проектах пытались, но по компонентам давать прогнозы, я считаю, еще более ошибочно. Я по образованию еще и военный синоптик. У метеорологов точность долговременных прогнозов чуть больше 30 процентов. Конечно, кратковременные прогнозы более точны. Однако у меня такое впечатление, что по основным показателям пока мы не опровергли выкладки футурологов в масштабах земного шара, учитывая бездумное выкачивание природных ресурсов и уничтожение природоохранной системы. Боюсь, мы все-таки идем по этому «графику».

Основным суммарным показателем является здоровье человека, проценты и причины заболеваемости и смертности. Вот когда создавался общественный экологический комитет, заболеваемость работающих по Перми была отмечена примерно в 900 случаях на 1000 человек. Сейчас еще больше болят и чаще. Что касается смертности, то вам известен наш трагический «русский крест», когда число умерших превышает за год

число родившихся. И экологический фактор играет здесь важную роль...

– Почему же экологическая активность людей падает? Например, практически все добровольно идут покупать в киоски питьевую воду вместо того, чтобы требовать нужные стандарты воды в обычных сетях? И давно уже никто не стоит в пикетах у предприятий, отравляющих воздух...

– Специальные издания, публикующие объективные сведения, мало кому доступны. Потом, речь идет об экологической безграмотности населения, здесь мало что изменилось. Еще один момент: одно время газеты публиковали ежедневные бюллетени по загрязнению воздуха, реки Камы. Но население, которое просто не понимало изложенные научные данные, не воспринимало информацию: много ПДК – ну и что?

Закрытость и непонятность информации... Трудно сказать, от кого это зависит – от журналистов, публицистов, ученых. Мне все время приходится работать с журналистами, я никогда не отказываю – был даже у меня рекорд: девять интервью за один день.

Я думаю, что наши власти независимы от избирателей, но очень зависят от тех, у кого есть деньги. А у тех есть стремление платить минимум налогов. Власти и предприниматели отстаивают свои интересы. Возьмите, например, отметившегося в Перми олигарха Вексельберга: он заинтересован в строительстве у нас атомной станции, нужна электроэнергия. Для чего? Зачем нужны переизбытки энергии? Скорее всего, он собирается на стыке с республикой Коми, где есть залежи алюминийсодержащих бокситов, строить комбинат.

А алюминиевое производство – это колоссальные энергозатраты. Я был в Братске – там тайга отравлена на десятки километров в округе алюминиевым комбинатом. Да любой эколог будет против этого выступать.

Около 400 тысяч людей в России умирают ежегодно от радиационного заражения. Тем не менее, мне звонят из информационных агентств: как, мол, вы относитесь к тому, что правительство Пермского края предлагает заложить в бюджет средства на исследования по строительству АЭС?

Что я могу ответить? Конечно, это противозаконно, они даже не потрудились отменить решение на этот счет област-

ного совета депутатов. А ведь народные избранники уже приняли однажды решение – подобных изысканий не проводить. Кто из населения знает об этом?

Руководители предприятий, даже из числа коммунистов, требовали: давайте сжигать ракеты! То есть заботы сегодняшнего дня по обеспечению рабочих мест они противопоставляют перспективе выживания, потому что все это действует, пусть не сразу, на здоровье. «Подкрепились» диоксином? Так сразу же не умрете, но начнут развиваться опухоли, рак крови, другие болячки. А мероприятия, предлагаемые экологами и связанные со здоровьем, оказываются отложенными на «потом»...

До востребования...

– Насколько востребованы ваши выпускники?

– Года три назад я предложил создать базу данных. Начали с того, что сотрудники нашей кафедры опрашивали своих выпускников...

Многие уезжают в другие регионы. Пока было распределение, я знал куда, а сейчас довольно сложно вести такой учет, в отсутствие официального распределения.

Теперь у нас довольно много данных о выпускниках кафедры. К примеру, последние два выпуска очного и заочного отделений: лишь примерно половина работают по специальности. Из-за небольшой зарплаты наши выпускники, откровенно сказать, последние годы не идут в школы. А те, что остаются при кафедре, бывает, быстро уходят. Три или четыре выпускника были оставлены при кафедре заведовать лабораториями. Но – зарплата около четырех тысяч, и нечем было их удерживать, если в другом месте предлагали больше. Это сложная проблема – система оплаты в вузе. Ни одна реформа министерства в этом направлении не вызвала у меня одобрения.

Мы проводили вечер встречи с выпускниками. Они работают в лесоустроительных организациях, в управлениях экологии, лесного хозяйства, охотничьих хозяйствах, много во власти, администрациях и даже есть в законодателях, муниципальных правлениях, в МЧС...

Пока существовала система комитетов по охране природы, очень много было там «нашего народа» сверху донизу. Сейчас там,

где эта структура сохранилась, до сих пор они работают. Запас знаний выпускников широк, но платят не везде хорошо.

– Вы критически отозвались о политике Министерства образования России...

– Я очень обеспокоен тем, что делает это министерство. В силу того, что я более тридцати лет заведовал кафедрой (ныне ее возглавляет мой ученик – профессор С. А. Бузмаков), то отслеживаю первокурсников. Так вот, год от года состояние знаний абитуриентов удручающе падает. Особенно резко с переходом на ЕГЭ. С моей точки зрения, эта система абсолютно неоправданна: если мы хотим иметь людей, потенциально способных заниматься наукой, людей с высшим образованием, то нам нельзя идти по такому пути. По предметам уменьшается число часов, а экология в средней школе вообще отсутствует, предмет ведется только за счет энтузиазма отдельных учителей.

– Университет несколько лет назад получил весомый грант правительства: даже ноутбуками преподавателей снабдили, практически поголовно. Теперь вот статус вуза повысился как исследовательского центра...

– Ноутбуки помогли многим преподавателям университета сделать прорывной шаг в освоении новых методов обучения и исследовательской деятельности. Я, к сожалению, пока лично не пользуюсь, так как техническая сторона процесса отвлекает от лекции: должно быть сочетание старой школы и современной. До революции много времени уделялось личностному общению преподавателя и студента. Надо идти по этому пути. Для меня очень важно, что изучение состояния окружающей среды, проблемы освоения природных ресурсов и многие другие важные проблемы, в том числе экологические, сейчас выходят на первый план в рамках общеуниверситетских задач. Работы впереди очень много!..

* * *

Георгию Анатольевичу Воронову присвоено почетное звание «Заслуженный профессор Пермского государственного университета».

Он – основатель и председатель Пермского отделения Русского териологического общества и Пермского отделения Экопар-

ламента бассейна Волги и Северного Каспия. Разработал концепции Закона «Об историческо-культурно-природном наследии населения Пермской области» (принятого в 1997 году), Перспективной схемы развития земель природно-заповедного фонда Пермской области (1990 г.), биологических блоков областных программ по охране природы. Предложил организовать и вместе со своими сотрудниками создали государственные заповедники «Вишерский» (1991 г.) и «Басеги» (1982 г.), пять ландшафтных заказников и помогли узаконить более 350 памятников природы, резерватов и т. п.

Основные работы ученого посвящены исследованиям антропогенной динамики природы и животного мира Урала, Сибири и Дальнего Востока, охраняемым природным территориям, проблемам экологического образования в высшей школе...

Верится, что будет в Перми и улица имени профессора Георгия Воронова!

РОДНИКИ МОИ СЕРЕ- БРЯНЫЕ...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Михаил Иванович Дегтев родился 8 августа 1946 года в селе Паново-Леонтьево Горьковской области. Выпускник Пермского государственного университета, с которым связал всю свою жизнь.

Доктор химических наук, профессор. Член двух диссертационных советов и Научного совета Российской академии наук по аналитической химии. Автор ряда свидетельств на изобретения, среди которых «Способ экстракционного концентрирования урана», а также работы по определению следовых количеств галлия, индия, таллия, кобальта, платиновых и многих других элементов. Им разработан оригинальный способ выделения ртути и висмута, исследованы возможности утилизации металлов экстракционно-электролизным методом.

Научное творчество М. И. Дегтева нашло широкое применение в практике. Им подготовлен ряд кандидатов и докторов наук. Разработаны спецкурсы для магистров и специалистов «Химия воды», «Экстракция неорганических соединений» и другие.

**Русский
ученый-химик –
профессор
МИХАИЛ ДЕГТЕВ
о яде века,
живой воде
и науке
изучения
веществ**

В панораме университетского городка современный корпус химического факультета теперь уже не так выделяется, оттененный новым «геолого-географическим» зданием с его фонтаном и строгой геометрией аллея перед парадным входом. А казалось бы, совсем недавно многими стараниями «ректора-строителя» Виктора Петровича Живописцева химики праздновали здесь новоселье на зависть обитателям «алафузовских хором».

Сюда довелось мне как-то заглянуть «на огонек» к ученику Виктора Петровича – профессору Михаилу Ивановичу Дегтеву. Засиделись допоздна: речь шла о «химической чуме XXI века» – диоксинах. Потеряв после уфимской диоксиновой трагедии двух близких людей, я с особым пристрастием расспрашивал ученого о ситуации в Перми.

Михаил Иванович рассказал, что аналитики кафедры с его участием разработали в свое время городскую программу по диоксинам. Эти убийственные вещества – токсические синтетические соединения – действуют медленно, но наверняка.

– Самые страшные яды из органических соединений, – подчеркнул профессор. – Они стали в последние десятилетия одной из главных угроз отравления окружающей среды. Даже в чрезвычайно малых концентрациях эти универсальные клеточные палачи поражают живые организмы, вызывая у людей бесплодие, врожденные патологии, онкологические заболевания. Их содержание в десятой-двенадцатой степени грамма на литр воды или промышленных отходов уже вызывает необратимые изменения в человеческих органах. Такие соединения имеют свойство накапливаться в крови и не выводятся 15–20 лет, съедая за это время здоровье человека. Чтобы заниматься их выявлением и изучением, необходимо иметь четко поставленные задачи, достаточно мощные лаборатории и квалифицированных сотрудников...

Но, не в упрек профессору Дегтеву, создание в лице ученых-исследователей «первой линии обороны» от диоксинов в нашем городе так и не состоялось. Хотя обстановка тогда в Перми была накалена: общественное противостояние сжиганию ракет в Закамске обострялось с каждым днем. Город выбирал мэра и хотел знать его позицию в этом вопросе. Юрий Петрович Трутнев программу, разработанную университетскими специалистами, поддержал, а городская дума определила порядок ее финансирования. Однако на последнем этапе, когда уже и мэр был с энтузиазмом избран, и можно было приступить к реализации программы, финансирование не состоялось. Неужели нужда отпала?..

Когда-нибудь историки отметят и с научной достоверностью подтвердят, что массовое неприятие коммунистического правления и ростки истинной демократии в «эпоху перестройки» стали проклевываться на почве... реальных экологических угроз. Радиационный Чернобыль и диоксиновая Уфа показали нам стартовую

черту Апокалипсиса. И политики новой волны оседлали это общенародное смятение и использовали в своих целях проявления инстинкта самосохранения в народе. Но время доказало: власти быстро утрачивают интерес к проблемам экологии, как только из политизированного спектра они переходят в область конкретных экономических и технологических решений. Припомните, в последние годы было ли хоть одно властное слово или крупное деяние по принципиальным вопросам охраны среды?

Кроме общих лозунгов – ничего...

А диоксины никуда не делись. Наоборот, проектируются, к примеру, заводы по сжиганию мусора близ крупных городов. Будто неведомо, что уже при 600 градусах возникает процесс синтеза диоксинов, которые, по свидетельству ученых, «избирательно и очень точно и прочно блокируют ключевые точки в иммунно-ферментной системе всех дышащих воздухом живых организмов». Будто мало нам отравленных диоксином вод, почвы, продуктов питания...

Такие вот раздумья и последующую небольшую публикацию в «Звезде» вызвал у меня разговор с Михаилом Ивановичем. Особенно задело, что соседи – Казань и Уфа – всерьез занялись этой важнейшей проблемой сохранения здоровья своих граждан. И теперь консультируют пермяков при наличии у нас своих квалифицированных, но не вооруженных инструментарием специалистов.

– Мы приглашали к себе из Уфы представителя, – рассказал Михаил Иванович, – он провел анализы почвы, снега по разным районам города и везде нашел превышение диоксинов...

В столице Башкирии мощное нефтеперерабатывающее производство и там, естественно, задумываются над системой контроля за ним. США, по словам Дегтева, бесплатно оборудовали в Уфе институт безопасности жизнедеятельности, привезли оборудование, помогли с подготовкой специалистов.

И Перми крайне необходим отряд целенаправленно подготовленных исследователей и практиков, владеющих современными методами контроля за диоксинами, готовых дать производству необходимые рекомендации. Ведь даже экономический кризис не ослабил давления промышленности на состояние водной и воздушной сред.

А пока в нашем городе по этому направлению из научных форпостов есть лишь одна кафедра аналитической химии...

Была надежда, что озабоченность ученых и выступление

газеты будут услышаны хотя бы на уровне городских властей. Иначе зачем нужна вся эта наша журналистика?

– И еще один вопрос: а зачем, скажите, нужна была вам, профессор Дегтев, вся эта химия?..

– Должен сказать, что до седьмого класса мне очень нравилась история. До тех пор, пока в школу не приехал новый директор, он же – учитель химии. Он и пробудил во мне интерес к этому предмету. Любопытно было, к примеру, узнать, почему Россия к XVIII веку сильно отставала от Европы в развитии этой важной науки.

А секрет заключался в алхимии. На Руси как-то не проявился энтузиазм в поиске превращений в золото различных подручных материалов. Зарубежные средневековые чародеи своими прожектками помогали строить здание химии. А у нас, пожалуй, лишь с Ломоносова началось настоящее развитие этой науки.

Вот в университет имени Михаила Васильевича и стал меня ориентировать мой учитель. Я приехал в Москву поступать в МГУ на химический факультет. Сдавать надо было пять экзаменов. Я сдал три, остались сочинение и иняз. Только вижу, что по баллам не прохожу. Делать нечего, пошел забирать документы. И вдруг секретарь в приемной комиссии мне говорит: «Сдавай иностранный язык и сочинение – гарантируем тебе прохождение на органическую химию или радиохимию...»

Теперь попробуем представить себя на месте мальчика, родившегося в селе на Нижегородчине, которому судьба подарила возможность остаться в знаменитом на весь мир столичном храме науки, осеняющем с Воробьевых гор не только Москву, но всю послеломоносовскую, стремящуюся к знаниям молодую Россию.

– Но я уже тогда стремился именно к аналитической химии – изучению веществ. А потому решил ехать в Пермский университет. И, считаю, мне крупно повезло. Прежде всего потому, что здесь в жизнь мою вошел профессор Живописцев. Виктор Петрович мне предложил заниматься у него. И с третьего курса я попал в орбиту настоящей научно-исследовательской работы.

Дипломную работу у него делал. По этой теме потом один московский товарищ защитил диссертацию. А я, окончив вуз, ушел служить солдатом в армию с мечтой – вернуться на родную кафедру. И вернулся. Поработал около года ассистентом, и Виктор Петрович мне предложил аспирантуру. Я досрочно закончил

аспирантуру с представлением диссертации. Живописцев в то время уже был ректором. На защите все проголосовали единогласно. А Виктор Петрович, когда выступал, сказал, что впервые знакомится с итогами моего труда, подчеркнув этим полную мою самостоятельность в научном поиске.

При кафедре была лаборатория органических реагентов. Она структурно подчинялась Естественно-научному институту, и Виктор Петрович предложил мне стать заведующим, причем сразу же, на полставки, он меня взял преподавателем на кафедру...

Потом в университетской биографии Михаила Дегтева была должность руководителя научно-исследовательского сектора ПГУ. Это расширило его научные горизонты, помогло формированию организаторских качеств. После девяти лет в НИСе он и возглавил кафедру.

– Виктор Петрович мне как-то заметил, что у него идей в голове много, но вот писать не любит, а я имею к этому склонность и при нем много учебных пособий написал. Живописцев этому радовался и очень одобрял.

Вы знаете, особенность Виктора Петровича была в том, что он давал возможность работать самостоятельно. Конечно, предварительно все концептуально разобрав, наметив план действий. Эта самостоятельность ко многому обязывала. Я старался заниматься исследованиями, почти не донимая его лишними вопросами...

Научные интересы Виктора Петровича Живописцева лежали в области синтеза и применения органических реагентов в аналитической химии. Им были получены соединения, являющиеся одновременно и кислотами, и основаниями. Выбранный им диантипирилметан (ДАМ) оказался высокоэффективным реагентом, позволяющим осуществлять экстракционное разделение элементов с близкими свойствами, последовательно определять их в одном опыте. Он нашел способ управления селективностью ДАМ, изменяя состав водной фазы – кислотности и природы ее солевого фона.

Химики ПГУ провели глубокие исследования ДАМ и других производных пиразолона. Было получено немало авторских свидетельств на изобретения, открывшие эффективные и простые способы анализов, нашедшие широкое применение в науке и народном хозяйстве.

Возглавив в 1990 году кафедру аналитической химии, Михаил Дегтев быстро сформировал свое направление – процессы экстракции в особых условиях, синтез новых органических реагентов, разработка методов концентрирования и разделения. Он внес свой вклад в теорию экстракции.

– *Всегда считал своей главной задачей развивать традиции и направления, которые были заложены еще в 1932 году, с момента создания кафедры, – подчеркивает профессор. – Первым ее заведующим стал Георгий Георгиевич Кобяк. Одним из направлений было изучение влияния йодобромных и сероводородных вод на организм человека. На их основе создан курорт Усть-Качка. Тогда, в 1937 году, Г. Г. Кобяк не побоялся отправить письмо Сталину, где отстаивал идею создать в Прикамье вторую Мацесту. Приехала комиссия, приняли решение открыть курорт.*

Кобяк все силы вложил в это дело. Его отцу царь дал дворянское звание за то, что он прославил Россию, продавая в Германию, Италию, Австрию «живую» и «мертвую» воду, которую он изобрел. Отец умер, не раскрыв открытия.

Советская власть, не знаю, по каким причинам, настороженно относилась к Георгию Георгиевичу как к сыну дворянина, не давала свободы действий... Заслуга Кобяка в том, что он связал химический факультет с геологическим. Эта неразрывная связь и сейчас продолжается. Студенты-геологи делали дипломы на кафедре аналитической химии. Кафедра в основном занималась образовательной работой. А когда Виктор Петрович пришел, то он постарался развить на кафедре и научное направление, вошедшее, кстати, в программу Академии наук СССР. И здесь всегда придавали особое значение выходу в практику народного хозяйства, изучению минерально-рудных богатств края.

Производные пиразолона как экстракционные реагенты можно использовать для извлечения солей и ионов металлов из водных растворов в органический растворитель, а там их уже определять. Это послужило анализу чистоты воды, почвы, продуктов, окружающей среды. Мы стремились разрабатывать простые и доступные методики, которыми могли бы пользоваться экологи, службы предприятий, контрольные органы.

Книга Дегтева «Экологический мониторинг» и две его монографии, посвященные аналитическому контролю за окружающей средой, представили общественности (и не только научной) вы-

сококвалифицированного специалиста в одной из самых актуальных и проблемных сфер жизни.

Работа кафедры по красителям дала конкретные направления для фотометрических методов анализа. При этом можно было использовать довольно простое, доступное оборудование.

Эти направления были в стране признаны довольно быстро, пермские реагенты вошли в рациональный ассортимент на определение неорганических ионов. Методика определения титана, например, до сих пор является лучшей. А на красители, разработанные здесь, спрос со всей России: недаром в ПГУ идут по этому поводу телеграммы и звонки.

– *Мы старались, чтобы работы все были выверенные, корректные. Сейчас, к сожалению, у молодых людей порой совершенно другие подходы: иной раз дипломные работы через год выставляют на защиту кандидатских. Тогда уходили из университета за полночь, а сейчас приходят в одиннадцать, уходят в пять. Не все, конечно. Вот не так давно защитились два моих аспиранта, у них уже по 20–25 публикаций. Это очень неплохо для молодых кандидатов наук. Но в целом как-то тревожно за нашу высшую школу.*

Эта тревога для ученого во многом связана с распадом Союза. Он, правда, уверен, что страна с таким потенциалом не могла не сохранить ряд ценностей. «Образование, – размышляет ученый, – само по себе довольно консервативная система. Ее долго и трудно создавать, но уж коль она создана, то ее сложно сломать. Все 90-е годы и сейчас продолжается тенденция расшатать ее. В чем-то уже и преуспели: если сравнить 70–80-е годы, например, по патентной работе, то страна наша была в числе передовых по числу изобретений, предложений, открытий. В бытность Живописцева ректором наш университет был в числе шестнадцати в мировом рейтинге по авторской патентной позиции. Были устоявшиеся учебные планы по каждой специализации. Потом стали все менять. Перешли на многоуровневую систему подготовки бакалавров и магистров... А учебные планы стали формальными: тут уж министерство виновато. Даже школьную подготовку сократили, а это ведь отражается на знаниях наших абитуриентов... Зачем нам копировать США? Наши школьники, уехавшие в США, на голову выше сверстников – коренных американцев: у них мышление совершенно другое. Наши математики, физики считались луч-

шими во всем мире. Зачем менять лучшее на худшее? Никто не говорит...»

– Когда сам начинаешь заниматься разработкой способа синтеза органических реагентов и тем, как они могут быть использованы, это необыкновенно интересно, – утверждает профессор Дегтев. – Вот смотрите: органик получил соединение. Есть прибор, который выдает ему элементный анализ. С одной стороны – хорошо, имеется прекрасное оборудование. Но с другой – человек теряет в познании. Мы, проводя анализ, можем передать его методы, реагенты на службу многоцелевому использованию: от контроля до извлечения необходимых компонентов.

Это и есть продуцирование знаний.

Период 60-х годов был временем расцвета области органических реагентов для аналитической химии: мы старались что-то новое синтезировать, изучить свойства и предложить их к применению. Да, техника должна развиваться, особенно по экспресс-анализам на производстве, но, увлекаясь оборудованием, инструментарием, забываешь классику. Химики должны учиться рассуждать, понимать суть вещей, их взаимосвязи...

Михаил Иванович вспомнил случай: «Приходим как-то на кафедру, ставим кипятить воду. Разливаем чай – вдруг распространился крепкий запах... конского навоза.

Кто определит – что такое?

Это фенол! Значит, где-то аварийный сброс, и фенол попал в систему водоснабжения города, судя по всему, в немалых концентрациях...»

Да, химики-аналитики решают не абстрактные проблемы.

Недаром востребованность выпускников особенно высока. Из всех кафедр на факультете самый большой поток желающих – на кафедру аналитической химии: 40–45 заявлений каждый год. Известно, что на дипломников у нас, как правило, есть заявки от предприятий. Это и машиностроительные заводы, и конструкторские бюро, и предприятия, связанные с водоканалом, и нефтяники... Молодежь идет в аналитическую химию потому, что это база, на которой формируется вся политика охраны окружающей среды.

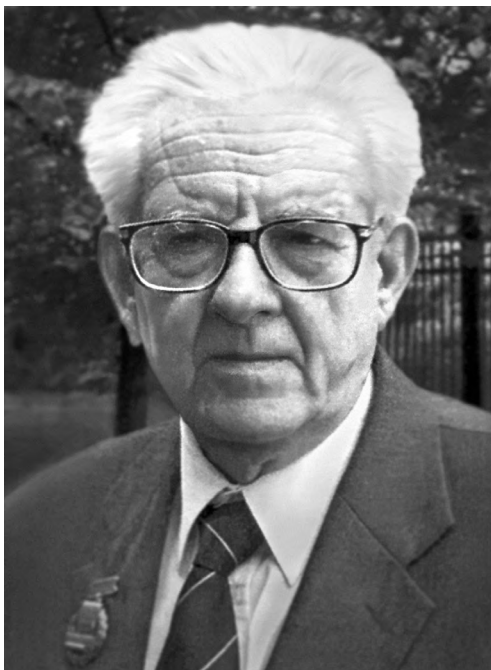
Жаль, что отнюдь не всегда ученые, специалисты могут помочь в этом деле. Мы начали с грустной истории о диоксинах. Не менее печальна история, рассказанная профессором о родниках.

– В Кировском районе около 60 действующих родников, обеспечивающих население питьевой водой. Но, к сожалению, эти родники уже не соответствуют нормам предельно допустимых концентраций вредных веществ. Лет двенадцать назад администрация района обратилась к нам с предложением заключить договор на обследование этих источников. В том числе с целью определить, что это за выбросы и какие предприятия их делают. Мы посмотрели на ситуацию – печально все. Я составил тогда программу, основанную на заключении комплексного договора с привлечением ученых ряда факультетов – биологического, географического и геологического. Договор был примерно на миллион двести тысяч рублей в год. Администрация района была согласна, и мы договорились делать конкретные вещи, а не отчеты для бумаги.

Почему-то (мне трудно сказать, почему) и этот комплексный договор заблокировали. В результате ничего не получилось, а хотел на примере одного района собрать базу данных, сделать компьютерную программу и давать прогноз на долгие сроки. Можно было прокрутить данные городского, областного комитетов по охране окружающей среды, получить проверенную основу для дальнейшей работы во благо населения. Увы, не получилось...

Но – «жить еще надежде до той поры, пока...».

Пока бьют еще серебряные родники научной мысли. Пока приходят в аудитории к молодым сердцам и умам педагоги, ученые, исследователи. Такие как русский химик Михаил Иванович Дегтев.

«ПЕЩЕРНЫЙ» ЧЕЛОВЕК

ГЛАВА ПЯТАЯ

Виктор Николаевич Дублянский – ученый с мировым именем, специалист в областях геологии, гидрогеологии, геоморфологии карста, спелеологии. Родился 19 мая 1930 года. Окончил Одесский государственный университет. В 1960 году защитил кандидатскую диссертацию. В начале 1972 г. за диссертацию «Генезис и гидрогеологическое значение крупных карстовых полостей Украины», защищенную в Пермском университете, ему присуждена ученая степень доктора геолого-минералогических наук.

В 1997 году переехал в Пермь и был избран профессором кафедры инженерной геологии и охраны недр ПГУ. В 2001–2003 гг. был заведующим этой кафедрой.

На его учебнике «Путешествия под землей» воспитано несколько поколений спелеологов. При его участии была создана Центральная секция спелеотуризма СССР. Автор широко известной книги «Карстоведение» (в соавторстве с Г. Н. Дублянской). Создал на базе Кунгурской лаборатории одну из лучших в стране школ спелеологов и карстоведов.

Наряду с научной и педагогической деятельностью провел 50 экспедиций в карстовые районы Крыма, Подолии, Кавказа, Средней Азии.

Подготовил пять кандидатов и двух докторов наук. Награжден Золотой медалью Международного союза спелеологов, орденом «Знак Почета».

**Жизнь
и необыкновенные
приключения
выдающегося
русского
ученого
ВИКТОРА
ДУБЛЯНСКОГО**

В Прикамье известно более 600 пещер, которые давно уже стали предметом научных исследований. Среди ученых, посвятивших жизнь изучению подземного мира, особое место занимает профессор Пермского государственного университета Виктор Николаевич Дублянский. Последние годы он живет в Петербурге, не очень здоров, что все-таки не помешало нашему общению...

Здравствуй, Пермь!

В один из июньских дней 1997 года в общежитии Пермского университета поселилась пара новых обитателей. Необычным было то, что им сразу предоставили отдельный двухкомнатный блок. И сам тогдашний ректор Владимир Владимирович Малагин пригласил новичков на аудиенцию, скрупулезно интересуясь их настроением, устройством и планами. Так начался, а в чем-то и продолжился «пермский период» ученого-геолога Виктора Дублянского – известного в стране и за рубежом спелеолога.

В университете он занял должность профессора на кафедре инженерной геологии и охраны недр. Его супруга – доктор геолого-минералогических наук Галина Николаевна – была зачислена и. о. профессора кафедры динамической геологии и гидрогеологии.

Вскоре на имя приезжих пришли контейнеры из Украины. Хлопот с их отправкой у профессора не случилось: украинский таможенник оказался его бывшим студентом и заулыбался, увидев «Заслуженного діяча науки і техніки України», отмеченного указом Президента Кравчука за «особистий внесок у підготовку спеціалістів».

Впоследствии Виктор Николаевич скажет, что переезд в Пермь открывал им новые возможности для теоретической работы, подготовки обобщений, которые уже давно «созрели». Привлекала его и известная на весь мир Кунгурская ледяная пещера. Были, однако, и другие причины для переезда...

В те годы об украинской Раде ходил анекдот: «Спикер, открывая очередное заседание, заявляет, обращаясь к депутатам, мол, “поскольку меж нас уже нема ни жидив, ни москалив, то... давайте перейдем на нормальный русский язык – так нам всем будет легче”».

Шутки шутками, но в предисловии к книге В. Н. Дублянского «Пещеры и моя жизнь» профессор ПГУ Владимир Костицын особо отмечает такой факт: «В конце 1996 года украинское правительство решило по опыту России создать министерство чрезвычайных ситуаций. Было собрано большое совещание, и выступавшие говорили, как могли, по-украински. Однако Дублянский, свободно владея украинским языком, сделал доклад о карсте Украины на русском. В президиуме появился один из членов правительства “незалежной” и прервал его. Виктор Николаевич ответил:

– Я слишком люблю язык Шевченко и Леси Украинки, чтобы говорить на нем так, как члены вашего правительства... – И ушел с трибуны».

Это была капля, переполнившая чашу. Ученый уже не раз с тревогой размышлял – куда же идет «украинский поезд»? Нужны ли ученые «самостийной державе»? После распада страны заниматься наукой, находить договорные работы стало все сложнее. Вопрос, куда ехать, перед Виктором Николаевичем не стоял. Еще в начале 60-х он познакомился в Форосе с приехавшим туда на отдых известным пермским ученым Георгием Алексеевичем Максимовичем, основоположником «геологического» направления изучения карста в СССР. Потом они неоднократно встречались на симпозиумах. Весной 1966 года на Кавказ Максимовича сопровождала ученый секретарь возглавляемого им Института карстоведения и спелеологии Галина Панарина – выпускница Пермского университета. С ней у Дублянского установились дружеские отношения. А когда через шесть лет он защищал в Перми докторскую, то обратил внимание, что его жена Люба, с которой он был в браке с 1960 года, и Галина Николаевна «сидят рядом и держатся за руки».

«Через девять лет, – пишет в воспоминаниях Виктор Николаевич, – я вспомнил об этом незначительном факте».

Связи Дублянского с учеными ПГУ становились все более прочными, а его приезды в Пермь регулярными.

...Один из организаторов Крымской Академии наук, ученый с мировым именем с болью в сердце покидал родные места.

«До отъезда, – вспоминает Виктор Николаевич, – я успел подготовить и передать в Госкомприроды Крыма “свой прощальный поклон” – компьютерный вариант кадастра карстовых полостей Крыма. Этот “поклон” имел объем около 500 страниц».

Он уехал не раньше, чем завершил здесь огромное количество неотложных, важных для науки дел. И в этом тоже проявилось его благородство настоящего ученого, потомственного дворянина и поэта.

*Вам случалось войти в подземелье
Прямо с пыльного, знойного дня?
Чтобы от сырости руки немели,
Чтобы слепли глаза без огня...*

Так писал он в далекие пятидесятые, покоренный подземным миром прекрасного Крыма, расставание с которым ноющей зарубкой осталось в его сердце.

Даже краткое перечисление того, что он сделал в Перми, впечатляет. Завершил труд, связанный с классификацией, использованием и охраной подземных пространств, – в 2001 году вышла коллективная монография на эту тему. Исследовал проблемы, связанные с прокладкой газопроводов в Прикамье и строительством Пермской ГРЭС: его выводы и предупреждения, связанные с геологическими условиями и состоянием подземных вод, остаются актуальными по сей день.

Особого рассказа заслуживает его научная и организационная деятельность, связанная с Кунгурской пещерой. Здесь он стал работать на полставки в штате лаборатории-стационара, выкладываясь «по полной». Одна только его идея и работа по переводу на электронные носители всего архива стационара, создание уникального банка данных по Ледяной – настоящий научный подвиг и огромный труд.

С коллективом стационара Виктор Николаевич осуществил первую в России работу, посвященную комплексному описанию крупной карстовой пещеры.

Позднее, подводя предварительные итоги «пермскому периоду», он отметил публикацию за 9 лет более 140 научных работ. Он стал автором и редактором ряда книг, сборников, трудов о пещерах и карстоведении. Недавние страсти по поводу того, состоялось или нет «пещерное» географическое открытие в Пермском крае, всколыхнули общественный интерес к спелеологии.

За книгу «Занимательная спелеология» в 2001 году ему присуждена премия Пермской области. Эта премия носит имя Г. А. Максимовича.

Профессор ПГУ Виктор Дублянский был избран почетным членом Русского географического общества.

Знаки судьбы

Родился он в 1930 году в Одессе, в семье математиков, и первое, что он запомнил в жизни – волевое лицо бородатого человека. Это был дед по отцу – Иван Семенович Дублянский, из потомственных дворян Черниговской губернии. Генерал, участник знаменитого Брусиловского прорыва в Первую мировую. Дед по матери – Николай Петрович Пятницкий. Тоже из военных, из потомственных смоленских дворян, полковник. Участвовал в Турецкой войне...

Мальчиком Виктор часто и долго болел. Лежал и читал тома Жюль Верна, Майн Рида – наставников не одного поколения русских ребятишек, выраставших в путешественников и исследователей.

В июне 41-го маленького одессита премировали путевкой в пионерский лагерь в Люстдорфе.

«За забором были заброшенное кладбище и зенитная батарея, – рассказывает Виктор Николаевич. – С кладбища ребята приносили красивые маки. 16 июня приехали ко мне мать и отец. Провожая их, я перемахнул через забор, быстро собрал букет и вернулся назад. На меня смотрели полная ужаса мать и бледный отец. Они не взяли цветы и молча уехали. Я остался, не понимая, что сделал не так... В следующий выходной пробуждение было ужасным: вой бомб, взрывы. Стоны раненых. В 4 утра немецкие бомбардировщики, не без наводки колонистов, нанесли удар по зенитным батареям Люстдорфа, прикрывающим город с моря»...

Так началась для него война. Уже в эвакуации он спросил мать, что так напугало ее в тот памятный приезд? И услышал рассказ матери о предсказании, сделанном ей – еще гимназистке – цыганкой в 1916 году, что «все изменится после того, как ты увидишь своего ребенка на кладбище. Начнутся страшные испытания для страны, и ты далеко на чужбине в страшных муках погибнешь...».

Через несколько месяцев мать неожиданно скончалась от общего туберкулеза. Эта мистическая история запечатлелась в его памяти.

Любовь – это имя его жены. В 1980 году она ушла из жизни. «Твоя боль – моя...» – писал он ей в больницу, стремясь поддержать горячо любимого человека. Трагедия переживалась страшно тяжело. Они воспитали двух детей, написали свыше пятидесяти совместных научных трудов, а сколько еще осталось нереализованных идей!

После похорон Любы проректор ПГУ И. А. Печеркин пригласил Дублянского в Пермь, и он принял приглашение, не зная еще, что судьба готовит ему новый поворот. Здесь он вновь встретится с Галиной Панариной и откроет ей мир своих переживаний, скорби, надежды...

Он улетел из Перми в Москву. Галина Николаевна должна была вскоре лететь на совещание в Киев.

В аэропорту Домодедово по залу бегали цыганята. Играя, мальчик и девочка забрались на ленту подачи чемоданов. Ее неожиданно включили, и дети испуганно завизжали. Стоявший рядом Виктор Николаевич схватил детей, которых несло в черный прогал грузового тоннеля.

«Меня догнала их мать и заявила, что я спас ее детей и она хочет мне погадать. Я отказался. Тогда она взяла меня за рукав и сказала: “У тебя только что умер близкий человек. Ты думаешь, жизнь кончена. Это не так. И вообще, чего стоишь? Беги...”»

В этот момент по громкой связи объявили, что по метеоусловиям совершил посадку самолет рейса Пермь – Киев. «Еще через несколько минут в толпе пассажиров я увидел Галю...»

Они провели день в Москве. На следующий день разлетелись в разные города, но между ними уже протянулась незримая ниточка.

Что дано нам увидеть в знаках судьбы?..

Одно пророчество он сумел опровергнуть силой своего духа в годы войны. После контузии в Одессе, бомбежки в Новороссийске и торпедирования судна, на котором они эвакуировались в Севастополь, Виктор потерял речь. Приговор медиков был однозначен: «Ни говорить, ни жить он не будет».

«Последующие годы стали борьбой с этим диагнозом», – утверждает профессор Дублянский, до старости сохранивший молодую энергию поисковика.

Подземная целина

Один из первых наставников Дублянского в середине прошлого века назвал пещеры «подземной целиной». Изучение этих природных комплексов, включающее топографию, гидрографию объектов, климат, растительность, животный мир, имеет не только научное, но и прикладное значение. В таких регионах, как Крым или Пермский край, ни одно серьезное строительство, будь то плотины или шахты, жильё или железные дороги, не начинается без детального изучения карстовых явлений. Исследования нужны и для предотвращения техногенных катастроф, связанных с процессами в недрах Земли. Все большее значение

в наши дни приобретают и водные ресурсы подземных полостей. Пещеры могут использоваться и как огромные хранилища с постоянным климатом...

Когда Виктор Дублянский в 1939 году «заболел» пещерами, девятилетний мальчик вряд ли мог предположить, что станет патриархом отечественной спелеологии, первооткрывателем более семисот пещер, участником и организатором почти полусотни экспедиций.

Он выбрал опасную стезю.

Таинственный мир пещер привлекает многих из нас, можно сказать, на генетическом уровне. Вот что пишет в своей книге известный спелеолог Норбер Кастере:

«Властный призыв тишины и мрака предопределил мою карьеру исследователя подземного мира... Камнепады, обвалы, ядовитые газы, липкая, медленно засасывающая грязь, ледяные воды, внезапные паводки, постоянная опасность заблудиться в лабиринтах пещер, несчастные случаи, тем более опасные, что они происходят под землей». Под этими словами мог бы подписаться и профессор Дублянский, всегда придававший большое значение «технике безопасности» и не потерявший в экспедициях ни одного сотрудника. Но риск был всегда...

Еще в молодости, во время спуска в легендарную шахту Бездонная на Чатырдаге (Крым), на глубине 85 метров Виктор Николаевич, чтобы не задерживать спуск товарищей, отстегнулся от страхующей веревки и остался на уступе без страховки. Позднее он вспоминал, как не мог унять дрожь в непослушных пальцах, после того как ушла в сторону лестница и пришлось с единственной попытки ловить страховочную веревку.

Они тогда достигли дна колодца Бездонного, положив конец легендам. Но через неделю, при спуске в еще более глубокую шахту, разряд электротока от батареи лампы-фотовспышки сбросил ученого с уступа, и он чудом удержался в нешироком колодце, успев расставить руки. «Но постепенно руки слабеют, – вспоминает Дублянский, – выворачиваются, и меня «тянет» в колодец. Я рывком бросился на лестницу, перевернулся в воздухе, но все же удержался».

К этому надо добавить, что буквально вскоре после этого случая он прошел свой первый сифон в Красной пещере, имея небогатый тогда арсенал подводных пловцов – ласты, маску и трубку...

Берегите лампочку!

В межвузовском сборнике научных трудов «Пещеры», изданном Пермским государственным университетом десять лет назад, были опубликованы статьи В. Н. Дублянского, посвященные истории изучения пещер в нашей стране и Пермском крае. В Прикамье их известно более 600. Многие из них изучены совершенно недостаточно, и ученый отмечал, что, «к сожалению, темпы научных исследований и охраны вновь открытых пещер пока отстают от темпов их спортивного прохождения...».

За этими словами – целая проблема.

Именно в спелеологии сложился удивительный симбиоз ученых и спортсменов. Последние нередко прокладывают дорогу исследователям, а ученые часто совершенствуют свою спортивную подготовку для обеспечения наилучших результатов в изучении подземного мира.

Широко распространенный ныне спелеотуризм привлекает романтиков, порой рождая у новичков иллюзии легкости покорения земных глубин. Да, пещеры с их замечательным внутренним убранством представляют собой большую не только научную, но и эстетическую ценность. Например, Ординская пещера (база пермских спелеологов) с ее чистой водой и протяженностью озера около четырех с половиной километров является настоящей Меккой для тех дайверов, что предпочитают теплым южным морям холодный мрак подземных озер.

Именно в этой пещере погибла девушка, не имевшая специального сертификата на подобные погружения...

Мартиролог погибших спелеологов достаточно велик. Впрочем, как и альпинистов, и других экстремалов. Как отмечает профессор Дублянский, спелеологи-профессионалы никем не готовятся. «Пещеры – объект приложения сил научных работников десятков направлений, которых учат в вузе, и спортсменов, которых должны готовить в разных системах: туризма, альпинизма, подводного дела... Современная “адреналинная” спелеология поражает своими успехами (начиная от привязки на местности с помощью GPS до прохождения вертикалей и техники подводного дела). Но нельзя, не имея никакого геологического образования, заниматься научной спелеологией».

«Берегите лампочку!» – улыбчиво посоветовал в недавнем письме своей коллеге в Пермь Виктор Николаевич. Думается, фраза эта исполнена особым смыслом. И прагматическим: свет лампочки в полном мраке пещер – особая ценность. Но нам надо беречь и свет науки.

И свет своей души.

Как сберег и пронес его по жизни замечательный ученый, поэт – Виктор Николаевич Дублянский.

Евгений Александрович Зиновьев, доктор биологических наук, заведующий кафедрой зоологии позвоночных и экологии.

Окончил биологический факультет Пермского университета в 1961 году. В 2005 г. успешно защитил докторскую диссертацию и в 2007 г. утвержден в звании профессора. Тема докторской диссертации: «Экология и систематика хариусовых рыб Евразии».

Автор более 300 научных публикаций, из них 14 монографий. Член ученого совета биологического факультета Пермского государственного университета и Совета по защите кандидатской и докторской ученой степени в области экологии и ихтиологии.

В 2007 году стал победителем регионального конкурса «Экология. Человек года» в номинации «Эколого-педагогическая деятельность в вузах». «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

ПЛАНЕТА РЫБ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

**Профессору
ЕВГЕНИЮ
ЗИНОВЬЕВУ
на роду было
написано стать
ученым-
ихтиологом...**

О пользе ужения

Даже угадывая в череде случайных событий некие закономерности бытия, далеко не многие люди могут внятно ответить на вопрос: что ведет их по жизни? Но представьте себя ребенком в семье, где мама и сестра – ученые-ботаники, отец был известный гидробиолог, а старший брат – зоолог, которому прочили блестящее будущее. Элита местной профессуры – друзья дома. Биология и университетское будущее прорисованы: сам легендарный ректор Александр Букирев для вас с детства просто добрый старший сотоварищ по рыбалке...

Да, есть редкая порода людей, которым жизнь словно написала при рождении задание в дневник, и они, как прилежные ученики, старательно его выполняют. Но, завидуя их целеустремленности, все равно задаешься вопросом: рано определившись, не теряют ли они при этом важные и необходимые любому человеку жар поисков и озноб сомнений в постижении самого себя? И не суживается ли для них разнообразие мира до «заданных параграфов»? Ведь нередко бывает так, что иные наши житейские ошибки и метания оказываются в итоге дороже сердцу, чем победы и научные достижения.

Хорошо, если соседский мальчик, десять лет кряду терзавший скрипку и нервы окружающих, станет Ойстрахом. А если нет?

Поразмышляем на эти темы вместе с профессором Евгением Александровичем Зиновьевым...

– С сочувствием отношусь к различным вундеркиндам, а тем более к детям, которых любящие родители лишают детства во имя реализации своих представлений о музыкальном, научном, спортивном или ином жизненном успехе. Но сам-то я, уж поверьте, никак не отношусь к этой категории. Обычный пермский мальчишка, бродяга по натуре. И – мечтатель. Что, собственно, и определило мой жизненный выбор.

При этом было бы неправильным исключить влияние моих родителей (хоть я и рано лишился отца), их друзей, того же Александра Ильича Букирева. Ну и увлечение рыбалкой. Поймал я свою первую рыбку в три года. И хоть не была она золотой, многие мои желания потом исполнялись...

Летом Зиновьевы жили на Сылве. Эта река, как потом и Вишера, стали и местами отдыха, и своеобразным полигоном формирования качеств личности Евгения и его первых вполне «научных» интересов.

Водный – таинственный, текучий и блескучий – мир был населен существами Природы Молчания. Люди дали им довольно плоское и скучное название – «рыбы». Но мальчик подозревал, что только они сами знают свои настоящие яркие имена – и топорщащиеся ерши, и краснобокие окуньки, и тяжелые сомы в таинственных омутах, и переливающиеся драгоценными алмазами хариусы...

– Вы говорили про «ошибки поиска»: я ведь тоже по бродяжьей склонности подался сначала на геологический факультет, –

рассказал профессор. – Все по-честному – не добрал баллы, год на раздумья, и снова – теперь уж к биологам, но вовсе без расчета на помощь друзей семьи. Поступил. Мог, конечно, по маминим стопам уйти в ботанику. Надо сказать, что биологические науки были в тот период излишне политизированы. Мама не признавала «авторитет» академика Трофима Лысенко, более того, на одной из лекций в пединституте сказала в его адрес, что его «завиральные идеи граничат с бессмыслицей и академик – просто дурак», за что ее изгнали из института. Но мне было у кого учиться жить по правде.

Конечно, наступили уже иные времена. Я прислушался к словам заведующего кафедрой зоологии позвоночных М. И. Меньшикова. Да и Александр Ильич присоветовал: «Иди! Ты ж с малолетства рыбак...»

Добрый совет – не протекция. Так вот с третьего курса подался Евгений Зиновьев на специализацию «ихтиология», основательно нырнув в глубины этой очень древней науки, занимающейся изучением и описанием наших молчаливых соседей по планете...

Китайская грамота

Окончание университета было омрачено для семьи Зиновьевых трагедией: в Ленинграде при обычной операции аппендицита скончался старший брат Евгения.

– Мы им очень гордились, особенно мама. Он раньше меня закончил ПГУ. Был именованным стипендиатом. «Красный» диплом... Успешное начало научной карьеры зоолога – по зову сердца. И вот – пропустили врачи перитонит...

– А тут еще начинается отсчет вашим «100 экспедициям» – далеким и опасным путешествиям по миру. Каково было маме собирать вас в дорогу! Да и самому не страшновато было?

– Молодость бесстрашна. Я поехал на Дальний Восток еще совсем «зеленым», не подготовленным к сложной экспедиции в бассейне реки Усури. Это была совместная с китайцами экспедиция. Мы проплывали мимо острова Даманского, не подозревая, что вскоре он станет местом кровавых боев. Но пока на границе было спокойно. Мы даже лазили под проволоку на территорию заставы. Пограничники были очень

доброжелательны и помогли, чем могли, хотя для начала и задержали «для выяснения»...

С руководителем вот не очень повезло. Я, пожалуй, впервые столкнулся с «ученым» из небольшой республики. Не ведаю, как он уж там получил диплом и звание, но знания его были крайне ограничены. Спрашиваю: «Какая это рыба?» Мнется – видно, что понятия не имеет. И это старший научный сотрудник!

Ко всем неприятностям они еще и перевернулись на речке Даубихе. Ударились о бон, и Володя, товарищ Евгения, тоже не очень опытный путешественник, схватился за ветку – лодку развернуло и опрокинуло. Течение было очень быстрое, из воды торчали острые палки, способные пропороть живот.

– Надо мной навис борт, – вновь переживает ситуацию Евгений Александрович. – Я нырнул, а когда вынырнул – лодку уже унесло. Утопили оружие, два мотора, продукты и свое барахло. Больше всего мне было жаль фотоаппарат «Зенит». Зеркалка в то время была редкостью. Жаль было снимков, в том числе редких больших кожистых черепах. Лишились и портмоне с наличностью. Но главное – не утонули! И часть средств осталась при мне, подтвердив истину – всегда иметь резерв!

Володя Овчинников от купания в холодной воде заболел. (Он, кстати, потом защитился намного раньше меня. А я защитился поздно, можно сказать, в преклонном возрасте. Долго тянул, все желал, чтобы раньше защитились мои аспиранты.) Словом, надо было возвращаться в Пермь.

Да, кило пряников на три дня – вот и весь оставшийся «рацион». Выручала смекалка и приобретенные уже на пермских реках навыки. У местных рыбаков с хорошими спиннингами и «марочными» блеснами что-то не клевало. А всплески жерехов манили. Женя соорудил из консервной банки блесенку, привязал к обычной леске и с берега наловил килограммов восемь жерехов. Аборигены обалдели от такого успеха и охотно поменяли улов на сало с хлебом. Все обошлось, но уроки первой «китайской» экспедиции усвоил он тогда вполне.

Реки... вспять

Молодым ученым он проплыл по всем основным рекам Сибири – Оби, Енисею, Лене... Впоследствии, когда «энтузиасты» начали пробивать идею поворота сибирских рек, он яростно спо-

рил с авторитетами, воевавшими, например, за переброску вод Печоры через Каму на юг. Зиновьев считал, что это охладит воду и создаст для фауны серьезные проблемы: риски даже не просчитываются перед лицом «несомненных экономических выгод». Ихтиолог в «выгодах» этих очень сомневался. «На Севере при переброске всплывут торфяники – что будем делать тогда?» – спрашивал он оппонентов. Что же заботило и интересовало тогда молодого ученого?

– Состояние рыбных ресурсов. Это традиционно для биологов ПГУ. Кафедра наша была основана в 1933 году. Страна была истощена. Голод. Нужны были продукты питания, выявление новых ресурсов, в частности, рыбных запасов...

Евгений Александрович поставил своей задачей монографическое описание малоизученных видов рыб. В том числе недостаточно были исследованы хариусы. (Кстати, любимая рыбка ректора Букирева. Бывший подполковник часто болел: пуля японского снайпера так и осталась в нем... Это была уникальная личность. Почувствовав нехватку сил, он добровольно ушел с поста ректора. Как в свое время добровольно пошел на фронт. Были люди, которые с началом войны спешно стали «защищаться», чтобы с ученой степенью получить бронь. А этот настоящий человек пошел защищать Родину, имея бронь и все права заниматься наукой в тылу. На рыбалке он отдыхал душой и телом. Этот мужественный человек рано умер, как бы передав Зиновьеву увлечение именно хариусами.)

Изменчивость видов – вот тот феномен, что особенно заинтересовал Зиновьева. Исследователю было даже удивительно наблюдать, как быстро рыбы адаптируются к различным условиям, к разным водоемам – речкам, прудам, озерам – и образуют новые любопытные биологические формы.

– Меня интересовал вопрос изменчивости как таковой и ФОРМИРОВАНИЕ МНОЖЕСТВЕННОСТИ, – говорит профессор. – Это самые удивительные тайны природы...

Исследования его сами собой быстро приобрели экологическую направленность. Ученому хотелось знать, насколько велик пресс антропогенных факторов на живую природу, чем можно помочь тем же хариусам пережить этот пресс и как сохранить численность этой удивительной рыбки – самой красивой в Европе и, на его взгляд, самой лучшей из спортивных рыб Старого Света.

Рожденный бродягой

Дорога, реки, горы... Он стремился в путешествия как к необходимому условию существования. Преодоление стало чертой характера. В своих странствиях встречал беглых преступников. И, странное дело, никогда не видел в них зла. Скорее жестокость и ненависть шла от охранников. Его пускали староверы, угадывая в нем чистого человека. Бабушки в деревеньках поражали своей природной интеллигентностью, отличаясь от многих «образованных» горожан «при должностях»...

Итогом «100 экспедиций» Зиновьева стала, в частности, созданная им оригинальная система видов хариусовых рыб. Ученый считает, что видов этих немного, но они настолько изменчивы, что практически образуют разнообразные биологические формы. С этой точкой зрения не все согласны.

Некоторые исследователи уверяли, например, что обнаруженный ими на Таймыре хариус похож на байкальского или камчатского, это просто разные подвиды: мол, рыба пришла когда-то из тех краев.

– Это через водоразделы-то! – восклицает Зиновьев. *– Речь, я считаю, идет о внутривидовой изменчивости. Условия среды позволили сформировать признаки и байкальского, и камчатского...*

Он отстаивает перед оппонентами то, что считает истиной – формирование подвидов и прочих форм из одного исходного типа. И эта принципиальность основана на глубоком изучении обширного, годами собираемого материала. Он наблюдал изменчивость даже в пределах одной реки – от верховьев к низовьям. Никто не верил, например, что хариус весом всего в двадцать граммов способен нереститься. Считалось, что к этому способны особи весом не менее 200 граммов. Но доведенная человеком до карликового состояния рыба все же продолжает следовать великому инстинкту, нерестясь суперрано, по сути, еще мальками, образуя уникальные популяции.

Достойная для ученого загадка природы: как такая структура, как вид, может быть одновременно и статичной, и максимальной динамичной?

– Жизнь сильнее смерти! Не индивидуально. Вид – через массу особей – живет!

Не только ученые, но и промысловики должны понимать процессы в природе, менять стратегию рыболовства, думать о восполнении ресурсов. В стране нет даже достоверной статистики в этом направлении – одно вранье!

Неподнятая целина

Конечно, в своих исследованиях Зиновьев занимался не только хариусами. Хотя и считает одной из главных своих работ труд «Экология хариуса Пермского Прикамья». Профессор прекрасно знает ситуацию по многим рыбам. В широком спектре проблем ресурсов Камского и Воткинского водохранилищ они работали вместе с Натальей Степановой, продолжательницей дел Александра Букирева после его кончины.

Евгений Александрович анализировал, как можно в Прикамье использовать мелководные заливы, строить недорогие дамбы, внедрять годовой цикл отлавливания рыбы. В Западной Сибири, например, имеют большой доход от выращивания пеляди. Растят буквально в торфяных лужах. Невелика рыбка, но с замечательными вкусовыми качествами, с которыми не сравнятся перемороженные и напичканные химией «филе» от экзотических производителей.

Особой заботой для ученого было то, что «дикой» рыбы в Прикамье становилось все меньше. Значит, надо выращивать искусственно. И он старался всемерно помогать становящемуся в 70–80-е годы на ноги рыбному хозяйству области. Усилиями сотрудников Пермской лаборатории ГосНИИОРХа и выпускников ПГУ разводили карпа, форель в прудах и садках. Выращивали стерлядь. В водохранилищах расселять было бесполезно, но и там есть надежда на природу, ее силы, способные возродить рыбные запасы.

И урожай «голубой нивы» уже достигал более 10 тысяч центнеров в год, когда «рынок» с его налогами, тарифами за тепло и электроэнергию, стремительно взлетевшими ценами на корма, под властью чиновников сделал невыгодным содержание рыбных хозяйств.

– Во всем мире выгодно, а у нас невыгодно?! Что же это за «рынок» такой, – недоумевает профессор. *– Эти артели и колхозы безусловно бы выжили, не будь армии захребетников и посредников, –* убежден он. *– Человека оторвали окончательно от результатов*

его труда нынешние схемы «управления и маркетинга». Думаю, мы могли бы многое сделать для рациональной схемы развития рыбного хозяйства в крае. Рыбоводство имеет большие перспективы и в плане туризма, и любительского рыболовства.

Рыбе нужен зонтик

– Существует убеждение, что чуть ли не вся наша речная и озерная рыба заражена. Это так? – спросил я профессора.

– Неверно! Заражены некоторые виды – окунь, ерш, щука и очень редко – судак. Заражены хищники. Это действительно проблема. Но в крае вообще нет паразитолога-ихтиолога. Когда-то Геннадий Федорович Костарев при моем содействии издал небольшую, но ценную книгу «Паразитофауна пермских водоемов». Но не стало и этого. Случись какое-то массовое заболевание, надо приглашать в край специалистов. На Сылве гибла рыба. Выяснилось, что болеет она от... хрома, выбрасываемого соседним заводом. Много дряни попадает в водоемы с осадками – хоть вручай рыбе зонтик!

По опасным и иным инвазиям тоже нужны специалисты. Я знаю единственного специалиста-токсиколога. А ведь надо точно знать, насколько можно использовать в питании вылавливаемую в крае рыбу. Медики не в состоянии решить эту проблему. А рыба продается с «диких» лотков, на мелких базарчиках, да и порой в магазинах. А каково ее качество?..

Ученый много раз участвовал в разработке различных программ, связанных с развитием рыбного хозяйства, более эффективного использования природных ресурсов. И ему особенно обидно, что погублено то, что уже начало реализовываться. Профессор убежден в необходимости вести работу по созданию крупных коллективных хозяйств. Там легче справиться с морем проблем, вести более эффективный и прозрачный бизнес. Мелкие производители оказываются задавленными бандитско-бюрократической системой, им трудно выжить. Они обложены данью, искажают отчетность, чтобы снизить налогообложение. И начинают облапошивать и власть, и потребителей.

– Думаю, мелкий частник ничего существенного на «рыбном рынке» не прибавит, – уверен ученый. – Во всем мире идет укрупнение этой отрасли. А наши экономисты с их детским лепетом,

похоже, просто не способны масштабно мыслить и предлагать обществу эффективные, крупные проекты рыбоводства, способные включить в свою орбиту значительную часть населения, особенно на селе.

Рыбному хозяйству страны и края надо помочь законодательно и экономически. Прежде всего – встать с колен.

Основа для этого в Прикамье есть – и опыт, и два крупных водохранилища, реки, пруды – пусть порушенное, но реанимируемое хозяйство. Не стало сплава, уменьшилась промышленная нагрузка на среду обитания – и вода стала чище, пригоднее для освоения ресурсов. Но нет единого подхода, стремления собрать разрозненные проекты в единую целевую программу, которая, без сомнения, могла бы быть гораздо эффективнее иных «брендовых» начинаний, которым мы радуемся как дурак махорке. Нужна глубокая профессиональная экспертиза местных проектов с широким обсуждением и продуманными решениями. Ведь это просто поразительно, что, обладая такими природными богатствами, мы используем их мало и кустарно! А потом идем в супермаркеты покупать китайскую и иную зарубежную рыбную продукцию с ее отвратительным качеством и заоблачными для населения ценами.

– При огромном количестве ревизирующих органов госрегулирование в этой сфере отсутствует, по сути, напрочь. Зато полно параллелизма, кормушек для чиновного люда. В руках ученых должны быть постоянно колокольчики. Но не звенят они... И власть нас не знает. Не осведомлена о потенциале – научном и производственном – в этой сфере. Специалисты, каких еще все же немало, – не востребованы. Наша кафедра укомплектовала кадрами весь Дальний Восток и большую часть Сибири. Работают выпускники и в Прикамье – в МВД, ФСБ, природоохранных органах, успешно преподают. Работают в лабораториях заводов, в системе СЭС. Учеба на нашем факультете формирует поистине научный системный склад ума. Может, потому наши выпускники даже в банковской системе работают лучше дипломированных экономистов.

Да, похоже, власти наступают в очередной раз на грабли, отдавая предпочтение подготовке кадров в технических вузах. Нужны и инженеры, безусловно. Но именно классические университеты заточены на подготовку мыслящих, способных к анализу, к постоянному совершенствованию знаний людей. Университетские

выпускники быстрее адаптируются практически в любой области, имея фундаментальную базу и более широкий кругозор.

Профессор Зиновьев нередко работает с учениками персонально, угадывая еще в студенте потенциал истинного естествоиспытателя. Их он берет под крыло, возит в экспедиции, подсказывает, как вести наблюдения.

Сам он изучает хариуса всю свою жизнь и немало раскрыл загадок в поведении этой прекрасной рыбы. Особенно – в период нереста. В этот момент они не боятся человека. Александр Евгеньевич часами висел над перекатом речушки под Пермью, наблюдая, как окрашенный в ярко-красный цвет плавник самца сигнализирует самке о готовности к продолжению рода. Как в брачный период самец самоотверженно бросается на наживку – не от голода, от желания спасти подругу от врага.

Как рыбак и ученый он ведет счет пойманным хариусам (число их перевалило за десяток тысяч только с 1992 по 1998 год) – в Саянах, на Алтае и даже на речке Пыж у Гамово. Самые крупные экземпляры, добытые на Вишере и Ирени, достигали двух килограммов!

Он как-то прочел у средневековых авторов, что жир хариусов способен излечивать различные кишечные заболевания и даже поверхностные раны. И уверен – мы будем вновь и вновь обращаться к природе в поиске защитных сил.

Хранитель

Взяв ключи, профессор повел меня в свой «храм».

Созданный биологами ПГУ музей – уникальное, совершенно особое явление. Приезжающие в вуз иностранцы искренне удивляются и завидуют: там уже давно ничего похожего нет.

Разнообразие живого мира планеты застыло здесь рядами уникальных экспонатов, собираемых с 20-х годов прошлого века. Свой вклад внесли замечательные профессора-подвижники и рядовые члены экспедиций, благодарные выпускники. И пусть музей не несет значительных научных функций, но в учебном плане это замечательная экспозиция!

Музей существует без дотаций. Профессор сам заказывал шкафы, обновлял картинки – платил художнику из своего кармана. Помогают добровольцы, энтузиасты, любители природы.

Здесь «обитают» 450 видов рыб, 227 рептилий, 25 амфибий и прочая, и прочая... Носатая химера, гигантская саламандра, тигровая акула, рыба-меч, электрический скат соседствуют здесь мирно. И конечно – красавец хариус...

Молчаливые наши соседи по планете.

Как там у поэта: «Уже почти до половины мы понимаем вашу речь...»

А понимаем ли?

– *Время ставит все новые проблемы в нашем взаимодействии с живой природой*, – сказал в заключение Евгений Александрович. – *Надо быть готовыми к их решению...*

Тамара Ивановна Ерофеева – специалист по общему языкознанию, современному русскому языку, социальной диалектологии, лексикологии и лексикографии, проблемам социопсихолингвистики и городской разговорной речи. Заведует кафедрой общего и славянского языкознания филологического факультета Пермского госуниверситета, доктор филологических наук, профессор.

ТАЙНЫ РОДНОЙ РЕЧИ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

**Встреча
с филологом
ТАМАРОЙ
ИВАНОВНОЙ
ЕРОФЕЕВОЙ,
которая всем
своим научным
творчеством
подтверждает
связь языка
с жизнью народа –
его носителя**

Богатое поле

Строй, богатство или бедность нашей речи... Современные лингвисты, в том числе и пермские, рассматривают язык как реальный и важный фактор социальной жизни, исследуют речь как отдельного человека, так и целых групп, объединенных какой-либо сферой интересов, профессией, семейными отношениями. Словом, предмет этот очень любопытный.

Наша встреча с профессором Тamarой Ивановной Ерофеевой состоялась еще до известных скандалов, связанных с утверждением Министерством образования и науки списка словарей, содержащих «нормы современного литературного языка». Просто хотелось поразмышлять с филологом о том, куда же движутся нормы языка.

– К сожалению, в иностранщину – вот куда! – вздохнула моя собеседница. – Вслушайтесь, сколько у нас сейчас появилось в речи иностранных слов, что далеко не всегда оправданно. Это явление необходимо преодолеть. И мы преодолеем: наш язык сильный. Были времена, когда русскую речь захлестывали арготизмы, например, в двадцатые годы прошлого века. Тогда арго – язык воров – ворвался даже в среду интеллигенции. И это, вспомните, повторилось в совсем недавние времена: вместе с криминалом в смутные годы росла популярность тюремного «шансона» и сленга, тоже оказавших влияние на наш язык. И были уже мнения о том, что на волне этой «демократизации» язык просто разрушится. Однако «мода» уходит и, уверена, то же самое произойдет с массовым употреблением иностранных слов.

Эти лингвистические процессы филологи должны отслеживать, изучать нормы, рассматривать проблемы взаимодействия языков. Вот взять наш край – живут здесь русские, коми-пермяки, татары, чуваша, другие народы... Мы же постоянно взаимодействуем. И надо понимать, как формируется при этом речевая среда, как меняется лексикон. Это важно, так как взаимодействие языков оказывает влияние на национальную политику. А для этого нужно постоянно изучать языковую ситуацию...

Безусловно, взаимодействие языков оказывает влияние на национальную политику как очень важный фактор общения. Ученые должны наблюдать за процессом, поддерживать то, что благотворно для людей. А для этого нужно прежде всего описать языковую ситуацию. Не диктовать: это, мол, надо сделать, а это не надо. Для того чтобы обосновать позицию, необходимо исследовать процессы, чем филологи и занимаются. Тем более, что наш регион многонациональный, и здесь вести языковую политику довольно сложно.

Проблемы соотношения литературного языка, просторечия и диалекта занимают в современной русистике все более существенное место. На кафедре, которой руководит Тамара Ивановна, считают, что познание закономерностей языкового функционирования и развития, а также совершенствование методики преподавания родного языка в школе и в вузе, разработка проблем куль-

туры речи невозможны без исследования устных форм бытования национального языка.

Анализ устной речи горожан позволяет, по мнению профессора Ерофеевой, во-первых, выяснить, в чем заключается различие письменной и устной разновидностей литературного языка; во-вторых, дать обоснованные рекомендации литературной нормы; в-третьих, проследить процесс демократизации русского литературного языка, поскольку контактирование с диалектами осуществляется через городскую речь.

– Известно, что вы занимаетесь проблемами взаимодействия диалекта и литературного языка, обиходной литературной речи. Чем важен этот аспект?

– Да, ведь многие «единицы» речи мы берем из диалектного языка. Допустим, в названиях грибов. Например, «красноголовики» – диалектное слово, не литературное. Надо сказать, что в 50–60-е годы возникла такая тенденция, что писатели стали активно использовать диалектные слова в художественной речи. И буквально возникло засилье этих слов, порой невозможно было понять текст.

Удачные включения, впрочем, оставались в литературном языке. Например, вы знаете, что «засоня» – это диалектное слово? Но оно вошло в литературный язык.

– Да, мы так говорим и пишем. Но разве это не нормативно?

– Есть слово «соня». Но мы в Перми, да и не только здесь, говорим «засоня». Почему? Потому что это слово экспрессивнее. Оно яркое. И вот писатели, в том числе пермские, если они хорошо чувствуют слово, начинают использовать этот «пласт экспрессии». А меня интересуют ситуации, когда вполне подходящее слово есть в литературном языке, но писатель почему-то использует другое.

Сейчас я пишу целый глоссарий – это свод слов диалектного происхождения, которые используются в пермской речи интеллигентными людьми, имеющими высшее образование. Почему и с какой частотностью они используют их?..

Из беседы становилось ясно, что разговорная речь все больше привлекает внимание исследователей во всех ее разновидностях: диалектной речи, обиходно-деловой речи городского населения, литературной разговорной речи. Важное место в таких работах занимает анализ функций, выполняемых этими разновидностями, а также принимается во внимание «география» распространения этих языковых явлений.

Многолетнее изучение живой речи региона позволило подготовить к изданию не имеющий аналогов региональный словарь локальных элементов Пермского края – «Глоссарий русских локализмов» – и включить его материалы в учебное пособие по курсам русской диалектологии и культуры речи (авторы Е. В. Ерофеева, Т. И. Ерофеева, Ф. Л. Скитова).

Внимание университетских лексикографов было сосредоточено также и на составлении Акчимского словаря – уникального полного словаря деревни Акчим Красновишерского района Пермской области под редакцией Ф. Л. Скитовой, пятый выпуск которого уже увидел свет.

– К диалектному слову нельзя относиться резко отрицательно, как к мусору, – говорит Тамара Ивановна. – Есть слова, которые необходимы для создания образа: у поэта Решетова, например, абсолютно к месту прозвучало «напоперек» вместо «наперекор».

Но не все стоит использовать в речи, потому что есть слова, которые ее засоряют. И мы, ученые, пытаемся в своих исследованиях описать процессы, которые происходят в нашем языке.

– Эти исследования дают вам основу для рекомендаций по словопотреблению?

– Не думаю, что это наша задача. Рекомендации – это право, может быть, составителей словарей, издателей и т. д. Вообще, как отмечали крупные лингвисты, язык – не то поле деятельности, где вы найдете благодатную почву для реформ. Язык плохо поддается директивным изменениям. Это, повторяю, сильная, большая система, гигантское поле взаимосвязей, которые происходят в нашем языке. Язык плохо поддается изменениям – это еще известно со времени Вильгельма Гумбольдта. Язык – это большая система, где все взаимосвязано; сложное, но богатое поле, поле взаимосвязей.

После выхода на экран телесериала «Реальные пацаны» нас, пермяков, нередко спрашивают: неужели вы действительно все так говорите, как Колян и его друзья? Впрочем, своеобразной «фишкой» пермский говорок прозвучал еще на передачах КВН и вызвал интерес публики.

Но и научные исследования показывают: речь пермяков характеризуется целым рядом отклонений от норм литературного языка, приведенных в пособии Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение» и словаре-справочнике «Русское литературное произношение и ударение» Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова.

Причина отклонений как раз и заключается в достаточно заметном воздействии пермских говоров.

Работа по изучению литературной разговорной речи была начата на кафедре русского языка и общего языкознания в 1965 году. Исследователи вели записи речи пермской интеллигенции. В качестве информантов выбирались лица, имеющие высшее (иногда среднее специальное) образование. Строгий выбор такой социальной группы, как интеллигенция, был обусловлен тем, что владение литературным языком должно быть непременно ее признаком. Это были люди, родившиеся, выросшие и получившие образование в Пермской области и надолго не покидавшие ее пределы.

Колеся по родному краю и разговаривая с нашими коренными земляками, ученые «намотали» девять километров магнитной ленты и представили к отчетам восемьсот тетрадных листов...

Становление

Тамара Ивановна любовно перелистывает страницы пухлого альбома. Здесь бережно хранятся черно-белые фотографии с уже пожелтевшей каймой по краям. Как скромно одеты девушки, и уж, конечно, никакой косметики, но какие это одухотворенные, светлые лица. Их курс поступал в далеком 1954 году, а выпускался во времена, названные потом «хрущевской оттепелью». Этот период отечественной истории свежим ветром ворвался в жизнь страны.

– Наша студенческая группа была исключительно сплоченной и активной, – вспоминает Тамара Ивановна.

След этой группы протянулся через всю историю филологического факультета. Вместе с Т. И. Ерофеевой здесь до сих пор трудятся Нина Евгеньевна Васильева, Рита Соломоновна Спивак, Аделаида Федоровна Любимова, Людмила Александровна Грузберг. Работают бывшие сокурсницы и в других подразделениях университета. Это их юные лица запечатлел фотообъектив «Зоркого» много лет назад.

Вот Тамара с подружкой Галей Хорищенко на строительстве нефтеперегонного завода, широко известного теперь в России предприятия «Пермнефтеоргсинтез». Их группа работала здесь в трудовой семестр – девушки вязали так называемые маты, которыми потом обвязывали трубы.

– Работа не из легких, «но нас ведь научили», – улыбается Тамара Ивановна. А еще она помнит, как по пояс мокрые, замерзшие

убирали в поле лен. Но этот труд не воспринимался как принуждение. Студенты знали, что участвуют в большом и нужном деле.

Их группа очень любила петь и танцевать, ставили спектакли, выпускали интересную газету. Во всем этом участвовала Тамара Бочкарева, а еще занималась гимнастикой. Говоря о своем увлечении, она подчеркивает, что занималась спортивной гимнастикой – не художественной. Спортивная, конечно, рискованнее, требует большей физической нагрузки. (У нее, между прочим, первый взрослый разряд.)

– Ну, до мастера я, к сожалению, не дотянула: просто потому, что закончила университет и стала заниматься совсем другим...

Уже почти пятьдесят лет педагог Т. И. Ерофеева говорит выпускникам университета напутственные слова, каждый раз вспоминая при этом своих учителей и начало своей трудовой биографии. Она начиналась в пермской средней школе № 72. Учителем русского языка и литературы Тамара Ивановна вошла здесь в пятый класс.

– Это было интересное время, – размышляет она. – Сейчас той школы на улице Коммунистической уже нет. Вскоре после моего распределения она была реорганизована в школу-интернат № 6. В интернат в основном попадали дети из неблагополучных семей. Они здесь учились, жили и только на субботу и воскресенье уходили домой. Целыми днями я была с ними. С утра как преподаватель, а во вторую половину дня я их кормила, потом они прямо в классе учили вместе со мной уроки. Мы с ними гуляли, ходили на лыжные прогулки. И вот для таких не очень-то благополучных детей я стала как бы второй мамой.

У меня был класс из тридцати человек – десять девочек и двадцать мальчиков. Очень сложно было воспитывать, приводить их в порядок: умыть, накормить, а потом уже выступить в роли учителя. Эта смена деятельности особенно трудна для педагога. Потому что мы либо одну социальную роль играем, либо другую. И это были первые зачатки моего интереса к социологии. Ведь она тоже социальными ролями занимается.

Я ушла в университет, когда они перешли в шестой класс. Но буквально через месяц меня снова позвали в школу-интернат. Оказалось, что новый учитель не смог справиться с классом. Это была молодая девушка, имевшая опыт работы в исправительно-трудовой колонии, и в школе решили, что ей не составит труда справиться с детьми. Я подумала: почему же не получилось? Может, потому, что тоже нарушила свои социальные роли, правда,

по-другому... Она, по-моему, как бы встала на их уровень, даже стрижку сделала, как у них. И постепенно получилось, что не она их ведет, а они ею управляют...

Тамара Ивановна довела тот класс до седьмого. И тут влились новые ученики, и с ними тоже было очень сложно. Но педагогу уже помогал тот костяк, с которым она начинала работать, в котором воспитала чувство товарищества, чувство справедливости и умение прислушиваться к разумным словам. По вечерам Тамара укладывала их спать и рассказывала разные увлекательные истории, а для этого специально читала фантастику. Двое из тех ее питомцев стали филологами, закончили филфак ПГУ. Один юноша погиб в тюрьме. Еще одного осудили за участие в групповом убийстве. Когда его спросили: «Ваше желание?», он вдруг попросил: «Пусть придет Тамара Ивановна...»

– Я пришла. И эта встреча оставила на сердце осадок какой-то вины. Детям-сиротам и из неблагополучных семей трудно выбиться в люди, сложно устроиться, получить высшее образование. И как важно, чтобы у них была опора, человек, который смог бы им помочь, поддерживал бы морально и материально...

Третий год школьной работы пришлось совмещать с работой в университете. Сначала Тамара Ивановна была лаборантом кафедры романо-германских языков, а затем – кафедры русского языка и общего языкознания. И, как сама говорит, «на счастье» стала работать в словарном кабинете у Франциски Леонтьевны Скитовой на кафедре русского языка и общего языкознания, которой руководила Мария Александровна Генкель, впоследствии сыгравшая огромную роль в становлении Т. И. Ерофеевой как преподавателя. Это по ее инициативе в 1968 году Тамару Ивановну направили учиться в целевую аспирантуру при Ленинградском университете, по окончании которой в 1972 году она вернулась в альма-матер. В том же году в ЛГУ состоялась успешная защита ее кандидатской диссертации по теме «Локальная окрашенность разговорной речи лиц, владеющих литературным языком».

– Непосредственным научным руководителем была, конечно, Франциска Леонтьевна Скитова. Она дала мне научную тему «Территориальное варьирование русского литературного языка». Я занялась изучением взаимодействия говоров и речи горожан: что из диалектов в речь города вошло...

Новые горизонты

В свое время заведующая кафедрой Маргарита Николаевна Кожина дала Ерофеевой такую характеристику: «Этот человек проработал у нас от лаборанта до доцента, пройдя все ступени и должности, которые там положены».

В ее карьере значился впоследствии и пост декана факультета. Причем на протяжении всего своего «деканского периода», а это более пятнадцати лет, она постоянно занималась проблемами взаимодействия языка и общества. Ее интересовало, как представлен язык в разного рода социальных группах, каковы особенности речи у людей с учетом их возраста, пола, направленности образования – гуманитарного или технического. В ее трактовке это стратификация языка.

Термин «страта» (или «страт») используется в социальной психологии в значении «слой людей, объединенных каким-либо образом общим признаком», и, как правило, это социальный слой. Т. И. Ерофеева со своими учениками и сподвижниками по кафедре употребляют термин «страта» в расширительном значении: не только как слой людей, но и как признак, по которому проводится стратификация. «Страта», таким образом, – основополагающий, цементирующий признак определенной общности или группы людей, который может иметь и социальную, и биологическую, и психологическую природу.

Такое понимание термина дает возможность перейти на новый уровень обобщения понятия «страта» и в таком качестве рассматривать страты-факторы как составляющие, которые формируют социолект. Национальный язык, с одной стороны, обслуживает общество в целом, с другой – каждый человек является носителем этого языка, и система языка, отраженная в речевой деятельности индивида, составляет его идиолект. Существуют также и некоторые промежуточные образования, обслуживающие группы лиц, объединенных по какому-либо признаку – фактору. Эти факторы могут иметь социальную, биологическую и психологическую природу. А в связи с этим – соответствующие подъязыки, характерные для такого рода групп, которые можно назвать социолектами, поскольку биологические и психологические факторы, включенные в структуру общества, приобретают социальную нагруженность. Признание этого факта служит ученым основной методологической посылкой при изучении живой речи.

Следовательно, социолект – это набор языковых кодов, которыми владеют индивиды, объединенные какой-либо стратой, а стратификация языкового коллектива выступает тем методологическим подходом, который позволяет анализировать закономерности языкового поведения человека в реальных жизненных условиях.

В ее термине «социолект» социальное понимается в условно расширительном значении. Строго говоря, феномен – речевая общность того или иного коллектива – следует обозначать как «био-психосоциолект». Для удобства и краткости, по мнению исследователя, лучше взять за основу термин «социолект».

В понятие «социолект», от которого отталкивается в своих научных изысканиях филолог Т. И. Ерофеева, включается понятие некоего архетипа, который проявляется у человека под влиянием черт, свойственных данной расе, этнической группе, национальности, социальному классу: «С этой стороны, это речь “среднего индивида”, представляющего свою социальную группу, культуру; иными словами, социолект – инвариантный признак социально маркированной подсистемы языка. С другой стороны, понятие социолекта включает в себя еще и систему речевых средств определенной группы, детерминированных рядом факторов-страт».

К невским берегам

В свое время на филологическом факультете Пермского университета работал Леонид Владимирович Сахарный. Позже он уехал в Ленинград, но не потерял связи с пермскими коллегами, даже работал здесь председателем Государственной экзаменационной комиссии. Он видел работу Ерофеевой и знал ее научные интересы:

«Вам, Тамара Ивановна, надо приехать к нам в Ленинград и обсудить ваши научные наработки, которые вы получили в своей школе по социолингвистике».

Тему, связанную со стратификационными исследованиями, и то, что уже было наработано в данном научном направлении под руководством Т. И. Ерофеевой, высоко оценили петербургские ученые. Уже после бурного обсуждения в аудитории Алла Соломоновна Штерн предложила ей написать докторскую работу по этим материалам.

– Мы очень долго обсуждали с ней, как будет называться эта работа. Она и в этом приняла непосредственное участие и подарила мне метод, который можно использовать, обрабатывая на-

копленный материал, – дисперсионный анализ силы влияния. Это такой математический метод, которым пользуются в точных науках, но в применении к филологии этот метод разработала сама Алла Соломоновна и предложила мне.

Штерн была научным консультантом ее докторской работы. Защита тоже проходила в теперь уже Санкт-Петербургском университете. Шел 1995 год. В ее памяти защита осталась очень успешной, праздничной, красивой. В первую очередь потому, что присутствовали все члены ученого совета, что бывает очень редко. Один из них даже из Норвегии прилетел и сразу пришел на защиту. А там присутствовали все, с кем Тамара Ивановна работала, когда училась в целевой аспирантуре. Их называют «словарники кабинета». Это солидные ученые, которые работали и работают сейчас в Словарном кабинете имени Бориса Александровича Ларина.

– Вообще, на защите было пятьдесят человек, хотя в тот день защищались две докторские диссертации, и вторая параллельно, только в другом зале. Там присутствовало гораздо меньше народу. Мы были обе приезжие, но я корнями с ними, еще с аспирантуры. Приехали мои родные. И очень дорого было то, что присутствовала и Людмила Степановна Ковтун, научный руководитель моей кандидатской работы. Я ей очень благодарна, потому что она, по сути, сделала из меня научного исследователя, который мыслит не провинциальными категориями, а столичными. Это очень важно. Понимаете, вот здесь мы варимся в своем соку. Здесь у нас как бы «провинциальная» наука. У которой, впрочем, есть свои достоинства.

Алла Соломоновна Штерн, Леонид Владимирович Сахарный – оба они сыграли большую роль в моей жизни, потому что он был эрудит, а Штерн – филолог, владеющий точным аппаратом исследования. Так что красивой защита была не потому, что я там ярко выступила, а вот сама тема, само исследование привлекли внимание: были достаточно высокие оценки и отзывы.

Ее докторская диссертация «Социолект: стратификационное исследование» была высоко оценена петербургскими учеными, как с теоретической, так и с практической точки зрения, привлекла внимание в научном мире своим новаторством.

Своя школа

Блестящая защита окрыляла, открывала новые горизонты. Следующим этапом виделось создание собственной школы со-

циолингвистики, и этой задаче Тамара Ивановна подчинила свою дальнейшую научную деятельность. Школы зарождаются в длительной исследовательской работе, их нельзя механически перенести на какую-то иную почву, а утратив позиции, нельзя восстановить. Поэтому-то каждая научная школа уникальна и ценна.

Уже несколько лет Т. И. Ерофеева не только собирала, анализировала, обобщала материалы. На этом она воспитывала своих учеников и таким образом готовила тех, кто призван развивать в дальнейшем научные идеи.

– Организационно школа оформилась в мае 1999 года. Мы создали Школу социолингвистики, которая объединяет ученых классического и педагогического университетов под руководством двух специалистов университета и одного от педуниверситета. Наша цель – воспитывать молодых ученых и пропагандировать научные знания. Мы заседаем раз в месяц и на свои заседания приглашаем студентов, в них участвуют также профессора, доценты, различные ученые. Задача – распространение знаний и знакомство с новыми идеями в области лингвистики: у нас выступают специалисты и из других регионов России, и из-за рубежа. Выпускаем совместно с учеными из Восточной Европы научный журнал «Филологические заметки».

Есть в моей жизни еще очень важная веха, связанная с кабинетом имени Б. А. Ларина в Санкт-Петербургском университете. Там ежегодно проходят так называемые Ларинские чтения, обычно 18–19 января, в день рождения выдающегося ученого. Конференция очень престижная, там бывает немного народу, по специальным приглашениям. Это те, кто чтит и развивает идеи Бориса Александровича. Франциска Леонтьевна была его аспиранткой, его ученицей.

Борис Александрович Ларин – крупный лингвист, который заявил о себе в двадцатые годы XX столетия, выдвинув новую тему исследования «Языковая ситуация города». Он считается основоположником этой темы.

После защиты докторской диссертации Тамару Ивановну стали приглашать в город на Неве с докладами на «Ларинские чтения».

– Это большая честь, если тебя пригласили здесь выступить, – говорит Ерофеева.

Лингвисты, работающие под ее руководством, изучают такие формы национального языка, как разговорная литературная речь, нелитературное городское и сельское просторечие, профессиональные «языки» и территориально-социальные диалекты.

На счету у Тамары Ивановны более двухсот публикаций, шесть учебно-методических пособий, монография и три хрестоматии, множество программ вузовских курсов. В 1999 году Высшая аттестационная комиссия присвоила Т. И. Ерофеевой звание профессора. Тамара Ивановна легка на подъем и довольно часто выезжает в командировки в научные центры России и за рубеж.

– Когда я представляю нашу науку за рубежом, никогда не забываю напутствие тогдашнего ректора ПГУ Владимира Владимировича Маланина, который говорил о том, как важно, чтобы нас знали, нас видели, нас узнавали за рубежом. И вот я много об этом думала и следуя этому наказу. Много работала за рубежом – преподавала в Чехии, в Финляндии, на Кубе. А с докладами выступала в Польше, Македонии, Венгрии, Франции, Словении, Украине, Беларуси. Очень люблю Польшу, где была несколько раз на конференциях.

– Тамара Ивановна, а на каком языке вы общаетесь с коллегами, когда выезжаете за границу?

– Русский язык международный, язык крупный, несколько не менее значимый, чем английский, и пусть они там привыкают слушать нас на нашем языке. В общем, выработала для себя такую позицию: предлагаю – либо я очень кратко скажу это на иностранном языке, либо пусть слушают полностью на русском. Езжу довольно много, три-четыре раза в год, в разные города России, за рубеж. У меня тесные контакты с Санкт-Петербургом, Екатеринбургом, Москвой, Челябинском, где много знакомых ученых.

– Вернемся к теме: как все же быть с «иностранщиной»?

– Взять все лучшее и отсеять все плохое. Это постепенно и происходит с иностранными словами. Что и почему остается, как влияет на язык, как развивается терминология? Термины активно внедряются в язык. Посмотрите, на русской почве слово «анимэшиник» – это что? Конечно, в Японии такого слова нет. На русской почве оно оформлено с помощью русского языка. Это процессы лингвистические. Мы должны их отслеживать, изучать нормы и проблемы взаимодействия языков.

Конечно же, уважение к родной речи никогда не исключает уважения и стремления к изучению других языков. Но мы можем гордиться, что мы – русские. И беречь то, что нам даровано – наш «великий и могучий...».

Любовь к русскому языку и литературе ей привила мама Зоя Ивановна Бочкарева. Семья была скорее батрацкая, чем бедная крестьянская, но непреодолимая тяга к книге и знаниям привела ее на рабфак педагогического института. Зоя Ивановна всю жизнь

преподавала русский язык и литературу в пятых-восьмых классах. В то время курс обучения в педагогическом вузе был четырехгодичный, и преподавать в старших классах не разрешалось. Но большую часть времени она была директором школы № 86, что в Перми, на Парковом.

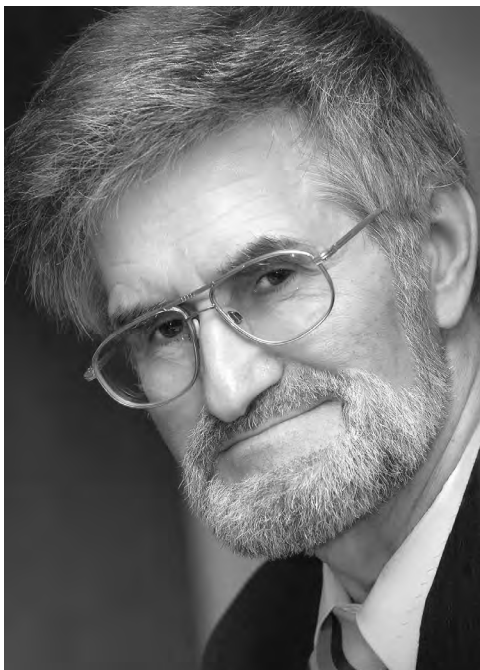
Отец Иван Филиппович был родом из села Большая Соснова Пермской области. Оба родителя, поступая на рабфак, добирались до Перми из своих деревень то на подводах, то пешком.

Их дочь Тамара при поступлении в Пермский университет в графе «социальное положение» указывала, что она из семьи служащих. Тогда отец уже был на партийной работе, а потом на профсоюзной. Но в разных жизненных ситуациях крестьянские корни, наверное, и поддерживали ее на выбранном пути.

И вот уже более сорока лет под руководством Тамары Ивановны Ерофеевой в Пермском университете ведется работа по изучению литературно-разговорной речи региона, определению статуса городского просторечия, выявлению особенностей профессиональных, жаргонных и арготических форм общения, исследованию речевого портрета личности. Ее работы утвердили в лингвистической науке метод анализа речевой деятельности личности или социальной группы – дисперсный анализ. Освоение этого метода обеспечило объективность критериев оценки факторов, определяющих речевые портреты и речевое поведение личности или социальной группы, что очень важно для науки.

Применение дисперсного анализа на широчайшем речевом материале привело в итоге к открытию теоретического порядка – созданию и обоснованию теории социопсихолекта. Тамара Ивановна предложила интегральную статистическую модель социолекта, который понимается как инвариантная социально маркированная подсистема языка. Впервые социолект определяется ею как одна из основных единиц и социальной, и функциональной стратификации языка. Новым для социальной диалектологии является и рассмотрение говорящего человека с учетом комплекса социобиологических страт-факторов, а также выявление взаимодействия этих страт.

...Недавние споры и обсуждения в прессе «словарного скандала» показали, что мы все-таки не безразличны к судьбе родного языка, к культуре, правильности нашей речи. Это богатство не заменишь торопливой невнятицей «эсэмэсок». И очень важно, что есть в нашем университете ученые, повседневно и пристально изучающие пути, которыми идет Слово. Ведь недаром утверждается, что именно оно и было в начале начал...

Владимир Ильич Костицын – доктор технических наук, профессор, действительный член Российской академии естествознания и Международной академии навигации и управления движением. Родился 2 июля 1945 года. После окончания Пермского университета в 1968 году работал на кафедре геофизики (с 1995 года – заведующий этой кафедрой), 19 лет был проректором ПГУ. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. Автор более 230 научных работ. Автор и соавтор шести монографий, учебников «Гравиразведка», «Основы геофизических методов» и еще ряда учебных пособий. Обладатель патента «Способ выявления предвестников землетрясений».

Международный научный совет Американского биографического института присвоил ему титул «Человек года – 1998».

ЭХО ЗЕМЛИ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

**Встреча
с геофизиком –
профессором
ВЛАДИМИРОМ
КОСТИЦЫНЫМ**

Он заметен в университетской среде. Не только академической внешностью, но и особой динамикой своего существования, уверенностью присутствия в альма матер. Вообще, давно отмечено, что профессия накладывает какой-то отсвет на личность: люди, часто бывающие на природе, в экспедициях, словно приобретают мощный заряд энергетики. И хоть встречи мои с профессором Костицыным очень частыми не назову, каждый разговор с этим удивительным человеком запомнился. Если даже диалог шел буквально на ходу, он успевал сообщить какую-то интересную новость.

Спросил его как-то, что он думает по поводу проблемы «конвертируемости дипломов» российской высшей школы.

– По Болонскому процессу у меня мнение еще не окончательно сформировано, – откровенно ответил Владимир Ильич. – Я этим занимаюсь в вузе как методист-организатор и считаю, что основные принципы высказаны правильные. Другое дело, как их решать?

Когда мы проводили последнюю методконференцию, докладчики – представители из Венгрии – говорили, что прежде чем присоединиться к Болонской декларации, у них полтора года этот вопрос обсуждался среди населения, студентов, преподавателей. А у нас министр подписал и поехали!..

– Слышал, что как раз сейчас вы работаете над государственным образовательным стандартом по своей специальности. Выходит, вам и карты в руки при прокладывании курса к международным стандартам?

– Мы всегда что-то начинаем выдумывать, вместо того, чтобы просто под эгидой министерства изучить и сравнить аналогичные стандарты в других странах, соединить с собственным опытом и составить Госстандарт, а дальше – пожалуйста, учебный план по специальности «Геофизика».

К сожалению, я не вижу, чтобы подобным анализом на федеральном уровне занимались. Не знаю, почему. Но сегодня предлагают один вариант, завтра появляются новые требования, другой стандарт. И ничего общего между ними. Впрочем, к 2010 году стандарты по высшему образованию министерство, наконец, утвердило. И что получается? Вузы будут в основном готовить за четыре года бакалавров, а специалистов (5 лет) не будут. Они что, не нужны стране?

Бакалавриат внедряется в России десять лет, но не требуется не только предприятиями и организациями, но и студентами. Тем не менее, его упорно проталкивают, ссылаясь на Болонский процесс. Уже руководители страны в последнее время настаивают на подготовке именно инженеров, но процесс-то уже пошел. Нас успокаивают, что будет, мол, и магистратура. Но отнюдь не во всех университетах и не по всем направлениям. Причем в магистратуру принимают для обучения по бюджету только пятую часть от числа окончивших бакалавриат. Остальные могут продолжить обучение, но уже с оплатой по договору.

– К вопросу о «конвертируемости знаний» есть убедительные примеры: в прошлом году ваш выпускник поступил в аспирантуру в США...

– И еще одна девушка поступила, но жаль, что по ряду обстоятельств вынуждена была прекратить учебу. Наш выпускник О. Ковин в 2010 году окончил аспирантуру в одном из университетов США: ему присуждена ученая степень доктора философии и сейчас он работает в академической науке.

Я знаю по общению, по научным конференциям, что в области обработки и интерпретации геофизических данных наши выпускники и специалисты намного сильнее. Мы проигрываем по аппаратуре и компьютерным разработкам. То сотрудничество, которое мы начали с Канадой и США, заставляет менять определенную часть учебного процесса. Те вузы, которые участвовали в нацпроекте «Образование», с переходом на новые учебные планы должны обеспечивать только 40 процентов работы аудиторной и 60 – самостоятельной. А наши студенты к самостоятельности еще не приучены должным образом. У студента два дня свободных, но только немногие из них занимаются, идут в библиотеку. Большая часть, по-моему, развлекаются.

– А выпускники ваши востребованы?

– Востребованы. Если раньше по распределению уезжали в Сибирь, то сейчас предпочитают оставаться в Перми. Беда, что наших преподавателей переманивают в Горный институт на большую зарплату. У нас оплата труда преподавателя, конечно, очень мала. Вот выпускники и не стремятся работать в альма-матер...

Вокруг глобуса

Этот разговор в вестибюле главного корпуса ПГУ проходил на фоне легендарного глобуса, ставшего, по-моему, еще одним символом нашего форпоста высшей школы. Этот образ навеял тему очередного диалога с профессором Костицыным – о живой сущности нашей планеты. Геофизики не раз говорили мне, что воспринимают недра как живой организм, чутко реагирующий на зондирование, а тем более вмешательство. И я как-то спросил об этом профессора.

– Люди, которые владеют биолокацией, наверное, могут больше сказать об этом по собственному опыту. Они простой рамочкой определяют, что тут есть – месторождение руды или источники воды. И там действительно находят искомое. Но обосновать свою интуицию «лозоходцы», как правило, не могут. Землю действительно познать сложно и относиться к ней надо уважительно. Вот на смену шурфам и скважинам – привычным для геологов способам исследования недр, пришли приборы, улавливающие «эхо Земли». И мы стали понимать, что это действительно дышащий, живой субъект. Во время экспедиций я встречал аномальные зоны с удивительным «поведением» земной толщи, как бы сознательно реагирующей на вмешательство человека...

В сенсационной Молебке лично был только один раз. По мнению ученых, там существуют какие-то тектонические особенности и нарушения. И явно – выход газов, которые могут воздействовать на человека. С позиции геофизика это связано с определенными породами и строением недр.

– Когда участвовали в экспедициях, работа ваша имела прикладное значение?

– Да, имела и научное, и прикладное значение, когда мы, например, проводили экспедицию севернее Нарьян-Мара на Коровинской нефтегазоносной структуре. Материалы в дальнейшем использовались для определения здесь месторождения. В тех исследованиях, которые проводились раньше в Пермском крае на нефтяных месторождениях, тоже, хотя и не в большом объеме, мои работы были использованы.

– Ваша кафедра ведет сегодня договорные работы?

– К сожалению, нефтегазовые компании в геофизике не очень заинтересованы. Используют уже открытые месторождения, в поисковых работах и исследованиях, очевидно, нуждаются меньше. Поэтому больше сотрудничают со специалистами из технического университета, которые занимаются разработками уже открытых месторождений. В настоящее время у нашей кафедры договорных работ меньше, чем двадцать лет назад. Этим больше занимается Горный институт, а мы выпускаем по сотне специалистов в год и больше заняты сейчас учебным процессом. Пятьдесят студентов по дневной форме обучения и пятьдесят по заочной – это огромные объемы работ.

– Современные условия учебы в университете отличаются, на ваш взгляд, от тех, когда приехали поступать вы? Много у вас сельчан?

– К сожалению, ребят из сельской местности на геофизике мало. Поддержать их мы можем разве что только именной стипендией, надбавкой из средств соцзащиты. Но если надо помочь одаренному студенту, то помогаем.

Из деревни Костиченки...

Не случайно заговорил я с Владимиром Ильичом о сельских ребятах. Сам он родился в Вятском краю, в деревне с «родовым» именем – Костиченки. Обычная крестьянская семья. Отец Илья Степанович и мать Алевтина Никаноровна поженились в 1938 году. А через год у них родился сын Володя. Отца призвали в армию, и, отслужив положенное, он уже готовился к возвращению в родные края, как началась Великая Отечественная, и он остался в строю, пошел воевать.

В тылу бывало потруднее выжить, чем на фронте. Алевтина Никаноровна трудилась в поле, оставляя болеющего первенца. А больницы поблизости не было. На работе ей и сообщили, что с мальчонкой беда – он скончался.

Шел третий год войны...

После второго ранения, в 1944 году, Илья Степанович получил краткосрочный отпуск. Чем мог, помог по хозяйству, навестил могилку сына и вернулся на фронт, чтобы только в декабре 45-го увидеть родившегося летом сынишку, которого в память о первенце тоже назвали Володей. Так звали и брата отца, погибшего на фронте.

В пяти километрах от Костиченок была балахнинская школа, и по дороге туда из окрестных деревенок собиралась небольшая ватага ребяташек. Однажды Володя пришел в соседнюю деревню, а друзья-приятели уже все ушли. Он вернулся домой... На всю жизнь запомнил он тогда мамыны слова: «Ты обязательно пойдешь учиться...» Взяла его за руку и проводила – пять километров туда и пять обратно. Это был тоже урок жизни на земле, когда надо не искать причины для бездеятельности, а идти к цели. Потом мальчика перевели в талицкую школу, которой он считает себя обязанным по сей день.

– Я признателен учителям за глубокие прочные знания. Всегда отмечаю школу в Талице как очень важный шаг в познании мира. Там заложили основу, умение и желание учиться. Когда закончил школу, то надумал поехать в Пермь, к родному дяде Михаилу. Послушав совет отца, решил идти на юридический факультет. Однако заявление не приняли, так как для юрфака надо было иметь трудовой стаж не менее двух лет. А надо сказать, – улыбается профессор, – что мой двоюродный брат Вадим был топографом, да и сам я, получив аттестат, подумывал о профессии геофизика...

Так появился в 1962 году на геологическом факультете ПГУ первокурсник Володя Костицын, которому суждено было стать одним из самых успешных учеников и последователей известного ученого – профессора А. К. Маловичко.

Нужный фарватер

Александр Кириллович Маловичко начал читать им лекции на третьем курсе. К оригинальной манере изложения материала профессором надо было привыкнуть. И довольно быстро Владимир стал понимать глубину лекционного подхода Маловичко, впитывать идеи, которыми тот щедро делился с молодежью.

Когда начали распределять темы курсовых работ, к Александру Кирилловичу из полусотни студентов записались только двое. Многие, видно, побаивались требовательного педагога. Володе профессор поначалу дал тему, связанную с изучением влияния рельефа местности. Но поскольку студента это как-то не заинтересовало, Маловичко привлек его к хоздоговорной теме, которую на кафедре разрабатывали для треста «Пермнефтегеофизика». Речь шла о совершенно новых методиках, и увлеченный студент курсовую написал столь удачно, что профессор даже поместил ее в сборник научных статей. С чего и началась исследовательская, научная работа молодого геофизика...

А после пятого курса Маловичко предложил ему должность ассистента на кафедре геофизики. Оставалось еще восемь месяцев учебы и прохождения практики. Профессор усадил его за скучное занятие – отправлять по разным адресам книги. Первым стал урок по... завязыванию посылок. Овладев этим искусством, Костицын обратил внимание на интересные адреса некоторых

отправлений. И... решил сам написать письма в Крым, в Белоруссию... Вскоре получил три приглашения на практику. По совету наставника он поехал тогда в Белоруссию, а вернувшись, получил подарок: Маловичко пригласил его к себе домой, где торжественно вручил первый изданный научный труд Владимира Костицына. Так талицкая школа получила для юноши из Костиченок яркое и судьбоносное продолжение в школе профессора Маловичко...

Интерпретации

Земля – большая и малая Родина наша. Мы живем, не замечая ее глубинных забот и печалей, радуясь весеннему первоцветью, красе гор и рек. Нам мнится, что она всегда будет дарить поколениям людей во всей полноте свои богатства, кажущиеся неисчерпаемыми.

По-другому судят специалисты, прислушивающиеся к дыханию нашей планеты.

– Мы на кафедре занимаемся вопросами обработки и интерпретации геофизических данных, в том числе гравиразведки. Случилось так, что последовательность и настойчивость Маловичко проявились в том, что он вернул меня к первой теме – учету влияния рельефа. И вот в соавторстве с ним и еще одним выпускником мы написали статью, которая затем вошла во все дальнейшие наши книги...

Но сначала ассистенту Костицыну довелось поработать у еще одного мэтра геофизики – Бориса Константиновича Матвеева, крупного специалиста по электроразведке.

– Работали мы дружно с Борисом Константиновичем, – вспоминает Костицын. – В первый год мне даже не дали хотя бы месяц отдохнуть после получения диплома, сказали: будешь вести занятия! Так, 18 марта 1968 года я провел первое занятие и только позднее узнал, что это день рождения профессора Бориса Матвеева. В этом же году предстояло солнечное затмение, и нам было поручено от Академии наук протестировать приборы, а затем провести электромагнитное зондирование. И вот мы поехали в сторону Оханска, выбрали место, провели исследование. Борис Константинович снял фильм, в котором даже удалось заметить, как солнечное затмение влияет на

поведение людей и животных: на счастье, в объектив попало в этот момент стадо коров.

Профессор Матвеев меня агитировал заниматься научной работой по электроразведке. Но к тому времени появилось место ассистента по гравирозведке. Таким образом, я полностью перешел к Александру Кирилловичу. За семь лет работы ассистентом опубликовал 12 работ. И можно бы уже диссертацию писать, но Маловичко мне этого почему-то не предложил...

Упрямый вятич решил все-таки: напишу и покажу профессору! Написал, принес. Маловичко взял труд домой, прочитал и... после слов одобрения дал ассистенту творческий отпуск на три месяца. 12 июня 1975 года он защитил кандидатскую диссертацию. И тут ему предложили место заместителя декана по общественно-политической практике, а потом – по учебной работе. И пять лет Владимир Ильич был замдекана по учебной работе геологического факультета.

Продолжение биографии

Выбор руководства ПГУ не был случайным. Человеческие и организаторские качества молодого ученого и педагога были, как говорится, налицо. Но он стал упорно проситься отпустить его с работы в деканате.

– Почувствовал, что наука может уйти на задний план, – размышляет Костицын. – Но вспоминаю это время административной работы на хорошей волне, с признательностью. В этот период довелось поработать над успеваемостью студентов, и она заметно улучшилась. Но когда отдача от усилий сократилась, понял, что пора уходить. Тогдашний проректор по учебной работе В. Ф. Попов меня не отпускал, предлагал должность начальника учебного отдела. Говорил: «Проведи хотя бы одну сессию», а потом, мол, иди на научную работу. И я эту сессию провел.

И вот он вернулся к научной работе. Тогда был заключен договор с Новодвинской геофизической экспедицией, базировавшейся около Архангельска. Владимир Ильич с коллегами проводил полевые геофизические работы севернее Нарьян-Мара. Немало ездил, собирал материал, был доволен плодотворностью сезона, возвращением к любимому делу. Но... в ноябре 1982 года ректор В. П. Живописцев пригласил его на общественную долж-

ность ученого секретаря совета ректоров. А затем начался почти двадцатилетний период его работы в качестве проректора ПГУ. Надо заметить, что в те годы должность проректора вуза утверждалась решением коллегии министерства, и после трех месяцев работы «и. о.» Костицына пригласили в министерство на собеседование.

– Нас было семь проректоров из разных вузов страны. И вдруг перед коллегией мне позвонил в министерство наш ректор, поинтересовался ходом событий, приободрил, спросил, не нуждаюсь ли в поддержке.

Этому, в общем-то, обычному для атмосферы ПГУ факту были, однако, очень удивлены и министерские работники, и «утверждаемые» коллеги из других вузов страны. Я даже почувствовал определенную зависть с их стороны, мол, надо же, беспокоятся... Но для меня это было нормальным «пермячеством», проявлением того симпатичного и дорогого мне стиля отношений в нашем университете...

В памятном 92-м году Владимир Ильич вышел на защиту докторской диссертации. Он успешно защитил ее в Москве, в Российском университете нефти и газа.

Вот такая история!

– В ректорате я отвечал за работу приемной комиссии. Там выдавали поступающим буклетики об университете. «Исторический ракурс» меня заинтересовал, и когда набралась информация, я предложил издать книжку о ректорах университета. К идее отнеслись положительно. Так пришлось всерьез заняться изучением фондов, фактического материала.

У профессора Костицына появилось еще одно увлечение – история родного университета. Когда отмечался юбилей ПГУ в 1996 году, он предложил издать воспоминания деканов и ректоров, жизнь которых была связана с вузом. Так вышел сборник «Живые голоса».

Это было очень важно – сохранить голоса тех, многих из которых сегодня уже нет в живых. Был там и «голос» любимого учителя – А. К. Маловичко, а также ректоров В. Ф. Тиунова и В. П. Живописцева, ряда деканов и профессоров...

– В те годы мы разрабатывали концепцию развития высшей школы. Обсуждали ее в журнале «Университетское образование».

Затем мы проводили методические конференции международного характера о подготовке специалистов XXI века... Это была попытка заглянуть в будущее. Не фантазиями и прожектами, а на основе вполне реальных и зримых перспектив и задач. И стала предвестием того, что потом вылилось в правительственный грант и большую работу по инновационным методам.

После того как я стал заведующим кафедрой, мне захотелось еще рассказать, что я знаю об университете. Таким образом, были написаны брошюры о памятниках искусства и культуры в университетском городке. Затем были изданы юбилейные сборники о памятных датах, выдающихся ученых, о наших выпускниках – Героях Советского Союза.

Когда готовились к полувековому юбилею кафедры, то я вспомнил, что мне как-то говорили о работе в университете одного из потомков Пушкина. Но не знал, что он был геофизиком. Это Козловский Борис Юрьевич. Он проработал у нас всего два года, до этого был начальником партии, главным инженером, преподавал в Кизеловском горном техникуме... Благодаря журналисту Владимиру Гладышеву мы определили место его захоронения и установили ему памятник на Егошихинском кладбище.

Задание на завтра

– Сейчас моя задача на факультете – развивать кафедру геофизики, – говорит профессор. – Мы стали победителями гранта Президента России среди ведущих научных школ (было подано в 2008/2009 году десять заявок). А еще мы получили диплом «Золотая кафедра России» от Российской академии естествознания. Я являюсь представителем этой общественной организации (В. И. Костицын – председатель Пермского регионального отделения с 1994 года). Такой диплом, думаю, подтверждает определенные заслуги в работе нашей кафедры.

Вновь утвердили наш Совет по защите докторских и кандидатских диссертаций, где я являюсь председателем. Насколько я знаю, в России всего четыре аналогичных Совета в нашей отрасли знаний. После утверждения Совета первую работу нам направил ВАК (Высшая аттестационная комиссия) на дополнительное заключение: мы ее рассмотрели и оценили, что она заслуживает докторской. ВАК утвердил это решение. Состоялись уже защиты соискателей из Башкирии, Чувашии, Екатеринбурга, Казани. Сто-

ит отметить, что в год 95-летия ПГУ защитили докторские диссертации пермяки С. Г. Бычков, В. А. Наумов, В. М. Неганов...

В 2006–2007 годах кафедра принимала участие в национальном проекте «Образование». На 12 миллионов рублей правительственного гранта было приобретено геофизическое оборудование. Лаборатории теперь полностью компьютеризированы. Это оборудование высокой точности: например, с помощью гравиметрии можно решать задачи при поисках месторождений нефти и газа, другие инженерные задачи. Состоялся ряд экспедиций, и их результаты показали достоинства нового высокоточного прибора.

– К слову, о сотрудничестве с канадцами: и они меня пригласили на международную выставку в Торонто в марте 2008 г., чтобы я посмотрел, как развивается геофизика в мире, – рассказывает Костицын. – А после того как мы повстречались с президентом фирмы «Геософт», нам дали «добро» на установку в трех наших лабораториях лицензированного программного обеспечения. И потом канадцы помогли в его установке...

В сентябре 2008 года в ПГУ состоялся канадско-российский семинар, где были президенты и вице-президенты восьми ведущих геофизических организаций двух стран. Гости показали, каким оборудованием и программами они владеют. Пермяки показали свое. Канадцы явно остались довольны, изъявив желание сотрудничать. Среди прочего Владимир Ильич показал коллегам изданные здесь с десятков учебно-методических пособий. Канадцы захотели издать их и некоторые монографии у себя, переиздать учебник «Гравиразведка», переведя его на английский язык.

Не так давно вышла в свет энциклопедия «Минерально-сырьевые ресурсы Пермского края». И здесь есть вклад профессора Костицына: раздел по геофизике написан специалистами из Горного института, а ему поручили написать раздел о горно-геологическом образовании в Пермском крае, начиная от начального, среднего и заканчивая высшим образованием.

– Но там изложено очень кратко, и я издал еще отдельную книгу, которая так и называется «Горно-геологическое образование в Пермском крае». Министерство природных ресурсов ее опубликовало. Думаю, она будет полезна для школьников, абитуриентов и их родителей, – говорит Владимир Ильич.

* * *

Его нередко спрашивали, не родственник ли он знаменитому математику Владимиру Костицыну? Владимир Ильич заинтересовался однофамильцем, выяснил, что был такой математик и геофизик, потом он эмигрировал во Францию. А был знаменит он тем, что стал одним из организаторов изучения Курской магнитной аномалии и теоретически рассчитал глубину залегания магнитных руд, но из-за эмиграции его имя было исключено из истории освоения этой аномалии. И хотя родственником он не был, «наш» Костицын статью об этом ученом опубликовал в московском журнале «Актуальные проблемы науки и образования».

Тут надо отметить, что в двух изданиях – «Геофизики России» и в сборнике «Профессора Пермского университета» – есть информация о самом Владимире Ильиче. Его имя – и в справочниках «Пермский край», «Ученые Российской академии естествознания». Но особо он гордится присланной из вятских краев книгой, в которой рассказывается, откуда Костицыны родом: история, события, люди того района, где он родился. Есть там рассказ и о нем.

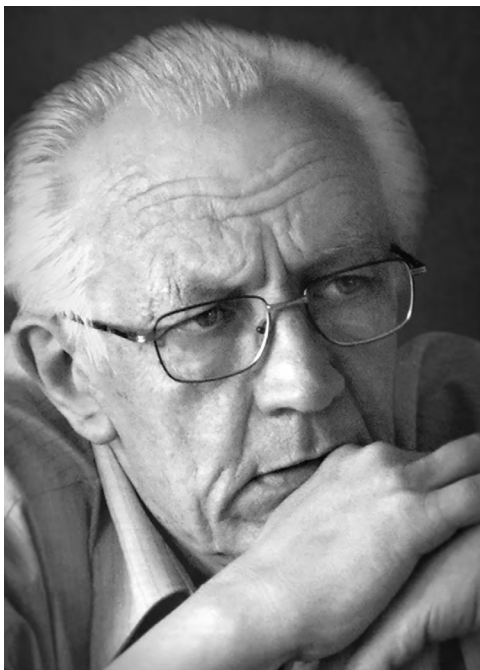
– Причислили к числу знаменитых людей деревни Костиченки, основанной в 1854 году. Названы мой отец Илья, мать Алевтина, сестры – Галина, Валентина и Любовь. Информацию я не давал. Местные краеведы собрали сами – составитель книги Ф. Н. Соколова. Я ей очень признателен, – мягко и грустно улыбнулся Владимир Ильич. – Только вот в 1978 году моя деревня исчезла с лица земли...

В беседе этой, да и во время других наших встреч, Владимир Ильич постоянно отмечал, что если и добился он определенных успехов в науке и профессиональной карьере, то способствовали тому надежные и прочные «тылы». Его жена Валентина Степановна – биолог по первому образованию и психолог по второму – всегда создавала благоприятную атмосферу в семье, уют. Помогала и дома, и в университете. Она – Почетный работник высшего профессионального образования РФ, более двух десятков лет курирует учебную работу лицей при ПГУ с позиций факультетов, сама преподает психологию.

Хотел ли Владимир Ильич, чтобы сыновья его пошли по стопам отца на геофизическую специальность в родной вуз? Несомненно. Но никогда не настаивал на этом, предоставляя им свободу выбора. Теперь сын Виталий – математик-програм-

мист, Андрей – юрист, специалист по международному праву, невестка – музыкант, у внуков самые разнообразные интересы... И профессор рад этой разносторонности как проявлению широты тех горизонтов, что дарит нам жизнь...

Исследуя и внедряя новые методы изучения толщи земной коры, русский ученый Владимир Ильич Костицын не просто стремится поставить на службу людям богатства недр, понять происходящие там процессы. Всей душой связан он с родной землей, и эхом отражаются в его сердце ее история, ее заботы и живет благодарная память о людях, работавших на ней, чтобы сделать нашу жизнь хоть на капельку счастливее, добрее и умнее.

Дмитрий Викторович Любимов родился 6 февраля 1949 года. Окончил физический факультет Пермского государственного университета. С 1974 года работает на кафедре теоретической физики, с 1989 – возглавляет ее.

Основные работы посвящены теории тепловой конвекции, конвективной и гидродинамической устойчивости, влиянию вибраций на поведение неоднородных гидродинамических систем. Создал общую теорию термовибрационных явлений. Лидер пермской гидродинамической научной школы. Лауреат премии первой степени имени А. А. Поздеева в области физики, математики, информатики.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ХАОСА

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

**Разговор
на вольные темы
с физиком-
теоретиком –
профессором
ДМИТРИЕМ
ЛЮБИМОВЫМ**

35 лет спустя...

Кажется, совсем недавно – в середине 70-х годов прошлого века – Пермь была отмечена на «научной карте» страны особым «флажком», на котором были начертаны слова: «Гидродинамика. Конвекция». Молодым журналистом – сотрудником чуть ли не единственного в областных газетах СССР отдела науки «Звезды» – мне довелось побывать на форумах с участием таких ученых, как академики Г. И. Петров, И. М. Кирко, выдающиеся пермские исследователи – профессора Г. З. Гершун, М. И. Шлиомис, Е. М. Жуховицкий и другие...

Шло обсуждение актуальных научных проблем, в том числе в области тепловой конвекции, вибраций и гидродинамической устойчивости. В «Звезде» публиковались репортажи из лабораторий, где исследовались сложные гидродинамические системы, в земных условиях моделировалась невесомость. В эти годы формировалась пермская группа академических научных учреждений, и вузовская наука была тем прочным фундаментом, на котором из небольших отделов выросли впоследствии целые институты Академии наук. Это было время романтического устремления в космос, где ученые различных отраслей знаний, но прежде всего – физики и материаловеды, надеялись найти ответы на многие вопросы.

Тогда во время одной из встреч с организатором пермской академической науки Александром Александровичем Поздеевым я попросил его рекомендовать для интервью к очередной «комсомольской дате» кого-нибудь из молодых ученых-физиков. Против ожидания, кандидатуру он назвал вовсе не из числа молодых талантов своего отдела физики полимеров. «Думаю, из перспективных теоретиков вам будет интересно познакомиться с Дмитрием Любимовым в классическом университете», – посоветовал «Сан Саныч». Этим адресом я и не замедлил воспользоваться.

...Молодые ученые – супруги Любимовы: Дмитрий и Татьяна – встретили в ПГУ корреспондента приветливо, но с некоторым недоумением – о чем говорить с человеком, мягко говоря, слабо ориентирующимся в их проблематике? Меня же вдохновлял уже имевшийся опыт популяризации исследований полимеров. А также слова классика марксизма, что, мол, нет такой научной проблемы, о которой нельзя было бы рассказать понятным простым людям языком. Тем более что из школьного курса физики помнил нагреваемую на спиртовке колбу, в которой и проходила вышеупомянутая «конвекция жидкости». Однако такого «багажа» явно не хватило на предметный разговор о любимовских исследованиях, поэтому беседа перешла на тему бедности инструментария ученого. «Мне достаточно для работы бумаги и карандаша», – заметил тогда Дмитрий Викторович, пытаясь, как вежливый человек, терпеливо объяснить суть работы физика-теоретика...

Публикация тогда получилась не очень удачной, и пришлось задуматься над тем, что популяризация научного поиска – занятие не из легких. Впрочем, и тогда пресса занята была больше «информационным обеспечением достижений науки», чем ее проблемами. Что тоже было немаловажно и, к сожалению, почти ушло из современной журналистики.

Как бы то ни было, на встречу с Дмитрием Викторовичем через минувшие три десятка лет я шел с некоторым внутренним напряжением. За эти годы он стал доктором физико-математических наук, профессором, заведующим кафедрой теоретической физики ПГУ, лидером пермской гидродинамической школы. Он – признанный в мире ученый, создатель общей теории термовибрационных явлений. Именно такие личности и позволяют вузу претендовать на высокий статус национального исследовательского университета. «Практически, он – гений», – сказал мне о Любимове хорошо знающий его человек, причем не склонный к пафосу. Согласитесь, такое редко о ком услышишь.

Доброжелательность профессора, однако, сразу сняла напряжение...

О космосе и титане

– В вашем «послужном списке», Дмитрий Викторович, отмечено, что вы являетесь членом секции «Космическое материаловедение» Совета по космосу Российской академии наук. Вы продолжаете то направление, о котором мы говорили с вами в середине 70-х: формирование идеальных кристаллов в невесомости? Кстати, хорошо звучит – «Совет по космосу»!

– Обычная бюрократическая структура: ученые предлагают свои проекты, а Совет рассматривает их. Пока отрасль хоть как-то финансировалась, мог и я позволить себе поиграть в эти игры. Сейчас на приглашения Совета не откликаюсь. Тем более что оправдались далеко не все надежды по созданию в условиях космоса новых материалов со свойствами, которые невозможно получить на Земле. Тридцать лет тому назад и США, и СССР положили на это немало сил и средств. Я оказался в числе гидродинамиков, привлеченных к этим проблемам.

Мы исследовали, как различные факторы космического полета, в том числе вибрации, влияют на технологические процессы выращивания кристаллов: большие, бездефектные – они необходимы в микроэлектронике. Однако с тех пор земные технологии шагнули далеко вперед, и на Земле научились выращивать кристаллы лучше, чем в космосе. Здесь это более рентабельно. А вот, скажем, выращивание в невесомости ценных белковых кристаллов, необходимых для производства ряда лекарств, остается вполне актуальной задачей. Но в этой сфере нет моих интересов.

– Похоже, я повторяю прежнюю ошибку: «тащу» вас, теоретика, в сторону прикладной науки. А вам это по-прежнему не очень интересно?

– Смотря о чем идет речь. В советские времена существовали, например, хоздоговорные работы. Были отлажены связи с промышленными предприятиями, и я нередко в этих работах участвовал. Правда, на кафедре была принципиальная позиция – избегать участия в военных заказах. Это шло еще от Григория Зиновьевича Гершуни – моего учителя.

Мне памятна, например, работа с Березниковским титано-магниевым комбинатом. У них возникла проблема извлечения из титановой губки расплавленного хлористого магния. Смесь внутри губки разбивалась на капли и застревала. Как заставить ее вытекать? Это была интересная задача для ученых. И у нас даже выросло небольшое научное направление – как заставить включения двигаться в пористых средах. И любопытная, знаете, получилась наука: следуя логике, эти задачи породили ряд других задач, а потом, совершенно неожиданно, все это нашло применение в сфере, далекой от производства титана – например, в задачах вытеснения нефти из пластов. Мы и в этом приняли участие.

– А сейчас идут такие импульсы от предприятий?

– Практически некому стало выступать в роли заказчиков. К тому же браться за неинтересные задачи не хочется.

– Похоже, что сейчас для науки финансы «поют романсы»? Особенно во время экономического кризиса. Вы являетесь в ПГУ, ко всему прочему, руководителем грантов РФФИ, Международного научного фонда, международных проектов по программам европейских комиссий. «Детям капитала гранта» это помогает двигать науку?

– Несколько месяцев назад я ездил на сессию РФФИ – Российского фонда фундаментальных исследований. И вот нам сообщают, что в связи с кризисом правительством России принято решение в полтора раза... увеличить финансирование РФФИ, а соответственно, и помощь российским исследователям. Но далеко не каждый ученый может ее получить. Причем я считаю, что это единственная организация в стране, где особенно внимательно и принципиально относятся к выделению грантов. Я все же настроен оптимистично в отношении будущего нашей науки. Она способна и накормить людей, и обеспечить их энергетические, коммуникационные нужды. А это – залог успешного развития всей страны, цивилизации в целом. Но надо заметить, что и цена ошибок возрастает...

О коллайдере, нанотехнологиях и «полях», которые лечат...

– Вы как-то сказали, что без науки вряд ли были бы накормлены 6 миллиардов людей, населяющих планету, и что сейчас на острие прогресса стоит не физика, а биология. И все-таки роль науки для многих людей отнюдь не очевидна. За эти 35 лет я, например, реально ощутил падение общественного интереса к этой сфере. Он оживляется разве что сенсациями вроде «лечащих» торсионных полей, коллайдеров да нанотехнологий. Вы, кстати, как к этому всему относитесь?

– По-разному. Лечить полями, якобы образующимися при сверхбыстром вращении, – полная чушь, стоящая вне науки. (Сочувствую коллегам из комиссии по борьбе с лженаукой РАН – у них много неблагодарной работы. Тот, кто борется с шарлатанами и мракобесием, что только о себе не слышит...)

Нанотехнологии существуют. Но вокруг них, по моему мнению, раздут огромный мыльный пузырь. На самом деле они занимают в науке весьма скромное место. Но ряд исследователей у нас и на Западе воспринимают их и поднятую вокруг шумиху как средство добывания от государства денег, не исключая – и на другие цели. Кто сможет объяснить, что такое «нанолекарства»?

Те, кто утверждают, что занимаются сейчас «нанонаукой», занимаются на деле тем же самым, чем занимались последние 10, 20 и 30 лет. Может, использование модного словечка и идет организаторам-ученым на пользу, но в моральном аспекте мне это представляется не очень чистым. Во всяком случае, когда кто-то из моих молодых коллег пишет в работе что-то о нанотехнологиях, я эти строки обычно вымарываю...

– А пресловутый коллайдер, вокруг которого столько споров, что в пору букмекерам ставки принимать, – заработает он или нет?

– Жаль, что авария выбила установку на долгие месяцы. Это настоящая наука. И коллайдер еще принесет много полезного в развитии знаний. Думаю, что шум вокруг него спровоцировали сами участники проекта с целью заставить раскошелиться европейское сообщество. А затем ситуацией воспользовались противники науки, которые считают, что подобные эксперименты опасны и вовсе не нужны.

А вы знаете, что в СССР, в последние годы его существования, в Протвино был построен наш отечественный коллайдер?

Уже завезли оборудование, оставалось совсем немного до пуска, и только крах государства остановил этот грандиозный и очень важный научный проект. До сих пор на охрану двадцатикилометрового тоннеля расходуется 20 млн рублей в год, хотя ясно, что проект уже никогда не будет реанимирован.

Больше науки!

– Дмитрий Викторович, многие ваши работы широко обсуждались на международном уровне и имели неожиданное порой продолжение в трудах и экспериментах других исследователей. Вот что пишет в университетском журнале ваш коллега А. А. Черепанов, отмечая вашу уникальную интуицию: «Господи, чем он только не занимался: магнитной гидродинамикой, неньютоновыми средами, ферросуспензиями, длинноволновой неустойчивостью, солитонами...» Или: «В продолжение работ по хаосу он со своим учеником М. Заксом “хаотизировал” чуть ли не все на свете и заодно описал новые универсальные сценарии перехода к турбулентности... И везде результаты его расчетов были неординарными». Затем вы занялись исследованием поведения жидкостей под влиянием вибраций, что привело к созданию новой теории. Словом, широту диапазона ваших научных интересов отмечают многие. Чем это продиктовано?

– Очевидно, тем, что мне было интересно в данный момент...

– Вам по-прежнему хватает для творчества «карандаша и бумаги»? И вообще, как с высоты прожитых лет вы оцениваете свой жизненный выбор, став физиком-теоретиком?

– Думаю, что сегодня мало осталось физиков-теоретиков, которые обходятся бумагой и карандашом. Нужны мощные компьютеры и они, слава богу, у нас есть. Причем вооружены мы в университете сейчас не хуже, чем коллеги на Западе. Если чего не хватает, есть Интернет, через который можно подключиться к нужному исследовательскому центру. А что касается выбора... Он был сделан в детстве и обошлось без разочарования.

– О вас ходят рассказы, что вы буквально оставляли на полке великолепные завершённые работы, не стремясь к их публикации. И что вас невозможно заставить написать статью, если вы утратили интерес к теме. А спустя годы другие ученые публикуют статьи, повторяющие то, что было давно «похоронено» вами. Что приносит вам удовлетворение и часто ли?

– Что считать «часто» или «редко»? Может, реже, чем хотелось бы, но бывает. Когда начинаешь заниматься новой задачей и вдруг понимаешь, что из этого может получиться. Это радостный момент. А когда твоя первоначальная догадка подтверждается, начинается, в общем-то, рутинная работа, где получение результата воспринимаешь довольно спокойно. А вот когда долго не можешь понять суть явления и все же приходишь к его осмыслению – это действительно минуты радости!

– В университете особо отмечают ваше умение находить учеников. Ваши питомцы успешно работают на кафедре, да и по всему миру. И вам неоднократно представлялась такая возможность. Как и уйти, к примеру, в академическую науку, где, наверное, смогли бы сделать в научном плане гораздо больше. А вы все эти годы преданы одному университету...

– В который, замечу, еще в 1916 году поступила моя бабушка. Это был первый набор студентов. Так что семейная традиция...

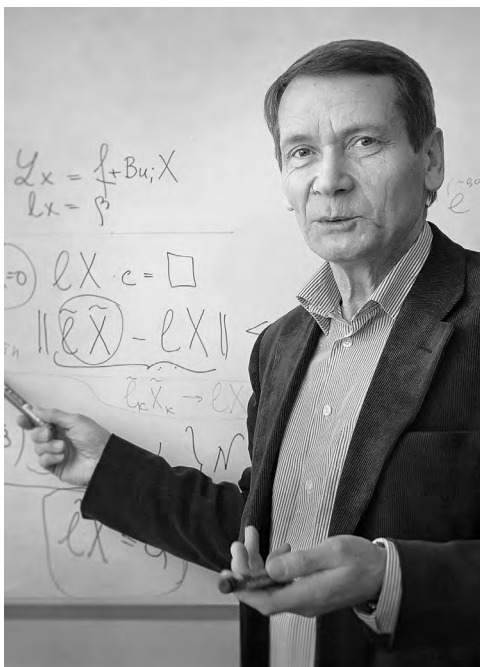
Когда появилась возможность ездить по миру, какое-то время я пытался для себя решить: надо ли мне что-то менять? И решил, что не надо.

Наверное, все просто – усиливается «паутинная» зависимость: оброс привязанностями, есть ученики, которых нельзя бросить на произвол судьбы. Собственно, главное, что меня всегда удерживало в университете – это молодежь, та аудитория, в которую я прихожу, очевидно, не только для трансляции определенных сведений об электродинамике, гидродинамике, механике сплошных сред, теории колебаний. Плюс еще ряд дисциплин, которые читаю. Думаю, есть отдача и от моей работы в Российско-Французской сети по подготовке аспирантов.

Каждый год на курсе появляются талантливые ребята. Порой – просто выдающиеся. Их не очень много, но они есть. К сожалению, общий уровень аудитории постепенно снижается. В чем несомненная вина реформаторов из министерства, которое, скорее, заслуживает название «министерства борьбы с наукой и образованием». Например, исключение физики из обязательной программы школы приводит к тому, что выпускники не записываются на экзамен по этому предмету и ставят тем самым перед собой барьер для поступления на физматы.

– Простите за, может быть, бестактный вопрос – в Бога верите?

– Как говорил Лаплас, я не нуждаюсь в помощи Бога, стремясь познать, как устроен мир...

Владимир Петрович Максимов родился 16 мая 1947 года.

Один из создателей теории доказательного вычислительного эксперимента с применением современной компьютерной технологии исследования важных прикладных задач.

С января 1990 года – профессор кафедры экономической кибернетики Пермского университета. Основное направление исследований – теория функционально-дифференциальных уравнений (ФДУ) и ее приложения. Активно развивает с учениками конструктивные методы исследования ФДУ, ориентированные на создание эффективных алгоритмов и комплексов программ для исследования широкого класса динамических моделей. Автор более чем ста научных работ, автор и соавтор шести монографий. Под его руководством выполнено и защищено десять кандидатских и три докторские диссертации. Является действительным членом Академии нелинейных наук. Член Американского математического общества.

ЗАДАЧА С НЕИЗ- ВЕСТНЫМИ

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

**Мир чисел
и проблемы
экономики
соединил
в своем научном
творчестве
пермский
математик –
профессор
ВЛАДИМИР
МАКСИМОВ**

Островок свободы

В небольшом домике, расположившемся в сосновом бору за Камой, в уютной квартире известного русского математика Николая Викторовича Азбелева, где он жил со своей женой, тоже известным математиком Линой Фазыловной Рахматуллиной, наш разговор как-то «зацепился» за проблему преемственности в рамках научных школ. Шли уже «нулевые» годы нового века. Профессор неважно себя чувствовал, но продолжал упорно трудиться, сетуя разве что на недооцененность проблемы воспитания математиков высокой квалификации в пермских вузах.

И вдруг он с горечью сказал:

«А вы знаете, "школы Азбелева" уже, к сожалению, нет... Мои надежды на Максимова. Это очень талантливый человек!..»

Да, судьбе угодно было распорядиться так, что тридцать лет назад в наш город пригласили на работу выдающегося ученого, создателя современной теории функционально-дифференциальных уравнений Николая Викторовича Азбелева. Он создал в Перми семинар, объединивший в основном молодежь математических кафедр местных вузов. По пятницам собирался Большой Семинар, по средам – Аспирантский. Несмотря на жесткие требования, предъявляемые руководителем к докладчикам, эти четыре комнатки в студенческом общежитии политеха стали для целого ряда молодых ученых «островком свободы», стартовой площадкой целенаправленного научного поиска. Уровень дискуссий был таков, что Пермь стала местом создания уникального исследовательского центра функционально-дифференциальных уравнений.

(К сожалению, математика плохо поддается популяризации. Формулы нельзя упростить до обыденного понимания. В беседах с профессором Азбелевым в общем-то и журналисту становилось понятно, как с развитием естествознания и техники в математике рождались идеи представить движение и изменение в форме переменных величин и функциональной зависимости между ними. Это повлекло за собой создание дифференциального и интегрального исчисления. У этого процесса – огромная история. Для нас важно то, что логика развития учения об уравнениях привела в Перми в конце 80-х к рождению целой научной школы, раздвинувшей горизонты математики.)

В атмосфере свободного поиска, насыщенного передовыми математическими идеями, ежегодно участники Семинара становились кандидатами и докторами наук, иной год по шесть человек защищали диссертации. Среди молодых талантов были и его давние ученики, в том числе Володя Максимов.

Они встретились в Ижевске, где в обычной школе Николай Викторович организовал первые в Удмуртии математические классы. «Продвинутое» математическое образование было в те годы для школ достаточной редкостью: питомцев Азбелева даже поддразнивали сверстники: «Ишь, одаренные пошли...»

Володя, узнав о создании такого класса, перевелся туда из другой школы. И на это надо было решиться восьмикласснику. Предстоял серьезный отбор, но он решил испытать себя.

Так началась для него будущая профессия – с восьмого по одиннадцатый класс по шесть часов математики каждый день. Отец поддержал сына в его увлечении, напомнив девиз: «Люби жизнь, науку и труд!»

В ижевском техническом вузе он понял, что их приготавливают к стезе инженеров. Но идея Николая Викторовича о подготовке «чистых» математиков была уже близка студенту технического вуза. И когда на втором курсе он остался без наставника, переехавшего в Тамбов, «встать на ноги» помогали единомышленники Азбелева.

«Чем дальше, тем больше мне не хватает его, – признался мне недавно Владимир Петрович. – Так хочется обсудить с ним трудный для меня вопрос, проверить догадки и идеи...»

Едва успев закончить институт, Максимов начал преподавать здесь математику. «Бросили мальчонку в речонку», – шутит он, вспоминая то нелегкое время. Поток на вечернем отделении был более ста человек – и этой солидной аудитории, как минимум вдвое старше его, он читал аналитическую геометрию...

Однако Его величество Случай сработал четко: Максимова на месяц отправили на военные сборы. И лагерь оказался... под Тамбовом! Тройка воспитанников Азбелева взяла увольнение и появилась перед учителем.

Азбелев умел зажигать идеями и на лекциях, и в сердечной беседе о жизни. Максимов сказал, что выбор есть: можно идти в преподавание или в конструкторское бюро. Но Николай Викторович высказался вполне определенно: «Только в аспирантуру!»

Эта нечаянная встреча решительно изменила судьбу Максимова. После семестра преподавания он поехал в Тамбов на стажировку.

Полгода стажировки и три года аспирантуры стали рубежными в его жизни, окончательно определив профессиональный путь и направление исследований. У Владимира уже была семья в Ижевске. И вот почти фантастика: ректор (конечно, с подачи Азбелева) выделяет аспиранту квартиру в Тамбове.

«Без семьи я не то что три года, трех недель не выдержал бы», – улыбается Владимир Петрович, вспоминая те времена.

Так в Тамбове он окончательно обрел своих научных руководителей – Николая Викторовича и Лину Фазыловну. Вечерние беседы с ними значили в становлении молодого ученого не меньше любых занятий и книг. Этот удивительный союз двух замеча-

тельных людей сыграл в жизни Максимова особую роль. И он был с Азбелевым до его последнего дня, до печальных проводов...

«Хорошо ест. Возьмем!..»

Ректор Пермского политеха Михаил Николаевич Дедюкин заметил в Тамбове молодого кандидата наук. (Владимир только что защитился в Казанском университете.) Уговаривал ректор тогда профессора Азбелева переехать в Пермь. Дело было на банкете, и Николай Викторович кивнул на Максимова, увлеченного дегустацией накрытого стола:

– Возьмем молодежь?

Дедюкин присмотрелся:

– Знаете, как на Руси работника выбирали? Давали поесть и смотрели, как ест. Этого возьмем. Хорошо ест...

Ректор ставил им первоначальное условие – именно в интересах науки создать в институте кафедру математического анализа. Время шло, работа на кафедре спорилась, и она все больше становилась базовой для подготовки кадров.

Азбелев же был убежден, что для научного творчества голова должна быть свободной. И если есть талант преподавателя, то следует идти по этой стезе, полностью посвящая себя студентам. Но уж коль дала природа талант в поиске нового, учебная нагрузка может помешать ему развиваться...

На Семинаре особенно важным для Максимова оказалось то, что обсуждаемые здесь математические абстракции под путеводной звездой Николая Викторовича выявляли колоссальный потенциал для приложений. Математик имеет дело с материалом бесконечно сложным, неисчерпаемым по свойствам и связям, что дает возможность определенным образом структурировать окружающий нас мир.

Максимов нашел свою «веточку» на этом плодоносящем древе. Азбелев убедил его писать докторскую, и в 1985 году, через десять лет после утверждения в кандидатской степени, он стал доктором наук. Тема докторской – вопросы общей теории функционально-дифференциальных уравнений. И для автора было очевидно, что идеи эти могут быть использованы в приложениях.

Памятный 91-й год для него был ознаменован прежде всего тем, что в издательстве «Наука» вышла в свет их совместная с Азбелевым и Рахматуллиной книга «Введение в теорию функ-

циональных дифференциальных уравнений». Однако, несмотря на очевидную для авторов возможность использовать их труд в прикладных целях, коллеги не проявляли энтузиазма. Да и то сказать, сложнейшая область «чистой» математики выглядела для многих «шифровкой»: да, теория показала направление, но следующие шаги тоже надо было инициировать самим. Иллюзия, что это сделает кто-то другой, у Максимова постепенно исчезала.

Нас ждет революция...

Она практически неизбежна и уже начала свое шествие по России, отметившись пока наиболее успешно в Казани и Томске. (Несколько парадоксально, что появившиеся центры российских инноваций географически не совпадают с признанными нашими столицами – Москвой и Петербургом, где пока больше ведется дискуссий. Очевидно, в провинции легче реализовать проекты и программы создания инновационной продукции, конкурирующей с самыми передовыми мировыми образцами.)

«Если мы останемся лишь в сырьевом сегменте глобальной экономики, то Россию ждет неминуемый крах. Причем не в столь отдаленной перспективе...» – с тревогой отмечают многие ученые и политики, говоря о будущем нашей страны. Переход на инновационные рельсы развития можно смело приравнять к революционным преобразованиям – со всеми сопутствующими им трудностями, ибо это сопряжено отнюдь не только с решением технических и экономических проблем. Чтобы слезть с «нефтяной иглы», создать новые современные производства в сфере высоких технологий, потребуется революционная перестройка и всего российского хозяйства, и сознания людей.

В необычайно сложных условиях экономических и политических реформ последних двух десятилетий (когда и правовая база, и настрой только что народившегося бизнеса, ориентированного на «короткие» деньги, никак не способствовали новациям, основанным на фундаментальных достижениях науки) в городах и весях России шла кропотливая и не всегда заметная общественному «глазу» работа на будущее.

Многие ли в нашем крае знают, например, достаточно хорошо компанию «Прогноз»? Чтобы не делать ей рекламу (в которой она, похоже, не очень нуждается), ограничусь лишь констатацией факта, что руководимый доктором физико-математических наук,

профессором Дмитрием Андриановым коллектив приобрел сегодня весомый мировой научный авторитет в области разработки новых информационно-аналитических систем. Создана сеть филиалов компании в России и за рубежом, осуществляются программные решения для мониторинга, моделирования и прогнозирования развития экономики и производства. Здесь моделируют различные ситуации – от возникающих на отдельных производствах до целых отраслей и стран.

Вряд ли надо пояснять, с каким количеством «неизвестных» и «неопределенностей» приходится сталкиваться разработчикам, прежде чем предложить на основе глубокого анализа высокоинтеллектуальный продукт, позволяющий принимать важные, порой судьбоносные решения. И понятно, каким высоким по уровню, буквально прорывным, должен быть математический аппарат этих исследований.

– Отслеживание развития процессов во времени, динамики, скорости, с которой происходят изменения, ведет к выстраиванию цепочек сложных уравнений, – рассказывает профессор Максимов. – То, что происходит с системами, проходит с определенным запаздыванием, реакция на изменения не мгновенна. Меня заинтересовали уравнения с запаздыванием (с последствием). Есть стремление предложить решения, используя классические термины, опираясь на математический анализ. Хотя и считают многие коллеги, что объекты настолько сложны, что современной математике не потянуть эти задачи...

«Надо правильно ставить задачи, – был убежден его учитель Н. В. Азбелев, – и тогда можно опираться на классиков. Не гнаться за экзотикой, придумывать сверхоригинальные подходы и терминологию...»

Такой научный стиль, собственно, и укоренялся в пермском Семинаре и в творчестве самого Максимова.

Однажды на Семинар пришел совсем молодой человек. Он быстро втянулся в работу, вошел в когорту единомышленников. Аспиранта звали Дмитрий Андрианов. Он увлекался теорией управления, использованием приложений для социально-экономических систем, где стремился к разработке моделей, близких к реальности. Ему удалось «окунуть» в эти задачи участников Семинара. И свою кандидатскую он заканчивал уже под руководством профессора Азбелева, частично сняв этим проблему поиска областей применения разработанной уже теории.

– Сам Бог велел: наша теория должна работать. Это был принципиальнейший момент, – размышляет сегодня Максимов. – Андрианов подкрепил мою уверенность в эффективности применения теории ФД-уравнений в задачах управления экономическими процессами. Но я должен был пройти свою часть пути, которую никто, кроме меня, не стал бы преодолевать...

В «чистой» математике, ему казалось, было проще: вот модель, вот уравнение – можно попробовать сделать с ними то-то и то-то... В прикладной задаче надо чувствовать и понимать смысл процесса, конкретную цель и строить не абстрактную модель, а выводить формулы для нужд управления. Это должны были быть модели, построенные для конкретной экономической реальности!

Конструктор моделей

Если вспомнить время, когда они начинали делать шаги в этом направлении, то, право, исследователям можно только посочувствовать. Крутой излом экономической формации в России на фоне перманентного политического кризиса усложнял любую экономическую задачу до предела. Более того, далеко не все параметры можно было выявить и наблюдать.

ФДУ достаточно хорошо могут описывать явления и в механике, и в медицине, и даже в социальной сфере. Известны были и универсальные модели экономического роста. Но жизнь усложняла и постоянно вносила поправки в устоявшиеся представления, требуя оригинальных решений в нестандартных условиях реформ.

Создание моделей, подготовка необходимого инструментария были близки науке эконометрике, занимающейся описанием процессов и количественных связей в экономике. Но на новом уровне нельзя было просто пользоваться показателями из справочников. Надо было создавать КОНСТРУКТОР МОДЕЛЕЙ. И ставка делалась на составление собственной базы данных, использование мощных компьютеров.

Макроэкономика России – это даже для небольшой модели сотни и сотни переменных. Мы привыкли со школы к линейным уравнениям с двумя неизвестными. А если нужно решить систему из сотни уравнений динамики с сотнями неизвестных?! Без мощной компьютерной поддержки браться за такие задачи – дело без-

надежное. Дмитрий Андрианов давно понял, что необходим синтез добротной современной математической теории и информационно-компьютерной базы – тоже на самом современном уровне... Так возник и упрочился со временем его союз с математиком Владимиром Максимовым.

...Интересно, что студенты и аспиранты Владимира Петровича недавно (в учебных целях) моделировали процессы, приведшие к глобальному экономическому кризису. Осталось непроясненным до сих пор – к чему он может привести. Слишком много в этом явлении неопределенных факторов. Писатель Джек Лондон как-то заметил: «Нет Бога, кроме случая»...

– Зачем же тогда затрачиваются такие усилия на прогнозы?

– А зачем древние развивали физику и математику, шли от одной теории к другой? Все это не пропало зря, – говорит Максимов. – Идет развитие науки, и с ней расширяются наши представления о мире, о возможностях человека в его познании и управлении не только вещами, но и событиями. Вот и математическая экономика (назовем так) развивается. Она пока не дает гарантий в своих выводах и предложениях. Но было бы грубой ошибкой считать: если вы не дадите немедленной отдачи – вас нужно закрыть!

Это мы в России уже проходили...

Главное – досуг!

В свое время к переходу Максимова из «политеха» в классический университет в 90-м году Азбелев отнесся с пониманием. На него самого давил партком. «Что это за профессор, который не ведет занятия!» – возмущались партийцы.

– С годами я все больше убеждаюсь, что и тут Николай Викторович был прав, – говорит Максимов. – «Для математика главное – досуг» – в этой шутливой формуле есть глубокий смысл. Учебная нагрузка, конечно же, отбирает время и силы, необходимые для научного поиска. И в то же время отчетливо понимаю, что селекцию математиков-исследователей надо вести уже в студенческой аудитории. А еще лучше – в школе. Сейчас у меня ситуация, когда учебная нагрузка вновь растет. Читаю курсы эконометрики и теории оптимального управления применительно к экономическим системам. Нагрузка растет вместе с Болонским процессом, когда идет пересмотр методик, норма-

тивов. И не участвовать в этом я не могу. Очень важно не потерять в бакалаврах таланты, тех, кто сможет успешно идти в магистры, в науку.

Подготовка научных кадров – дорогое удовольствие, и она не может быть массовой. Хотя признано, что и в рутинной работе выпускник с фундаментальными знаниями будет отличным и очень полезным специалистом. Америка массово готовит исполнителей с достаточно узким по нашим представлениям спектром возможностей. Вот и российский министр образования А. Фурсенко заявляет, что нам, мол, не нужны специалисты – «камеры хранения» знаний.

То есть ставка делается на реализацию сиюминутных интересов: рынок требует, чтобы пришел в фирму выпускник и сразу начал давать полноценную отдачу. А потом, мол, еще будет время учиться на магистра...

Да никто не придет! Жизнь затягивает в омут проблем, и с возрастом все сильнее. Время юности, молодости – лучший период для освоения глубинных пластов знаний, поиска нового. Мне не нравится усиление прагматизма в высшей школе, особенно в близкой мне сфере – математике. Здесь требуется, как скрипачу, постоянный творческий тренинг, подпитка от высококлассных талантливых лидеров, генераторов идей. Таких, каким был для нас Николай Викторович Азбелев.

Да, я согласен с необходимостью формирования такой системы – «Образование через всю жизнь». И вижу примеры, когда вполне обеспеченные люди оставляют «теплое» место во имя науки. Вот у меня есть аспирант – зрелый человек, ушедший в исследовательскую работу с хорошей должностью в «Пермэнерго». Отлично знает предмет. Но мне, сознаюсь, бывает тревожно: достичь прежнего уровня оплаты труда ему будет в науке нелегко. Но он не теряет оптимизма, говорит: потерплю! А работу, мол, всегда можно найти...

Привет от Сороса

В жизни самого Владимира Петровича были весьма сложные житейские моменты. В начале 90-х семью настигли серьезные материальные трудности: заработок профессора не мог обеспечить даже скромные потребности семьи. Многие ученики Азбелева уехали – кто в США, кто в Израиль. И неплохо устроились...

– Видно, я сам такой ненормальный и дети мои – тоже, – с легкой иронией говорит Максимов. – Ну, спрашиваю, куда нам ехать? Зачем? Здесь столько интересной работы! В университете у меня появилась свобода делать то, чего не было в учебных программах. Работая на кафедре экономической кибернетики (сейчас она называется «информационных систем и математических методов в экономике»), я утвердился в понимании необходимости хотя бы факультативно читать курс «Теория оптимального управления». Причем так, чтобы он был понятен экономистам, а не только математикам. Мне обещали поддержку и декан, и завкафедрой – и я ее чувствую по сей день.

...«Прогноз» появился не вдруг и не сразу. Поначалу была небольшая проблемная лаборатория. Рождался автоматизированный комплекс под этим названием. Заказчиком разработок выступило Министерство экономического развития.

Но в начале 90-х Максимова приходилось работать буквально в пяти местах, чтобы прокормить семью. Даже в соседнюю Удмуртию ездил читать лекции в Ижевске. Не выдержало сердце – перенапряжение привело в кардиологию. И в эти трудные дни позвонил Азбелев:

«Поздравляю вас, в "Известиях" прочел, что вы – в числе соросовских лауреатов!»

Максимов тогда плохо представлял, что это означает. Прозвонил сосед по палате, мол, дадут 14 тысяч долларов. И тогда Владимир Петрович не знал еще, что это случилось по представлению Николая Викторовича Азбелева, который не забыл порекомендовать своего ученика.

– Это спасло тогда и меня, и семью в самые трудные годы, – говорит Владимир Петрович. – К тому же в этот грант входило обеспечение компьютером. Это был первый мой домашний компьютер, и мои дети давали мне первые уроки пользователя...

В «Прогнозе» тогда бывало и так, что сидели без зарплаты, но технику приобретали. И в этом тоже сказались прозорливость Андрианова. К тому же по представлению Азбелева грант тогда получил и «Прогноз». А потом они получали различные гранты практически ежегодно, что помогло вести исследования в трудные для страны и науки годы. Можно по-разному относиться к Соросу, но то, что помощь была реальной и помогла многим российским ученым – это неоспоримый факт.

– Мы никогда на него не работали, – говорит Максимов. – Нас не покупали, не требовали «родину продать». И я искренне благодарен Соросу за ту поддержку и помощь...

Зеленеет древо жизни...

Владимир Петрович как-то откровенно сказал мне, что трудно назвать «школой Максимова» немалое число подготовленных им высококлассных специалистов, работающих в заданном научном направлении.

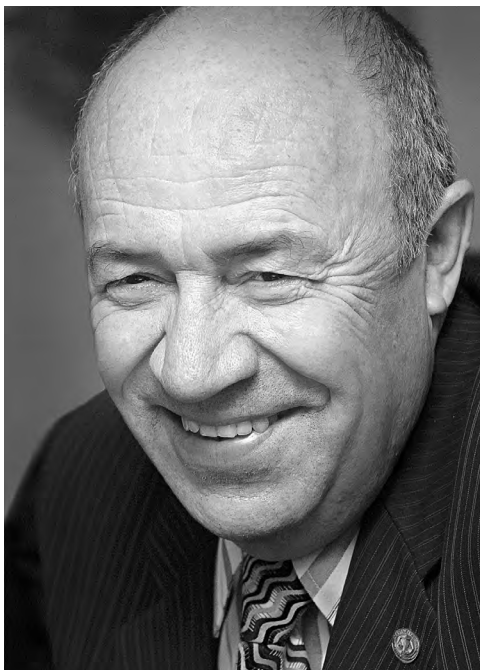
– Я давно определился в своем сознании, что не могу представлять отдельное направление в науке. Да, я участвую в создании информационно-аналитических систем в интересах экономического развития. Математическая составляющая, теория может, конечно, производить впечатление, будучи примененной в некоем инструменте, но...

Вот направление внутри ФДУ у меня есть. Оно заключается в развитии конструктивных методов и доказательного вычислительного эксперимента (ДВЭ), в сочетании возможностей ЭВМ и человека. Поиск доказательств сейчас ведется с помощью мощных компьютеров, без которых уже не обойтись в серьезных задачах. Но человеческая мысль, стремление к истине по-прежнему решают все!

Кстати, эту «веточку» – ДВЭ – очень поддерживал Н. В. Азбелев, и сейчас я понимаю, как важен был тот импульс, что шел от этого замечательного человека. Был рад прочесть о нем очерк в «Звезде» и в вашей книге «Такие близкие звезды»...

Да, знакомство и встречи с замечательными учеными-математиками Николаем Азбелевым и Владимиром Максимовым подарили мне классический сюжет взаимоотношений Учителя и Ученика, преданных науке и друг другу. Об этом можно многое еще рассказывать, как и о новом поколении учеников профессора Максимова...

«Мы встаем на плечи гигантов, чтобы видеть дальше» – в этой тоже вполне классической формуле – суть преемственности в процессе научного познания мира. И как это важно, чтобы такая эстафета продолжалась.

Валерий Павлович Реутов родился в 1939 году. Окончил Свердловский юридический институт и аспирантуру на кафедре теории государства и права. Доктор юридических наук, профессор. Заслуженный юрист Российской Федерации. Автор монографии «Функциональная природа системы права» и ряда других научных работ.

УСЛЫШЬ СВОЙ ЧАС

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

**Встреча
с правоведом –
профессором
ВАЛЕРИЕМ
РЕУТОВЫМ**

«Сесть?! Суд идет...»

Наш разговор с Валерием Павловичем Реутовым – ученым, занимающимся многими проблемами общей теории права, как-то сам собой начался с обсуждения одного из самых примечательных явлений нынешнего телевидения – расплодившихся по разным каналам судебных шоу. Простота декораций, наспех нанятые «актеры» из толпы, слепленные на «живую нитку» из текущей судебной хроники, – что может быть дешевле в производстве? И одновременно – какой успех у домохозяек!.. Что же делает такие телепередачи привлекательными для неприхотливой аудитории?

– Эти подделки обречены на успех уже только потому, что как бы отвечают действительным потребностям населения в пропаганде правовых знаний, – размышляет Валерий Павлович. – Ведь используемые в сценариях судебные коллизии так или иначе отражают насущные правовые и морально-этические проблемы. Другое дело, как это выглядит на экране: участники телепроцессов – и обвинение, и защита, и свидетели – нередко предстают просто в карикатурном виде. Зрители же получают искаженное представление о сущности, нормах и аспектах современного судопроизводства. А это вряд ли идет на пользу обществу.

Но дело не только в телепроектах, профанирующих идею правового воспитания. Сотрудники нашей кафедры, занимающиеся этими проблемами, фигурально выражаясь, голос сорвали и перья поломали, призывая к созданию нормальной, эффективной системы государственного юридического всеобуча. Даже в годы Советской власти, через то же общество «Знание», вечерние университеты, лекционную работу шло массовое вовлечение населения в целенаправленный образовательный процесс. Шла работа против юридической безграмотности и политической отсталости.

А посмотрите, что произошло: резко меняется политическая и экономическая жизнь, возникают неведомые раньше для большинства населения правовые отношения, претерпевает глобальные изменения само законодательство, а растерянных людей приглашают посидеть у... телеэкранов, где вместо обсуждения действительно насущных вопросов разыгрываются надуманные сюжеты. Это дезориентирует население и особенно вредно для молодежи, ибо к такому «суду» вряд ли будешь испытывать уважение. Меня вообще тревожит, что специалисты-правоведы не работают с молодежью – прежде всего, с учащимися общеобразовательных школ и других учебных заведений. Понятно, что по своей инициативе юристы туда не пойдут. Это болезненная проблема, и этим надо заниматься всерьез и профессионально.

Тем более, возникли новые явления в правовой сфере. Безусловно, возникла потребность в научных исследованиях, посвященных, например, анализу роли права в становлении и развитии рыночной экономики, экономической безопасности России, роли права в борьбе с коррупцией, организованной преступностью и так далее. Работа эта активно ведется, и я по мере сил и возможностей принимаю в ней участие. Меня с самого начала моей научной и преподавательской деятельности особенно интересовали исследования функций права, его структуры. И всегда – нравственные основы права, его роль в формировании общественных отношений...

Именно проблемы деления права на отрасли, взаимодействие отраслей с учетом выполняемых правом функций были предметом его исследования, за которое Реутову была присуждена ученая степень доктора юридических наук.

Свободен! Наконец-то свободен...

Думается, определяющим в выборе научного направления профессором Реутовым стал его собственный жизненный опыт. Поработав в молодые годы в прокуратуре и партийных органах, он в 90-е стал «свободным нотариусом». И шесть очень трудных и сложных лет посвятил этой неприметной, на первый взгляд, деятельности. Правда, уже совмещая ее с работой на университетской кафедре.

– Эти годы практической работы в нотариате стали неоценимым подспорьем в моей научной и преподавательской деятельности, – делится раздумьями профессор. – Одно дело – рассуждать абстрактно, другое – опираться на живую действительность, собственный опыт. Ведь в нотариате не существует узкой специализации: я должен был удостоверять массу различных договоров, совершать иные нотариальные действия. Широчайший спектр проблем, в которые надо было непосредственно вникать, живо ощущая работу, а нередко и трагедии обратившегося к тебе человека.

Тогда юридические вопросы недвижимости были, в сущности, целиком в ведении нотариусов. Я с интересом этим занимался. В стране после многолетней пропаганды коммунистических идей вдруг могучим чертополохом взошел «дикий капитализм». Вновь появилась частная собственность. И даже пусть это была лишь приватизированная «хрущевка» или огород в пять соток, но вокруг этих «метров», а тем более вокруг земельных участков, акций, фирм, наследственного имущества стали разгораться настоящие «гражданские войны».

Именно тогда нравственные аспекты права стали занимать меня и как исследователя. При разделе имущества, например, были очень сложные коллизии, показывавшие, что не только несовершенство законодательства приводит к трагическим порой ситуациям, но, прежде всего, нравственный потенциал законов, моральные качества людей, правовой нигилизм, стяжательство, стремление отнять что-то у ближнего...

Так случилось, что журналистская судьба свела меня в те годы с представителями Пермской нотариальной палаты. Тогда

в Прикамье формировался латинский или, как еще называли, свободный нотариат. Нотариусы, уже не будучи государственными чиновниками, действовали от имени государства. И это не было каким-то парадоксом, но требовало понимания. В условиях рынка нотариусы воспринимались частью населения как «жирные коты», тянущие деньги за любую закорючку. А нуворишами и бандитами – как лишняя помеха в проведении различных махинаций и преступлений. К сожалению, даже от законодателей были прямые нападки на свободный нотариат, вплоть до принятия Государственной Думой ряда решений, целью которых было устранить это звено из процесса заключения имущественных сделок.

– Например, – говорит Валерий Павлович, – я абсолютно негативно оцениваю введение так называемой «простой письменной формы» при заключении договоров купли-продажи недвижимости. Теперь уже не требовалось участия нотариуса, а значит – скрупулезной проверки документов, личностей, выяснения различных спорных обстоятельств при продаже, например, той же квартиры. И этим сполна воспользовались мошенники и преступники различных мастей.

Все, что я мог тогда сказать в защиту нотариальной формы удостоверения сделок, мной было сказано. В том числе и на научных конференциях. Было ясно, что законодатели просто не учитывали или не хотели учесть особую ситуацию, которая сложилась в России в переломные годы. Не брались в расчет и такие важные аспекты правосознания, как моральное состояние населения, психология новых приобретателей, криминализация значительной части общества, бизнеса и власти. Уверен, что многих преступлений и проблем, которые и сегодня продолжают портить людям жизнь (а порой и их наследникам), не было, если бы в исполнительной и законодательной ветвях власти проявлялось большее уважение к закону и правам граждан. А нотариат и стоит на охране этих прав.

Должен отметить, что подавляющее число нотариусов особо дорожат своим местом и репутацией и никогда бы не допустили удостоверения таких договоров, когда пожилые и одинокие люди оказываются выброшенными из своих квартир. Это редчайшие случаи, когда нотариусы входят в преступные сообщества и целенаправленно совершают противозаконные действия. К сожалению, по сей день законодатели стоят на точке зрения, что эта область должна находиться в сфере деятельности только регистрационных органов, риэлторов и других не всегда квалифицированных и не несущих ответственности лиц.

Почему нотариусы не идут на нарушения, понятно – они действуют от лица государства и несут полную, в том числе материальную, ответственность за последствия своих действий. Но, повторяю, законодатели так и не прислушались к разумным доводам. Случайно ли это? Или отражает определенные нравственные проблемы нашего общества и правосознания?..

С неба – на землю

Давно замечено: успеха в жизни чаще добиваются люди, умеющие понимать других и способные «слышать» время...

Ведь и научные интересы профессора Реутова не возникли спонтанно. Ему всегда нравилось заниматься политическими вопросами в их моральном преломлении. Участь в техникуме, живо интересовался общественными науками, историей, философией. После XX съезда был осужден сталинизм и необоснованные репрессии – общество жило надеждой и верой в справедливое переустройство жизни. И чуткие «антенны» молодых воспринимали это.

В юности Валерий решил посвятить себя юриспруденции, собирался поступать на юрфак. Но наступил призывной возраст, и ему предложили поступить в летное училище. Это была тоже заманчивая идея в духе времени – стать военным летчиком. Так он закончил Батайское летное военное училище под Ростовом...

Но тут грянул 1960 год: состоялось памятное многим сокращение Вооруженных сил СССР на 2 миллиона 200 тысяч военнослужащих. Все выпуски 60-го года были отправлены в запас.

Вот тут уж никакого сомнения, что делать дальше, не было. Младший лейтенант Реутов поступил в Свердловский юридический институт.

– Дело в том, что Лысьва, откуда я родом, как раз посередине между Пермью и Свердловском. Но там – вуз с практической направленностью, а я и не мечтал еще о научной деятельности, хотел стать практикующим юристом.

Дали общежитие, стипендию, на которую реально можно было прожить. Кроме меня у родителей еще четверо детей. Мать была учителем начальных классов, отец прошел всю войну от первого до последнего дня. Чудом остался жив, трудился до конца дней. Дотаций мне ждать было неоткуда, поэтому шел на подработку, разгружал вагоны, получал трудовой опыт и опыт общения с людьми, защищать интересы которых мне предстояло.

Была ли страна Советов правовым государством? Однозначно ответить на этот вопрос не могу по сей день. Вступил в партию коммунистов, потому что после XX съезда искренне надеялся, что положение будет меняться, перегибы будут устранены.

Мы воспитывались на положительных примерах и критически действительность трудно было оценить, особенно рядовому студенту. Но вот, никогда не противопоставляя адвокатуру прокуратуре (те и другие призваны бороться за соблюдение законности), скажу честно: никогда не хотел быть адвокатом. Может, потому, что понимал – в советское время адвокаты имели мало веса и, к сожалению, не играли определяющей роли в процессе...

Когда после окончания института он работал помощником прокурора по надзору за законностью на оборонных предприятиях в Перми, в рамках общего надзора приходилось и контролировать соблюдение трудового закона, и расследовать уголовные дела.

– Помнится взрыв на предприятии Кировского района при производстве сварочных работ: пострадало несколько человек, и вышестоящие товарищи «указали», чтобы мы непременно нашли виновных. Но когда я расследовал дело, убедился, что виновные как раз и пострадали. Дело прекратил и освободил специалистов от обвинений.

Такая школа осталась памятной на всю жизнь. Мне помогло это и потом в стремлении каждый раз найти правильное решение. Было дело: военнослужащий опоздал из отпуска. Тогда это было уголовное преступление. Когда я ознакомился с ситуацией (а судьей был «сам» В. Л. Глебов – уже в то время известный и уважаемый юрист), то пришел к убеждению, что солдат не виноват. Слишком важными и уважительными были причины его задержки.

Я отказался от обвинения. А в те 60-е годы это был смелый поступок. Прокурор написал протест на оправдательный приговор, но протест был снят с рассмотрения в Верховном суде...

Так я вплотную столкнулся на практике с нравственными аспектами правоприменения. Потом опубликовал несколько статей, где писал, что политика не может быть безнравственной, что мораль в законности нельзя сбрасывать со счетов и об этом говорили в прошлом многие русские мыслители и правоведы: Струве, Туган-Барановский, Соловьев...

Им было ясно, что без нравственности и гуманного к людям права буржуазный строй превращается в систему, извлекающую только выгоду: все только ради наживы! Мол, нравственно все, что служит получению доходов...

Бизнес, власть и политика в России связаны. Владимир Путин не раз говорил, что их надо развести. Но ведь до сих пор в законодательном плане мало что сделано, только говорим об этом.

Я нередко задумывался о том, что толкнуло или уберегло человека от скользкой дорожки? Если говорить о себе, мне абсолютно ясно: судьбу во многом определили мои родители – бедные, но добросовестные, законопослушные граждане.

А еще – любовь к чтению. Книги позвали в небо и научили жить на земле...

В страну сутяжников?

– Сейчас много где пытаются готовить юристов, – сетует профессор Реутов.

По его мнению, в деле подготовки правоведов создалась крайне неразумная и вредная ситуация. Россия еще не подошла к такому уровню развития, чтобы иметь юристов на душу населения, как в европейских странах. Что уж говорить об Америке – это страна сутяжников: там юристов выше нормы, что тоже не является позитивным. Да, появились учебники, пособия, документы, компьютеры и даже преподавателей можно при желании найти. Так в России стали зачастую готовить юристов ради... выкачивания денег у людей. Здесь столкнулись две тенденции: преувеличенное представление населения о якобы больших заработках и успешных карьерах юристов – с одной стороны, и желание обогатиться у ловкачей, имеющих хоть какое-то отношение к образованию, – с другой.

– Не хочу называть вузы, которые образовались буквально на пустом месте. Но их немало. Как они проходили аккредитацию, вообще непонятно! – возмущается Валерий Павлович. – Нашему факультету уже больше 90 лет, у нас высококвалифицированный преподавательский корпус, база, традиции – и то мы проходим аттестацию с серьезным напряжением.

Министерство не ведает, что творится? Что преподаватели вынуждены работать в нескольких местах? А ведь работая на фирму, нельзя полностью отдаваться преподавательской деятельности. Значит, качество обучения страдает.

У нас на кафедре с этим, слава Богу, как-то получше.

Я защитил кандидатскую диссертацию в 1968 году, после окончания аспирантуры. В университете оказалась свободная ставка старшего преподавателя. Так что уже 40 лет в университете. Прошел путь от старшего преподавателя до заместителя декана. Последние 19 лет заведую кафедрой теории и истории государства и права. Избирался секретарем парткома ПГУ и пробыл на этом посту десять лет. И эти годы отнюдь не считаю бесполезно потраченными: ведь многое удалось сделать для университета, для формирования человеческих связей и связи времен, что очень важно для учебного заведения с почти столетней историей.

Мне дороги коллеги, с которыми мне доводилось работать. Храню память о таких людях, как В. А. Похмелкин, А. В. Рыбин, профессор А. А. Ушаков – бывший завкафедрой, талантливый ученый. Это наши корифеи.

К сожалению, справедливо мнение, что нынешний преподавательский корпус немного сторонится студентов. И причины здесь разного плана. Например, то, что молодежь мало интересуется тем, что за рамками лекции. Преподаватели порой боятся, что их жизненный опыт не нужен студентам, так как он протекал в совершенно иных условиях и времени, которые не соотносятся с нынешней эпохой.

И ведь непросто объяснить, что их опыт может быть полезен нынешним молодым людям, студентам. По себе могу сказать, что трудно интерпретировать свои поступки, решения так, чтобы их мотивы были понятны молодежи: они многое воспринимают уже под другим углом зрения. Тем не менее стараюсь следовать не только учебным программам, но говорить с молодыми о событиях личных и проблемах государственных, как они мне видятся. Рекомендую им литературу, различные источники, чтобы у них свое мнение формировалось, а не навязанное прессой, далеко не всегда объективной и беспристрастной.

И очень важно, чтобы они рассматривали свою будущую профессию не как средство к достижению личных целей, а как истинное служение закону и праву в интересах простых людей.

«Опаздывают» ли вузы?..

Нередко приходится слышать, что при избытке дипломированных юристов трудно найти толкового специалиста, владеющего правовой тематикой на современном уровне. Охотнее берут крупные фирмы выпускников с иностранными дипломами.

– Получается, что потребности социума опережают возможности российских вузов в подготовке таких кадров, а это опасно для имиджа высшей школы?

– По-моему, эта опасность преувеличена. Мы отстаем от западных вузов, пожалуй, только в методиках получения знаний. За рубежом больше интерактивных методов, новых технологий – в этом мы отстаем по экономическим, материальным причинам. Безусловно, нам надо идти вперед, овладевать этими методиками.

А что касается содержательной стороны, то в этом как раз наше образование, которое базируется на принципах континентального права старых немецкой и французской школ, дает фундаментальную основу, теоретическую базу для практической деятельности. Законы будут меняться неизбежно, их число постоянно растет, и ведь юрист не тот, кто выучит большее число законов, а кто видит юридические конструкции, на базе которых они созданы. А мы даем основательную теоретическую подготовку, и если выпускники будут заниматься и развиваться сами, то всегда будут на острие проблематики. Тем более, что в российских реалиях наши выпускники ориентируются лучше получивших образование за рубежом. Впрочем, есть направления в юриспруденции, где действительно необходимы знания права конкретных зарубежных стран. И мы даем такие знания.

Университет наш ценен возможностью широкого общения. Например, я с политологами постоянно общаюсь: что-то узнаю для себя важное, что-то критикую. Связан и с кафедрой философии, с преподавателями, которые читают философию у нас. Бывает, что обсуждаем политические вопросы, чтобы лучше понять различные аспекты проблем. Я давно знаком и общаюсь с профессорами и филологического факультета, и геологического, и физического. Это счастье, когда имеешь возможность знакомиться с самыми свежими идеями.

Бывает, некоторые студенты с других факультетов просят присутствовать на лекции. Но в основной массе студенты сейчас стали очень прагматичные – лишь бы сдать обязательные предметы. А ведь университет дает огромные возможности расширить свой кругозор...

Не согласен с правительством в вопросе якобы особой коррумпированности вузов. За всех не могу говорить, может, это остро касается Москвы, не знаю...

Есть скорее единичные примеры, чем некая закономерность. У нас на факультете я могу ручаться за преподавателей, что они

не берут взятки. Много лет у нас действовал жесткий принцип: те, кто занимались репетиторством, в приеме абитуриентов не участвовали. Наш декан вел здесь очень жесткую политику. Я был долго председателем приемной комиссии и знаю, о чем говорю...

Да, жестко ограничено число бюджетных мест. ЕГЭ должен быть подкреплен системой отбора абитуриентов. Официально мы принимали победителей олимпиад, и часто это были не пермские выпускники, а школьники из районов, чему мы всегда были рады.

Еще в царские и советские времена в высшей школе соблюдался процент студентов – выходцев из сельских и рядовых рабочих семей. Люди талантливые рождаются во всех слоях общества. Но, увы, стартовые возможности у всех разные. И ЕГЭ – не панацея для преодоления несправедливости. Да, сейчас половина студентов учатся по внебюджету, а там суммы такие, что рядовому гражданину вообще не проникнуть туда, где учатся дети бизнесменов. Это вопросы большой государственной политики. Формально дорога всем открыта, а на практике равные условия далеко не могут быть обеспечены. Впрочем, если попадают те из «богатеньких», кто не относится к числу способных и добросовестных, то мы их отчисляем. И такие случаи были даже с наследниками высших слоев пермской элиты...

Тесты к месту

– Традиционный вопрос к профессуре об отношении к Болонскому процессу и тестовым испытаниям...

– У нас с Сергеем Михайловым, деканом нашего факультета, есть несколько опубликованных статей критического содержания о том, что не надо было торопиться и подписывать эти соглашения. Болонский процесс позволяет действительно много полезного перенять, но он вовсе не диктует то, что нынешние руководители образования нам навязывают силой. Ведь двухуровневое образование в юриспруденции существует в немногих странах, и конкретно даже там, где оно принято, университеты вправе отказаться от двухуровневого юридического образования и так же, как и в медицине, готовить только специалистов. Так, к примеру, происходит в Германии и Франции...

У нас же сказали: все! Больше специалистов юриспруденции не будет – только на уровне бакалавра. А правоохранительные органы говорят, что им бакалавров не надо! И до сих пор законодательно эта проблема не решена. Изменения в закон не внесены:

стране требуются специалисты, а нам выпускать их просто запретили.

– Почему?

– Могу только догадываться, что таким образом хотят сократить финансирование, ведь переход на бакалавриат уменьшает срок обучения, нагрузку и штат преподавателей, в целом сокращает расходы на образование. Это подозрение подкрепляется тем обстоятельством, что государство что-то не торопится принять реальные меры по реализации другой обязательной составляющей Болонского процесса – обеспечению свободного перемещения студентов и преподавателей между странами, подписавшими соглашения. Трудно представить, чтобы кто-то из Европы приехал к нам читать лекции за нашу зарплату...

Мы стремимся бежать впереди паровоза и ставим под удар все наше образование. И угроза до сих пор не отпала. Повторю, в Болонском процессе есть немало важного, полезного, интересного, но и отказываться от того, что у нас сформировалось веками, отказываться от традиций – нельзя. Сокращая срок образования, исключая дисциплины, мы наносим ущерб качеству подготовки.

А что касается тестовых методов, я использую их как методы контроля, не более того. Ведь никакие тесты не в состоянии действительно объективно оценить уровень мышления, и их применение тоже требует осторожности. Нельзя, изучая юриспруденцию, только тестами проверять усвоение.

На последней международной конференции, что проходила в ПГУ по этой теме, я выступил с сообщением о возможностях использования тестовых методов в юриспруденции. Идея была в том, что не надо отказываться от них: тесты могут быть полезны в качестве промежуточного контроля по дисциплинам кафедры теории государства и права и другим смежным наукам. Уже два года студенты первого курса перед экзаменом проходят через центр дистанционного обучения, проходят тестирование по теории государства и права. Потом эти оценки я использую на экзамене и по окончании года.

Разные варианты есть. Мы ими занимаемся. Может быть, пока еще очень робко. На кафедре уже такие попытки есть, как проведение занятий в режиме конференции, более активное использование слайдов, схем, другого наглядного материала – ведь аудитории и лаборатории сейчас оборудованы необходимой техникой. Главное – увлечь студентов будущей профессией, чтобы они чувствовали время, в котором живут, и умели откликаться на его вызовы...

Рита Соломоновна Спивак родилась в Орле 4 апреля 1937 года. В 1959 году окончила историко-филологический факультет ПГУ. Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы. Занимается изучением теории и истории философских жанров художественной литературы, поэтикой русской литературы начала XX века, творческим наследием И. А. Бунина, национальными типажам в русской литературе.

Основала научное направление по исследованию типологии философских жанров.

Награждена Знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». Лауреат премии Пермского края в области науки (2006 г.).

ЧЕЛОВЕК СЛОВА

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

**Профессор-филолог
РИТА
СОЛОМОНОВНА
СПИВАК
создала новую
теорию
в литературоведении**

Несколько лет назад в лондонском метро сменили таблички на дверях: вместо «Выхода нет» появились надписи «Выход рядом». И статистика отметила снижение числа самоубийств в столице... Это пример из многих подобных, свидетельствующих о силе воздействия слова на людей. С помощью слов мы структурируем окружающую нас реальность, создаем картину мира. Есть люди, занимающиеся этим профессионально, – поэты, писатели, философы. И есть специалисты, пытающиеся разгадать тайны речи, прежде всего – литературного языка как вершины творческого процесса.

Риту Соломонову Спивак по праву можно отнести к замечательному поколению филологов Пермского университета, чье формирование шло в 60-е годы прошлого века. Она из тех «шестидесятников», которые на волне хрущевской «оттепели» формировали новые принципы литературоведения, возвращали в русскую культуру забытые имена, находили новые подходы в исследовании творчества классиков и ярких представителей советской литературы. Они закладывали в сознание студентов фундамент личностного достоинства, уважение к свободе слова.

Мы встретились с Ритой Соломоновой в ее небольшой квартире, тесной от книг, рукописей, ждущих ее проверки студенческих работ. Компьютер, телевизор, приемничек для слушания «Эха Москвы». На пианино – сувениры из разных стран. На стенах – картины мужа (в том числе большой портрет хозяйки в его исполнении: сразу видно – портрет любимой женщины). Есть и одна старая картина, вероятно, подражателей голландцам, индийская тарелочка с Тадж-Махалом, две хорошие репродукции: Микеланджело – Моисей и Эль Греко – Мария. На видном месте большая фотография умершего мужа, самого близкого ей человека.

Маленькая квартирка вмещает большой мир всечеловеческой культуры. Сразу понятно, почему хозяйка любит Бунина:

*А мир везде исполнен красоты:
Мне все теперь в нем дорого и близко,
И блеск морей за синими горами,
И северные скудные поля...*

– Рита Соломоновна, круг ваших научных интересов достаточно широк, вы поднимаете в своих трудах не одну научную проблему. Какая из них, по вашему мнению, имеет наиболее острое общественное звучание?

– Наверное, проблема национального характера, национального менталитета страны. Она занимает достаточно большое место в моих работах 80–90-х годов. Категорию «русское», русский национальный характер я анализирую в трактовке Пушкина, Бунина, Блока, Горького. Наиболее тонкие наблюдения и глубокие размышления в русле этой темы, на мой взгляд, принадлежат Бунину – космополиту, чувствующему себя гражданином всей Земли, то есть органическим интернационалистом, и одновременно – таким же глубоким, органическим патриотом России. И что, в моем понимании, очень важно, – патриотом

в высоком значении этого слова, как его понимали русские реалисты XIX века: они считали, что истинная любовь к своему народу и Родине проявляется не только в «ура!» по всякому стоящему и нестоящему поводу, а и в трезвом, правдивом осмыслении негативных сторон национальной жизни – в суровом, как писал Некрасов, «слове отрицанья».

С большим интересом я занималась и изображением в русской литературе нерусских персонажей – чеченцев, евреев, немцев, поляков – в лирике Пушкина, Лермонтова, прозе Гоголя, Л. Толстого, Достоевского, Лескова, Тургенева и в произведениях писателей, в этом плане вообще обойденных вниманием исследователей. Я имею в виду очерки Г. Успенского и Ф. Решетникова, произведения Мачтета, Гарина-Михайловского, Короленко.

– Проблема национального характера в литературе – сложный и неоднозначно воспринимаемый вопрос, актуальный в последние десятилетия для всего мира. Для России, особенно после распада СССР, проблема выработки национальной политики стала важной на разных уровнях и в разных аспектах. Мы много спорим, например, о процессе самоидентификации русского народа. А существует ли еще национальный характер в нашей жизни?

– Думаю, что он есть, хотя четко выделить его проявления в современных условиях бывает трудно. Существует он не на уровне отдельных национальных характеров, а на уровне отражения в характере человека каких-то общих тенденций национального менталитета. У одних он сильнее, у других он менее ярко выражен. Много зависит и от среды, в которой живет человек.

В этом вопросе на меня большое влияние оказал крупный теоретик, профессор Борис Осипович Корман, в последние годы жизни работавший в Ижевске.

Я считаю, что литераторы, преподаватели словесности, литературоведы в очень большой степени ответственны за воспитание молодого поколения. Сейчас в школе практически исчезли уроки литературы и не пишут сочинения, вместо них – какие-то куцые изложения с ориентацией на ЕГЭ. Не читают ребята книг, да и понятно: литература даже не вынесена в обязательные экзамены.

Учитель-словесник как раз и призван воспитывать молодых на литературе, на анализе ее образов, сюжетов и языка. А мы продолжаем это воспитание в университете.

Искусство не бывает вне морали. В нем всегда присутствует нравственная проблематика. И точно так же наша работа преподавателей в школе и университете наделена, наряду с функцией познавательной, функцией воспитательной. И к проблеме национального характера это имеет прямое отношение, потому что национальный вопрос и сегодня остается болезненным. И то, что у нас появились скинхэды, и даже просто фашисты, нацболы, которые придумали название своей партии по аналогии с нацистами Третьего рейха, – это все говорит о том, что молодежь не получает с образованием необходимых нравственных установок.

– Понятно, когда культуру отодвигают на второй план, на первый выходят национализм и насилие...

– Проблема национализма не может быть раз и навсегда решена, это ясно. Но ее снова и снова надо осмысливать и приводить умы в порядок. Почему я Кормана вспомнила? Потому что он, имея очень большое влияние на свою аудиторию как лектор, всегда разъяснял студентам – и мне это показалось очень важным – национальный характер существует, но не на уровне оценок «хорошо» и «плохо». Совсем не значит, что один характер лучше другого или что один характер «добрый», а другой «злой». Где начинается осмысление национального характера в оценочных категориях, там начинается фашизм. Разговор о национальном характере можно и интересно вести, но только вне оценок, вроде того, что этот национальный характер «гостеприимный», а те, мол, жадные...

– Нынешние тенденции в образовании, когда упор делается на прикладные, инженерные знания, может быть, с чисто прагматической точки зрения, и более полезны для развития экономики страны, чем гуманитарная сфера. Но в перспективе мы можем потерять что-то несравненно более важное для самого существования России. Что могут сделать здесь литература, литературоведение, и способны ли они влиять в современных условиях на формирование общества?

– Да, конечно. Этот вопрос связан с проблемой энергетики искусства. У Глеба Успенского есть рассказ «Выпрямила», где молодой разночинец, воспитанный в духе поклонения естественным наукам, не признает влияния искусства на человека и общество. Но вот он в Лувре увидел Венеру Милосскую, и почувствовал, что он нравственно меняется: красота, которую несет искусство, энергетически очищает человека, распрямляет и возвышает его.

– Нам говорят, что демократия тем и хороша, что дает человеку свободу выбора. Есть телевидение, радио. Интернет забит литературными «текстами» – каждый может опубликовать в этом пространстве свои «произведения». Полки магазинов ломаются от детективов в ярких обложках – кто-то выбирает их вместо классики. Как разобраться в хаосе всего, что предлагает сегодня рынок? И может ли помочь в этом литературная наука?

– Сейчас развивается не признаваемая, правда, большинством литературоведов и лингвистов, такая наука – синергетика. Она разрабатывает представления об энергетическом потенциале художественного произведения, его возникновении, методике его исчисления. Я думаю, что с определением величины энергетического потенциала художественного произведения связана не решенная до сих пор проблема художественности: как и чем измерить ее наличие или отсутствие, графоманское произведение перед нами или истинно художественное? Тургеневу, например, понравился Тютчев. А до Тургенева Тютчева не ценили как поэта, не видели в нем гения.

Объективных критериев художественности до сих пор не существует. А возможно, не будет существовать никогда. Но мне кажется: может быть, какой-то камешек в фундамент поиска этих критериев может заложить синергетика, потому что одним из критериев художественности, на мой взгляд, является наличие в произведении вот этой энергетики, интуитивно ощущаемой реципиентом. Но хорошо бы понять механизм возникновения и воздействия энергетики. Я предлагаю путь решения этой проблемы в двух статьях на материале ранней лирики Анны Ахматовой, опираясь на работы пермского лингвиста Н. Мышкиной. Мне помогли мои дипломники Аня Толкачева и Настя Шестакова.

– И все же, как я понимаю, главной темой вы считаете не национальный характер и не энергетику произведения, а философские жанры в литературе. Это тема вашей монографии, изданной в Красноярске в 1985 году, и самого капитального вашего научного детища, книги в 400 страниц, вышедшей в свет в уважаемом московском издательстве дважды (2003 и 2005 гг.), а также большого количества статей по типологии, структуре и истории философских жанров. Прежде всего, в русской художественной литературе.

– Название последней книги стало темой вашей докторской диссертации, защищенной в 1992 году, – «Русская философская лирика. 1910-е гг. И. Бунин, А. Блок, В. Маяковский». Каково содержание введенного вами в науку о литературе понятия «философский метажанр»?

– Для меня это попытка проникнуть в суть трансисторического явления в мировой литературе. Философский метажанр – это общая инвариантная структура разных исторически конкретных философских жанров. В философской лирике, романе, поэме, драме, которые мы называем философскими, есть не только проблематика, которую мы имеем основания соотносить с какой-то философской доктриной, но во всех этих разножанровых произведениях присутствует некая общая структура.

Наличие ее в произведении указывает на наличие в нем философского плана. И его следует найти, понять и раскрыть.

Философскому метажанру присуща особая авторская интонация, повышенная обобщенность художественных образов, субстанциональное содержание сюжетобразующих оппозиций, универсальный характер художественного времени и пространства, особые субъектные формы выражения авторской позиции. И сам сюжет развивается по особой логике – логике дефиниций, исследовать которую очень интересно. Поняв типологически общую структуру философских жанров, я смогла, как мне представляется, по-новому прочесть, например, лирику Бунина и дооктябрьского Маяковского, ряд произведений Л. Андреева, в определенном смысле – Чехова.

– Какое значение имеет ваша книга?

– Мне кажется, имеет и методическое, и научное. Я вообще считаю, что филологи должны учиться не по учебникам, а по научным трудам. По настоящим научным исследованиям. Я издала эту книгу в московском издательстве, которое занимается учебными пособиями, потому что у меня другой возможности опубликовать ее в Москве не было. А мне хотелось, чтобы она увидела свет. Книга соединяет теорию и конкретно-исторический анализ русской литературы Серебряного века. Я ее рассматриваю как научную монографию, написанную, в том числе, и для студентов.

В ней предпринята попытка системного осмысления философской лирики как особого художественного явления и создана новая методика анализа произведений философского метажанра. Мне хотелось пополнить инструментарий их анализа новыми

единицами измерения, уплотнить сетку координат, в системе которых мы совершаем описание и интерпретацию литературного процесса и его отдельных феноменов. Такой подход открывает новые возможности для познания диалектики общего и индивидуального, традиционного и новаторского, исторических и имманентных закономерностей литературного развития.

Надо сказать, что философская лирика сохраняет в изменяющихся социально-исторических условиях «память жанра», неизменно отражая действительность как момент вечности, через призму народного и общечеловеческого опыта, эволюционируя в каждой новой исторической ситуации, в системе каждого исторически конкретного метода.

– Вы пермячка?

– Да, я считаю Пермь своей малой родиной. В 1941 году мы с мамой эвакуировались в Пермь, когда немцы были у Орла. Мы уехали с большим трудом, в индивидуальном порядке, к папиным родным. Если бы мама не добилась билета, мы, конечно, не остались бы в живых. Организованная эвакуация охватывала только работающих на фабриках и заводах и членов их семей. Мой отец был осужден как враг народа по 58-й статье, мама работала машинисткой, так что государству мы были не нужны.

Мы ехали в товарном поезде, я заболела скарлатиной. В то время это была очень опасная болезнь, особенно для детей. С нами, практически как единственно родной человек, член нашей семьи, бежала из Орла моя няня. В Горьком нас из поезда высадили, меня с температурой за 40 госпитализировали. Мама страшно боялась отдать меня: была известна большая детская смертность в инфекционном отделении. Но ни маме, ни няне негде и не на что было не только жить в абсолютно чужом городе, но даже переночевать – не то что лечить меня в частном порядке. Больница спасла меня. А маму с няней – совершенно незнакомая горьковчанка, товарищ по несчастью: ее ребенок лежал там же. Она предложила им на все 40 дней – период моей болезни – ночлег в ее единственной комнате, которую она занимала с мужем.

– Вам нравится исследовательская работа?

– Да, очень. Для меня – самая увлекательная, требующая большого напряжения мысли и воображения. Она приносит глубокое удовлетворение от создания новой концепции авторской позиции, обнаружения не замеченных раньше закономерностей ли-

тературного процесса. Я люблю научные конференции, этот особый тип общения и повышения своего профессионального уровня. Меня они заряжают новым притоком энергии для работы и жизни. Наверно, если бы я снова родилась, я бы снова занялась тем же, только раньше начала бы читать серьезные книги. Образование, которое мы получили в Советском Союзе в мое время, имело много минусов: не было доступа к ценным научным и философским источникам, да и к эмигрантской литературе, плохо преподавали иностранные языки, не было живого общения с научными работниками Запада и США.

Преподавательскую работу я тоже люблю – со студентами в вузе, школьниками. Одно время я читала много спецкурсов в гуманитарных классах школ и гимназиях. Люблю видеть в аудитории, как загораются глаза слушателей, меняется выражение лиц. Люблю готовить будущих исследователей. Пять лет я руководила созданным мной межкурсовым спецсеминаром на филологическом факультете. Его участниками были студенты-филологи разных курсов. С некоторыми из них я работала еще в старших классах гимназии. Младшекурсники равнялись на старших, и все вместе, и я с ними, росли, ломали голову над сложными вопросами, радовались успехам, вместе с лучшими ездили на конференции. Пятеро из моего семинара сегодня кандидаты филологических наук, еще двое готовятся к защите. Мы каждый год встречаемся у меня дома. Некоторые приходят уже с мужьями и с фотографиями детей. После смерти мужа я была тяжело больна. В моем выздоровлении есть большая их заслуга.

– Когда вы почувствовали себя филологом и кто сыграл в вашем профессиональном становлении значительную роль?

– Мне в жизни вообще везло на интересных, духовно и душевно богатых людей и всегда было у кого многому научиться. Но я, отвечая на ваш вопрос, выделю нескольких человек. Это прежде всего пермские мои учителя и коллеги. Я училась семь лет в ничем не примечательной семилетней школе, но в пятом классе в школу откуда-то приехала Софья Васильевна Богословская – «учительница от Бога», как говорят. Она вела русский язык и литературу и учила нас правильно поклониться, когда здороваемся, пользоваться вилок и ножом при еде – это в первые послевоенные годы!..

Она нас любила, и мы впервые стали заниматься с увлечением, по крайней мере, я. Она задержалась в нашей школе только

один год, но думаю, что прежде всего благодаря Софье Васильевне началось мое самоопределение. Я, конечно, тогда ни о чем таком не думала, но именно в пятом классе на одном из родительских собраний, которые до нее были простой формальностью, она, к моему изумлению, сказала ей, что я будущий филолог. В те трудные годы в моей семье этого слова, по-моему, даже никто не знал.

Старшие классы я заканчивала в прекрасной школе № 7, где мое филологическое будущее определилось уже как сознательный выбор благодаря обожаемой нами Тамаре Абрамовне Рубинштейн, одной из лучших среди учителей-словесников города. Она показала нам, что занятия литературой – творческий труд, научила разделять жизнь героев прочитанных книг. Это начальное, школьное литературоведение приблизило меня к пониманию, что такое призвание, подарило мне близких по интересам друзей на всю жизнь – Альбину Константиновну Боярченко и Нину Евгеньевну Васильеву, бывших моих одноклассниц. Вместе мы поступили на филфак Пермского университета.

И снова судьба пошла мне навстречу: на третьем курсе из Москвы на факультет приехала его будущая легенда Римма Васильевна Комина. Я утвердилась в том, что хочу и могу сделать литературоведение делом моей жизни. Моя дипломная работа под ее руководством была уже самостоятельным научным исследованием новаторства Л. Толстого в области психологического анализа. Я погрузилась в старые литературные журналы XIX века, чудом сохранившиеся в Горьковской библиотеке, сопоставляла малоизвестные отзывы современников Л. Толстого, изучала разные редакции первых повестей писателя. Римма Васильевна принесла с собой на факультет московское дыхание настоящей, столичной, научной жизни. Она впервые в истории факультета организовала фольклорные экспедиции, послала меня, кажется, первую в истории факультета, на научный семинар студентов МГУ. Ей я обязана тем, что меня, вопреки существовавшей процентной норме, взяли на работу в университет, а позже дали направление в целевую аспирантуру МГУ, о чем я страстно мечтала.

Римме Васильевне я обязана и моими политическими взглядами – категорическим неприятием тоталитарного режима советской власти, приоритетом демократических ценностей над всеми иными, пониманием значения личности как таковой.

Многим, как литературовед, я обязана моей многолетней дружбе с профессором ПГУ Натальей Самойловной Лейтес, доцен-

том ПГПИ Израилем Абрамовичем Смириним, Идеей Васильевной Дроздецкой, профессором Удмуртского университета (в значительной степени также моим уважаемым учителем) – Борисом Осиповичем Корманом.

Но... как писал гениальный Пушкин, «одних уж нет, а те далече». Все мои работы 70–80-х годов рождались и завершались в обстановке наших разговоров, обсуждения, критики и поддержки друг друга. Как мне сегодня всех их не хватает!

И, наконец, моими профессиональными успехами я, конечно, в большой степени обязана моей маме Анне Рувимовне Литвиной и моему мужу Анатолию Николаевичу Балашову. Оба они не были филологами. Но мама, живи она в другое время, без сомнения, была бы им: она окончила гимназию, много читала, обладала особым чувством слова. В годы войны мне, ребенку, она читала при свечке Киплинга, Пушкина, Андерсена. А мой муж, кандидат физических наук и инженер, в 90-е годы был неизменно первым читателем всего мной написанного, вдохновителем и судьей. Никогда мне, ни до него, ни после его ухода из жизни, так много, успешно и радостно не работалось.

Ученые бывают по направленности своих интересов двух видов: те, кто отдал себя изучению одной проблемы и одного объекта, и ученые «полигамного» типа с более широким спектром разных научных увлечений. Как мы когда-то в детстве учили, «мамы всякие нужны, мамы всякие важны». Рита Соломоновна Спивак относится к ученым второго вида. Может быть, такой тип ученого отчасти формируется педагогической деятельностью.

Она начала печататься в 1963 году и сегодня – автор более ста научных публикаций, в том числе пяти книг. Ее исследования 60-х годов лежат в области истории русской литературы XIX века. Они посвящены психологизму Толстого и Достоевского, лирике Тютчева и Фета. В следующие десятилетия ее научные интересы сместились в сторону истории литературы серебряного века и теории литературного процесса, в частности типологии жанров. Ее внимание охватывает творчество Бунина, Блока, раннего Маяковского, Горького, Сологуба, Пастернака, И. Анненского, Л. Андреева, Чехова. Расширение тематического диапазона связано с возникновением интереса к новым проблемам: проблеме национального характера, энергетического потенциала художественного слова, особенностям структуры философского метажабра... Вопросы, интересующие ее как литературоведа, на-

капливаются, дополняют друг друга. В последнее время Риту Соломоновну интересует своеобразие русского художественного экзистенциализма, или, как она сама говорит, «формула русского экзистенциализма». И когда ее спрашивают, какой смысл вкладывается в это выражение, она отвечает так же горячо, как говорила о своем любимом философском метажанре, и с некоторой долей гордости.

– Исследование философско-эстетических взглядов, сквозных мотивов, общего пафоса и оппозиций в творчестве целого ряда русских писателей и поэтов первой трети XX столетия выявляет в русском литературном процессе начала века содержательную художественную общность произведений, предвосхищающих направление экзистенциализма в западноевропейской литературе 20–30-х годов. С европейским экзистенциализмом эти произведения русской литературы объединяет характер трагизма, формирующий определенную трагическую концепцию человека в мире, заявившую о себе еще до того, как в западной литературе сформировалось направление экзистенциализма. И русский художественный экзистенциализм, являясь частью национального художественного мироощущения, обладает своим национальным лицом. Оно определяется антиномичностью отношений человека с Богом: совмещением чувства безблагодатного существования оставленного Богом человека – со слабо теплящейся, но неистребимой надеждой на то, что Бог все же может присутствовать в мире и нести оправдание бытийного ужаса.

В разных вариантах я обнаружила эти тенденции в творчестве Л. Андреева, И. Анненского, позднего Чехова, лирике Б. Плавского, поздних произведениях И. Бунина. В последнее время о русском экзистенциализме появился ряд исследований, но это первые шаги в изучении вопроса. Нарисованная исследователями картина русского художественного экзистенциализма нуждается в ограничении своих рамок, коррекции. Этой цели и служат мои наблюдения над тем, что я назвала «формулой русского экзистенциализма».

– Есть ли у вас какие-то научные планы на будущее?

– Да, конечно, есть. Я вообще люблю планы. Это мой любимый «жанр». Но время заставило меня признать, что говорить о жизни разумнее в жанре отчета о свершившемся, а не в жанре планов. Так что поживем – посмотрим...

Михаил Григорьевич Суслов родился в 1940 году. Выпускник исторического факультета Пермского государственного университета, где прошел все ступени вузовской научной карьеры – от преподавателя до профессора и заведующего кафедрой. Доктор исторических наук.

Сфера научных интересов – революции и войны, национальный вопрос, проблемы политического прогнозирования. Автор 470 научных работ, в том числе нескольких монографий.

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Несколько
историй
из жизни
профессора –
историка
**МИХАИЛА
СУСЛОВА**

Уроки Ленина

22 апреля в нынешних календарях отмечено как **Международный день Земли**. Что под этим подразумевается и что следует делать гражданам по этому поводу, к сожалению, неизвестно. Раньше эта дата отмечалась как день рождения вождя мирового пролетариата В. И. Ленина. Что могло бы послужить в былые времена поводом к масштабному празднованию и организованной массовой уборке захламленных территорий. Впрочем, это и сейчас неплохой повод не только к проведению субботника, но и к размышлениям об истории нашей страны. А кто более подходит для такой беседы, нежели доктор исторических наук?!

– Михаил Григорьевич, казалось бы, совсем недавно с огромной помпой отмечалось столетие Ленина. У меня даже где-то медаль памятная хранится. А чем вам запомнился тот юбилей?

– Это был, не скрою, очень важный рубеж в моей жизни и становлении как ученого. Я уже был тогда аспирантом и помню, как обществоведов собрали на конференцию, посвященную обсуждению только что выпущенных под эгидой ЦК КПСС тезисов к юбилею Владимира Ильича. От Перми выступал на форуме известный профессор, посвятивший целиком свое яркое и, надо сказать, вполне убедительное выступление тезису под номером 14. Зал благосклонно внимал мэтру, объяснявшему, насколько гениален был данный труд и правильна позиция вождя, но я, однако, ерзал, смутно понимая, что профессор и «вождь» рассуждают как-то «неправильно».

Придя домой, включил радио Пекина и услышал от китайских друзей сентенцию о том, что КПСС является не марксистской партией, а чисто социал-реформаторской. А желаете, мол, убедиться в сем, читайте тезис номер 14...

Он перечел упомянутые строки еще раз. А надо сказать, что к тому времени Михаил Суслов уже был очень грамотным марксистом.

Случилось это так. «Шестидесятые» только что стартовали, и Миша Суслов, поступивший на истфак «за компанию» с другом, всерьез подумывал о «перемене участи». Он к тому времени отслужил в армии, поработал кочегаром и пожарным, таскал шпалы на лесопильном заводе, «даже полы мыл» – по его собственному признанию. Ушел бы и из «историков», если бы его внимание не зацепило ставшее в те годы модным в университетской среде мнение об «устарелости марксизма».

На факультете ходил смешной анекдот про «облысение марксизма»: у Маркса и Энгельса были огромные бороды и шевелюры, у Ленина – небольшие усы и бородка, у Сталина – остались только усы. А у Никиты Хрущева голова уже была как бильярдный шар...

Но что-то остановило студента Сулова в бездумном следовании модным веяниям. Михаил решил сам убедиться, «устарел ли марксизм», и... пять лет всерьез изучал труды классиков марксизма, прочел «всего Ленина», а заодно и тех, кого Ильич критиковал, и тех, кто был его критиком.

С некоторым удивлением юноша понял, что ленинское наследие в вузе всерьез не изучается, теория марксизма мало кого

интересует даже в среде профессиональных партийцев. Начетничество, набор штампованных цитат, формальных представлений и определений были столь далеки от науки, что он решил самостоятельно разобраться в секретах ленинской парадоксальности, в том, что представляет собой марксизм как явление, как теория и как учение.

Это был важный урок: не доверять слепо чужому мнению, от какого бы авторитетного источника оно ни исходило. И вот в канун 100-летия Ленина Михаил неожиданно получил тому еще одно подтверждение... Анекдотичность ситуации с «тезисом номер 14» прояснилась после суровых оргвыводов ЦК КПСС в отношении авторского коллектива Института марксизма-ленинизма, готовившего злополучные тезисы. Оказалось, что обычная машинистка в спешке приписала Ленину авторство цитируемого им текста, с которым он как раз и полемизировал. И никто этого даже не заметил – настолько формально привыкли воспринимать «наследие».

После этого Суслов сказал себе:

«Все! На всю оставшуюся жизнь даю зарок не верить ни генсеку, ни ЦК, никому другому. Только – первоисточнику! Только своим, самым добытым знаниям: лишь они могут быть основой собственной позиции».

...В армии ему встретился замполит – кристальной честности и убежденности коммунист, оказавший серьезное влияние на юношу своей правдивостью и принципиальностью. И юноша решил: если вступаю в партию, буду только таким!

От Ильича до Ильича

В эпоху Брежнева, да и позже, Михаил Григорьевич довольно часто бывал в лагерях для политзаключенных: его лекции, встречи и беседы нередко имели продолжение в переписке. Приходили пухлые – по сотне страниц – письма. И Суслов отправлял на зону столь же подробные ответы, стараясь не столько переубедить, сколько понять собеседника, проверить собственные аргументы и позиции.

Порой ему приходилось «отвечать за Брежнева». К Леониду Ильичу некоторые лагерники обращались с письмами, но генсеку, видно, некогда было их читать. Вступать в диалог приходилось

Михаилу Григорьевичу: его – острого полемиста, очевидно, считали самым подкованным для бесед с «врагами».

Перед лекциями лагерное начальство предупреждало:

– У них тут время есть для чтения – любую цитату могут вспомнить и даже на какой странице в каком томе...

Ему запомнилось, как один зек в «Перми-36» спросил его:

– Вы – коммунист?

– Да.

– А я – марксист...

Сразу смех, оживление: намечается «драка» марксиста с коммунистом.

– Почему же вы здесь сидите, коль вы марксист?

– За это и сижу. Разоблачил коррупционера Медунова. Его расстреляли, а меня на всякий случай – сюда...

Один заключенный с гордостью показал ему сооруженный своими руками добротный крольчатник и целое подсобное хозяйство. Разговорились. Выяснилось, что тот молодым оказался в зоне оккупации и некоторое время носил повязку полицейского. С приходом наших войск вступил в армию, дошел с боями, ранениями и наградами до Берлина. После войны много лет добросовестно работал, завел семью. На улице Минска его узнал односельчанин. Не помогли никакие фронтовые и трудовые заслуги: статья за предательство не имела срока давности.

Эта встреча легла зарубкой на сердце: человек кровью испил вину. Почему же так жестоко он наказан?..

Как-то к Суслову подошел довольно молодой арестант:

– Скажите, когда вы вечером приходите домой, вы верите в то, что говорили днем?

Как было объяснить на ходу этому человеку, что науке истории вполне можно служить, не кривя душой. Что в ней мало однозначного, и надо выработать собственную систему взглядов, которой нельзя изменять ни при какой политической погоде. Законы развития общества дают ученому ключи к пониманию перспектив этого развития. И что он сам не хуже любых диссидентов все больше убеждается в нежизнеспособности созданной большевиками государственной системы. И его долг как ученого и педагога выявлять и показывать неоднозначность тех или иных исторических процессов, учить молодежь мыслить самостоятельно, критически оценивая любую информацию.

Посвятив значительную часть своей жизни изучению дореволюционной истории России, а затем и новейшей ее истории, профессор Суслов имел возможность объективно оценивать и прогнозировать ход событий в стране и мире. И этой объективности он стремился не изменять никогда. Стыдно бывало за другое: за дубовость официальной пропаганды, за равнодушие многих коммунистов к судьбам Родины, за то, что это равнодушие помогает ошибкам и преступлениям прошлых лет прорасти в настоящее...

Уже в новые времена Михаил Григорьевич обнаружил в своем телефоне «жучка». Дело ясное: и «демократия» присматривает за нестандартными людьми, особенно если они общаются с широкой аудиторией и имеют немалое общественное влияние. Тем более – на молодежь.

В начале ельцинских реформ его хотели привлечь к суду за телеграмму, которую он послал Борису Николаевичу с требованием «унять своего цепного пса – министра юстиции, устроившего преследование немецкого коммуниста Эриха Хонеккера». Благо, что в Москве судьи заявили, что иск должен рассматриваться по месту жительства ответчика – то есть в Перми. Активность ельцинистов сошла понемногу на нет...

– Я действовал в соответствии со своими убеждениями и до сих пор считаю позором России отношение правительства «демократов» к нашим зарубежным друзьям, – размышляет Михаил Григорьевич. – Иначе как предательством это было трудно назвать. Это вызвало ярость у тогдашних властителей. Но я не боялся суда и лагерей. Немало поездил по ним в свое время...

Мы выбираем, нас выбирают...

Смутное время наступило с перестройкой для представителей общественных наук: Михаил Григорьевич с горечью наблюдал, как взгляды некоторых коллег стали меняться на совершенно противоположные. Было неприятно и обидно слышать, как сегодня они говорят одно, а завтра совершенно другое.

Ему был чужд мир идеологической конъюнктуры и, зная это его качество, в 1990 году часть преподавателей выдвинула его кандидатуру в делегаты предстоящего съезда КПСС. Соперники были серьезные – и ректор, и секретарь парткома, и другие уважаемые лица. На общеуниверситетском собрании Суслов сделал

ошибку: решил построить свое выступление на острых вопросах теории общественного развития, полагая, что вузовскую аудиторию это, несомненно, заинтересует. Как бы не так!..

При голосовании его «прокатили». Но история с выборами на этом не закончилась. В небольшой строительной организации, где он читал лекцию, его спросили:

- А на съезд не хотели бы поехать?
- Да я уж пробовал...
- А вы нам дайте согласие, остальное решим!

Наверное, это были первые и последние честные выборы в стране. У Сулова были серьезные конкуренты с крупных заводов. Да и родной вуз выдвинул серьезных людей. Удивительным для Михаила Григорьевича стало то, что в итоге даже его университетский соперник, взяв слово, высказался за него, подчеркнув, что в проблемах историк Сулов разбирается лучше и на съезде его участие будет более полезным.

Многие помнили, что еще студентом на собрании Михаил резко выступил против ректора ПГУ Горового (кстати, тоже историка). Как он открыто конфликтовал с деканом. Как не стеснялся высказать замечания в адрес заслуженного профессора, уличенного им в слабом знании предмета...

Эти бойцовские качества в полной мере проявил он и на партийном съезде. Специалист по истории партии и научному коммунизму с горечью убеждался, что даже на самом высшем уровне марксизм, по сути, профанируется, а делегаты имеют весьма отдаленные понятия о самых актуальных проблемах партийного строительства и роли партии в развитии общества.

Профессор из Перми запомнился на «завершающем» съезде не только в качестве «альтернативы Горбачеву» во время выборов генерального секретаря, но и деятельным участием в выработке основных документов. На заседании программной комиссии он за один день выступил 36 раз, измочалив коллег до предела...

Кончилось тем, что пермский профессор назвал делегатов партийного съезда «стадом баранов». И когда шло обсуждение национального вопроса – принципиальнейшего на тот момент для партии и общества, Сулова не пустили к микрофону, завершив обсуждение и приняв сырой документ за несколько минут.

Вернувшись на место, Михаил Григорьевич сказал сидящему рядом первому секретарю Пермского обкома Чернышову:

- Все, КПСС конец. У нее нет будущего...

...До августовского переворота и запрета компартии оставались считанные месяцы.

Непредсказуемое прошлое

В сфере научных интересов доктора исторических наук, профессора Михаила Григорьевича Сулова заметное место занимают проблемы политического прогнозирования. В конце 80-х годов внимание пермской (и не только пермской) общественности привлекли его статьи «Почему никто не спасет от развала Советский Союз», «Как под лозунгом “Вся власть Советам!” будет ликвидирована Советская власть», «Какой будет третья мировая война» и другие.

Говоря о нынешнем кризисе, профессор подчеркивает, что ликвидация такого мощного мирового регулятора, как противостояние двух систем, отключило и многие системы внутреннего регулирования экономик в странах капитала:

– Заметьте, именно с созданием СССР, его индустриализацией, развитием военно-промышленного комплекса – с 30-х годов прошлого века и практически по сей день – Запад не испытал ни одного мощного экономического кризиса. А почему?

Стимулы к преодолению кризисных явлений находились извне. Капиталистическая экономика была просто вынуждена учитывать реальные достижения социализма, вводить элементы планирования и модернизации экономических и производственных отношений в соревновании с развивающимся социалистическим сектором мировой экономики, даже с учетом его относительной слабости.

Особую тревогу у ученого вызывает угроза фашизации режимов. Он предсказывает усиление и обострение националистических тенденций.

– Наша страна, ее экономика, ее ресурсы подвергнутся суровому испытанию. А смотрите, как повел себя еще в начальной стадии кризиса наш «социально ответственный» бизнес: бегство капиталов, сокращение рабочих мест и социальных программ продемонстрировали, за счет чего многие российские капиталисты намерены решать проблемы...

Научное прогнозирование должно основываться на глубоком знании исторических процессов.

– Уже в детстве задался я вопросом, как жили в дореволюционной и советской России? По отцовской линии я из крепкой кулацкой семьи. В отличие от многих других мой отец был раскулачен дважды. Естественно, в семье хорошо говорили о царском времени и периоде НЭПа, и не всегда хорошо – о сталинском...

«Приобщение к истории привело меня к мысли, что российскую историю надо видеть и писать в нескольких измерениях и с определенных позиций. Соотносить то, что было в далекие времена и в настоящее время. Но и это не спасет нас от расхождений, разночтений и столкновений», – писал Михаил Григорьевич своему другу, подчеркивая, что одни обществоведы будут говорить и писать о «намордниках Сталина», а другие уже о современных намордниках и, «к сожалению, каждый будет по-своему прав...».

Он частенько задает студентам вопрос о «непредсказуемости прошлого», ибо видит серьезную проблему в существовании 36 вузовских учебников по истории, в каждом из которых свои трактовки и ошибки, отражающие авторские пристрастия.

В конце концов, можно было бы, по его мнению, согласиться с тем, чтобы выбрать небольшой и тщательно выверенный спектр учебников, написанных с разных классовых позиций, и методически соединить их в процессе обучения для самостоятельного анализа со стороны учащихся. Это было бы лучше нынешнего конъюнктурного разнобоя, одевающего маску объективности.

Не так давно Михаил Григорьевич пережил довольно крупный скандал, оказавшись «рекордсменом» при очередной министерской проверке вуза. Именно историю провалили выпускники шести специальностей при тестировании их знаний.

Жаль, что невозможно привести объяснительную профессора Сулова, написанную им на 18 страницах. По сути, это обвинительный документ идиотской системе, которую стремятся внедрить чиновники в высшую школу.

Формальный подход не позволил проверяющим понять, что физики и математики даже через год после окончания вуза дали 80 процентов верных ответов по истории, хоть это и непрофильный для них предмет.

И какой ответ мог дать выпускник на вопрос о программе коммунистов, которую никто в 1898 году не принимал. Или на такие «тестовые» вопросы: Почему у солдат Преображенского полка были красные чулки?.. Сколько меду можно было купить на один

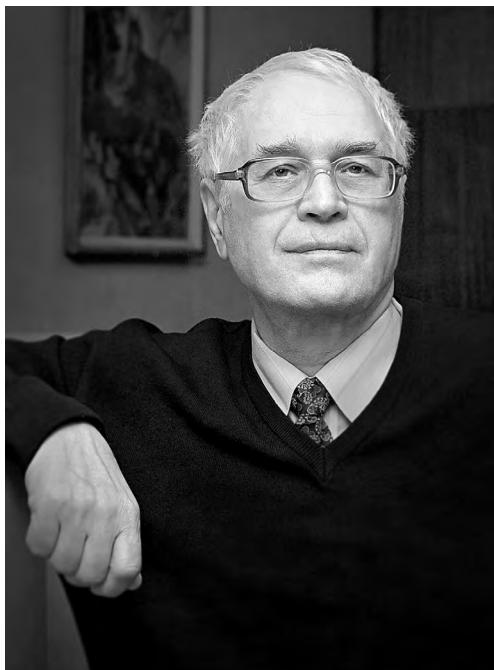
рубль?.. Сколько фильмов было создано в годы Великой Отечественной войны?..

И это при том, что в безграмотных тестах спутаны имена и фамилии, названия и даты. И как вообще можно требовать каких-то стандартов в знании при отсутствии стандартных учебников?

Однажды дети Михаила Григорьевича в шутку попросили его написать один учебник истории в одном авторском экземпляре – для внуков...

Шутки шутками, но вот лежит передо мной толстая рукопись, датированная мартом 2008 года. Это письмо Сулова одному из своих земляков. Письмо личное. Но и как его книга «Причины краха советской системы» дает убедительный, яркий анализ того, что привело СССР к распаду, а партию коммунистов – к поражению. Из таких вот писем и книг и может родиться учебник пермского историка Михаила Сулова.

Дело за ним...

Евгений Леонидович Тарунин. Родился в Перми в 1937 году. В 1955 году поступил на физико-математический факультет Пермского (в то время Молотовского) университета. После окончания работал в ПГУ, затем в академическом Институте механики сплошных сред. В 1984 году вернулся в альма-матер, где трудится по сей день.

Область научных интересов Евгения Леонидовича – нелинейные проблемы гидродинамики вязкой жидкости и тепловой конвекции, разработка численных методов. Он автор более 190 научных статей, монографий и четырех учебных пособий.

Является академиком Международной академии информатизации и Международной академии наук высшей школы. В 1998 году удостоен звания «Заслуженный деятель науки РФ».

ЗОЛОТАЯ ДОРОЖКА

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

**Штрихи
к портрету
физика –
профессора
ЕВГЕНИЯ
ТАРУНИНА**

В ледяной купели

В одном из номеров «Звезды» была опубликована небольшая заметка. В ней рассказывалось, как профессор ПГУ Евгений Леонидович Тарунин стал чемпионом мира по зимнему плаванию.

Международные соревнования проходили в Лондоне. Температура воды была не более шести градусов. На дорожку вышли опытные пловцы из разных стран. Семидесятилетний пермяк оказался лучшим в плавании брассом.

«Это не я плыл быстро, – пошутил в интервью награжденный золотой медалью чемпион, – это финишировавшие следом немец и финн плыли медленно...»

Вряд ли публика в туманном Альбионе могла предположить, что для россиянина это был первый подобный чемпионат, да и «моржом» он стал лишь шесть лет назад. Тем более было им невдомек, что на «золотую» дорожку открытого бассейна в этот зимний день вышел доктор физико-математических наук, теоретически обосновавший пользу «моржевания».

До этого он был членом популярного в Перми клуба любителей бега и не раз преодолевал марафонские дистанции. Но восемь лет назад Евгений Леонидович перенес операцию на сердце, и врачи посоветовали снизить нагрузки. Не оставляя занятия бегом, он, как говорится, «кинулся в прорубь». И вот «доплыл» до Лондона...

Многим известно, что Евгений Тарунин входил когда-то в сборную Перми и области по спортивной гимнастике, что он сильный шахматист. А недавно профессор заглянул к нам в редакцию с подарком: вышла в свет его новая книга «Если хочешь быть здоров».

Помимо полезных советов по закаливанию и очерков истории пермского «моржевания», там опубликованы его научные статьи о резервах человека при длительном охлаждении, о моделировании процесса охлаждения в ледяной воде.

Математические формулы, графики, статистика, изучение параметров среды и тела, оказывающих влияние на терморегуляцию, – за всем этим виден большой труд увлеченного человека, стремящегося разобраться с научных позиций в проблемах, волнующих военных, моряков, полярников. И, конечно, медиков: разве мало случаев, когда люди попадают в холодную воду и при достаточно длительном пребывании в ней нуждаются в целенаправленной помощи. Да и нормативы для зимнего плавания, где растёт год от года число энтузиастов, тоже должны разрабатываться на твердой научной основе, – считает профессор.

Отдельного рассказа заслуживала бы история и другого его увлечения – коллекционирования марок. Несколько лет назад он передал значительную часть своей коллекции Пермской художественной галерее, для которой столь же целенаправленно собирал серии о мастерах Возрождения и художниках-импрессионистах.

В его «послужном списке» есть особая книга, которую они с Людмилой Борисовной – его супругой – написали к десятилетию клуба пермской интеллигенции: «История семьи – история России». И стала легендарной его статья о лженаучных сенсациях под заголовком «Почему НЛО?», опубликованная в университетской многотиражке: он расшифровал эту аббревиатуру с присущим ему юмором – «Нас Легко Обмануть». И дал настоящий бой автору околонуточного блефа о «необыкновенных возможностях торсионных полей».

Словом, речь идет о разносторонне талантливом и в чем-то необычном человеке из той замечательной породы, о которых говорят: «Они украшают мир»...

Задача быстрого действия

Еще когда он учился на пятом курсе, в составе небольшой группы им было поручено съездить в Пензу на завод, чтобы освоить новинку – ЭВМ «Урал-1». С этого в вузе, собственно, и началось создание вычислительного центра. А в жизнь Евгения вошел замечательный человек – Юрий Владимирович Девингталь, ставший его научным руководителем как математика-программиста.

В самом начале 60-х из Еревана в ПГУ привезли головной образец ЭВМ «Арагац», в которой сразу обнаружилась масса недоделок. Группа университетских инженеров сумела заставить работать эту машину, не прибегая к помощи заводчан из Еревана.

– *Это была сложная, но очень медленно работающая машина, – вспоминает Евгений Леонидович. – Потрудиться над ней пришлось серьезно: так весь пятый курс и прошел для нас нестандартным образом, тем более что вскоре мы узнали, что Ленинградский университет отказался приобрести машину «Арагац» в Ереване. Сразу после защиты дипломной работы поехали в Армению.*

Тема дипломной работы Тарунина – «Увеличение быстрого действия и надежности работы универсальной автоматической цифровой вычислительной машины «Урал-1»» – во многом определила дальнейшие научные интересы выпускника, неразрывно связанные с вычислительной техникой и ее применением.

– *После этого было решено, что я остаюсь в ВЦ...*

Друзья Евгения Леонидовича вспоминают, как ему поручили решить задачу, которую сформулировал известный пермский физик Ефим Михайлович Жуховицкий.

Задача долгое время лежала без движения. Требовалось решить систему нелинейных уравнений тепловой естественной конвекции методом сеток. Опыта решения таких задач на ВЦ не было. После первых успехов Тарунина на этом пути Ефим Михайлович предложил ему поступить к нему в аспирантуру...

К сожалению, в Перми у аспиранта не было возможности контактировать со специалистами по численным методам в области гидродинамики. Поэтому, когда в составе сборной команды университета по спортивной гимнастике Тарунин поехал на Универсиаду в Новосибирск, то набрался смелости и обратился там к академику Н. Н. Яненко.

Этот крупный ученый одобрил первые шаги и тот метод, который Евгений использовал при решении задачи. Кроме того, аспирант получил приглашение участвовать во Всесоюзном семинаре. Такие контакты многое определили на старте его научной карьеры. А сам этап был описан в стихах Игоря Геннадьевича Семакина:

*Ты первым нелинейную задачу
Из пермских конвективщиков решил.
Яненко сам, узнав про ту удачу,
В гроб не сходя, благословил...*

Осенью 1968 года, сразу после окончания заочной аспирантуры, Тарунин защитил кандидатскую диссертацию «Численное решение нелинейных задач теории тепловой конвекции». Защита состоялась в Пермском университете.

Около тринадцати лет молодой исследователь работал старшим научным сотрудником в отделе физики полимеров Уральского научного центра АН СССР (позднее – Институт механики сплошных сред). В его подчинении была небольшая группа теоретического сектора. Научную работу он совмещал с преподаванием в университете на кафедре прикладной математики.

После защиты докторской «Численное исследование свободной конвекции» его избрали по конкурсу на должность заведующего кафедрой прикладной математики Пермского университета. В то время кафедра ПМ была самой многочисленной на механико-математическом факультете. Еще через год он получил звание профессора.

На рубеже нового века, когда подошел к концу третий срок его заведования кафедрой, профессор Тарунин отказался подавать заявление на следующий срок: пусть руководством занимаются молодые! И остался работать на кафедре, полагая, что у него

будет больше времени на научные исследования и работу с аспирантами.

Среди его учеников – нынешний ректор ПГУ Игорь Макарихин. Евгений Леонидович, радуясь его успехам, все же надеется, что административная карьера не затормозит научное творчество и дальнейшее становление этого талантливого исследователя.

По учебному пособию Тарунина «Вычислительный эксперимент в задачах свободной конвекции» учатся специалисты и в других городах страны. А первое его научное выступление на международной конференции в ФРГ состоялось в сентябре 1988 года. И он не замедлил, кстати, поделиться впечатлениями от этого события в статье «Мечта Циолковского», опубликованной в газете «Пермский университет».

Раздвинуть «рамки»!

Было интересно узнать: как сам ученый оценивает свой вклад в науку?

– До меня в пермской научной школе конвекции и гидродинамики занимались только линейными задачами неустойчивости: можно было предсказать, когда начнется кризис течения, но вот к чему он приведет, линейной теорией предсказать было невозможно. Преодолев этот порог, я смог раздвинуть рамки линейных задач, то есть перешел в нелинейную область. Соответственно, понадобились очень сложные численные исследования, а без машины это невозможно. Предыдущий опыт работы в ВЦ мне очень пригодился...

«Вычислительная гидродинамика» – в эти два слова вмещается суть его научной деятельности. Без ложной скромности можно сказать, что это особая и продуктивная ветвь в пермской гидродинамической школе, которая стала широко известна в стране и мире.

– Поскольку я начал это первый, то пришлось самому знакомиться с литературой, развивать метод, участвовать в семинарах, встречаться с коллегами – их по моему направлению было не так уж много. И мы постоянно делились идеями и наработками. К сожалению, не первым написал книгу по теме «Вычислительный эксперимент в свободной конвекции». Издал ее другой автор, а там много моего...

– Так вы – математик, поскольку занимаетесь математическим моделированием, теоретик-механик, программист?..

– Прежде всего, я считаю себя физиком. В школе хотел стать Чкаловым, стремился в авиаклуб, но по зрению не прошел, что меня очень расстроило. А в старших классах у меня хорошо шли математика и физика. Физика тогда была особенно популярна.

Это великая наука. Мы ищем и исследуем «кирпичики Вселенной» и весь тот многообразный мир, что нас окружает. Суть нашей работы не всегда всем понятна. Ведь это только композитора, музыканта может при желании понять практически каждый – без слов. А мои работы, к примеру, понять и оценить может лишь достаточно узкий круг тех ученых, что сами занимаются подобными проблемами.

– Но о вас коллеги говорят, что вы ведете научный поиск в очень широком диапазоне и обладаете совершенно особым талантом...

– Думаю, меня можно упрекнуть в том, что я частенько предпочитаю широту исследований глубине. Наверное, это связано с определенными чертами характера: меня нередко тянет «взглянуть», а что тут рядом, вокруг данной задачи?

Что касается таланта... А скажите, как оценить, кто способный, кто талантливый, кто гениальный? Когда впервые была сыграна партия «вслепую», то этого шахматиста объявили «несравненным гением человечества». А потом играли мастера и по сорок партий вслепую, но их уже таковыми не называли. А ведь прогресс, казалось бы, колоссальный! Так что все оценки относительны...

Как ученый я не ощущал ярких моментов «озарения» в ходе исследований. В какой-то миг приходит догадка, но это не переворачивает сознание. Идет как бы поступательный процесс, без взрывов. Меня давно, например, интересует переход квантовой механики в простую механику – эта промежуточная область мало исследована. Я не могу найти объяснение некоторым явлениям. Пытался строить модели, потратил много времени, но...

А был момент, когда я еще молодым сделал расчеты, опровергшие общепризнанную гипотезу известного английского ученого Батчелора о структуре ядра интенсивной конвекции в замкнутой полости. Потом это было подтверждено экспериментами моего старшего коллеги и учителя Г. Ф. Шайдунова, так что мне даже не было нужды бороться за свои выводы, а это была одна из

первых моих работ. Вот она запомнилась радостью маленького открытия...

– Вам нужны в работе установки для проведения экспериментов? Имеете ли вы выход в практику?

– Это зависит от задач. Для некоторых, безусловно, нужны экспериментальные данные. Но проще иметь здесь «разделение труда»: я в добром контакте с весьма квалифицированными экспериментаторами, и этот союз помогает добиваться порой очень неплохих результатов.

Что касается прикладной стороны исследований – раньше была система договоров, например, московский институт нефти и газа, некоторые заводы приглашали исследовать ряд проблем. Как ведет себя нефть в больших емкостях или в подземных хранилищах? Необходимо знать условия хранения – что происходит при нагревании или охлаждении. Помнится, мы одно время интересовались вопросами производства алмазов, получали такие крохотные кристаллики. Но чтобы заниматься этим всерьез, надо было иметь достаточно мощные установки.

Мы исследовали для москвичей нестационарные процессы конвекции жидкости в иллюминаторах спускаемых космических аппаратов, для промышленников Башкирии – в шаровых емкостях. Решили ряд астрофизических задач в самогравитирующей сфере с внутренними источниками тепла. Большая серия моих работ была посвящена исследованиям ветвления в задачах электрогидродинамики и тепловой конвекции с учетом излучения...

Нас окружает мир конвекции: от закипания чайника до океанических течений и рождений торнадо. Тарунин с коллегами даже как-то занимался объяснением природы появления пятен на Солнце...

Человеческая мысль неостановима. И мы медленно, но продвигаемся в понимании устройства мира, хотя новая информация добывается учеными буквально по капле и с огромными усилиями.

– Вы специалист в области математического моделирования, которое сами же называете высшим искусством прикладной математики...

– Да, без преувеличения можно сказать, что возможности математического моделирования практически безграничны. Я как-то, ориентируясь на старших школьников, написал следующее:

«Например, вы хотите выполнить некоторый технологический эксперимент в невесомости, ожидая, что предлагаемая вами технология в космосе будет выгодной. Для осуществления такого эксперимента для начала надо попасть с вашим оборудованием на орбитальную станцию, что нелегко и дорого сделать. А оказывается, новый технологический эксперимент легко промоделировать, просто положив в соответствующие уравнения ускорение силы тяжести, равное нулю ($g = 0$). И вот только после этого, если вычислительный эксперимент (ВЭ) покажет преимущества предлагаемой технологии, можно планировать и реальный эксперимент в космосе».

Именно ВЭ, которым я посвятил свою научную биографию, придали космическому материаловедению научную опору.

Энергия жизни

В одну из наших встреч Евгений Леонидович поделился впечатлениями от январских заплывов в Словении на озере Блед. Там он подтвердил звание чемпиона в стиле «финский брасс», завоевав к тому же и бронзовую медаль в вольном стиле. Было это в 2010 году. Явно оправдывались посвященные Тарунину строчки стихов Игоря Семакина, написанные больше тридцати лет назад:

*И пусть пришедший возраст не пугает,
Ведь, если ум остер, душа чиста,
Начальство слишком часто не ругает –
Всю жизнь ты будешь в возрасте Христа!*

Сохранив удивительную для человека, перевалившего за седьмой десяток, молодую энергию, профессор Тарунин не сходит и с педагогической «дорожки». Помимо курсов, которые читает студентам, он руководит молодыми учеными, добиваясь высокого качества их кандидатских диссертаций. Он сам прошел великолепную школу у знаменитых пермских ученых – Г. З. Гершуни и Е. М. Жуховицкого, и значение роли авторитетного старшего коллеги в продуцировании новых идей понимает в высшей степени.

Достойна самого глубокого уважения принципиальность Евгения Леонидовича как ученого. Известен его бескомпромиссный анализ ряда антинаучных концепций, когда «математика (не каждый же в ней разбирается – замечает Тарунин) исполь-

зуется для протаскивания выводов, которые из нее вовсе не следуют». И любит приводить слова писательницы И. Грековой о том, что лучше здравый смысл без математики, чем математика без здравого смысла...

Это вполне согласуется с его общегражданской позицией, деятельным участием в общественных делах, в «собрании» им вместе с женой Людмилой Борисовной пермской интеллигенции, страничек нашей истории и культуры. Ему с молодости была присуща эта особая энергетика личного сопричастия к историческим событиям.

– Среди ваших наград есть медаль «За освоение целинных и залежных земель». Вы и к аграрному сектору приложили руки?

– Первая целина для меня и студентов университета была летом 1956 года. С нашего первого курса физиков поехали многие ребята. Мы плохо представляли, что нам придется там делать, но ехали без боязни и с большим энтузиазмом.

На вторую целину поехали с нашего курса и девушки. Привезли нас в необозримые казахские степи. Работали обычно помощниками комбайнеров. И хотя условия там были далеки от нормальных, молодость окрашивала все в радужные тона. И, кроме того, мы верили, что делаем полезное для страны дело.

– Как, на ваш взгляд, меняется студенчество с течением времени?

– Ребята и сейчас очень неплохие, но они почти все подрабатывают, а значит, меньше учатся. И, пожалуй, излишек прагматизма, не очень свойственного, по-моему, юности.

– А вы либеральный профессор?

– Студенты знают, что я не иду на компромиссы и ставлю отметки только за знания. Могу троек наставить или вообще не принять ответ. А вот дипломникам и по курсовым могу порой даже зависить оценки, чтобы подбодрить исследовательский пыл.

– Как вы работаете с аспирантами?

– Самый красивый вариант – это когда ученик берет твою идею, методы и находит новые факты, прокладывая свою дорожку и продолжая вечный процесс научного познания мира...

Евгений Карлович Хеннер родился 18 апреля 1946 года. Проректор Пермского государственного университета, член-корреспондент Российской академии образования, заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат премии Президента России в области образования, член нескольких профессиональных сообществ (академий).

Области научных интересов – спиновая динамика в твердых телах и различные аспекты информатизации образования.

Е. К. Хеннер – автор более 200 научных и научно-методических работ, нескольких монографий, более 20 учебников и учебных пособий для школ и вузов.

ПОЛЕ ПРИТЯ- ЖЕНИЯ

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

**Встречи
с профессором
ЕВГЕНИЕМ
ХЕННЕРОМ**

Информатика... на пальцах

Все началось более четверти века назад, когда Евгений Карлович с еще двумя коллегами-пермяками был направлен на семинар в Московский университет, где основоположники информатизации образования в стране во главе с академиком Ершовым чуть ли не на пальцах объясняли им, чему придется учить школьников по новому предмету – информатике...

Один из пермских участников того исторического семинара является сейчас президентом банка, два других стали университетскими профессорами.

– *Парадоксально*, – вспоминает Евгений Карлович, – *что уже в начале девяностых во всех советских школах информатику ввели как обязательный предмет. Ведь не было ни учителей, ни учебников, ни материальной базы; начиналось все очень трудно.*

Примерно через пять лет после этого Хеннер пришел, можно сказать, просто с улицы на прием к тогдашнему начальнику департамента образования Пермской области И. А. Заинчковскому. В 1988 году кафедру математического анализа педагогического института, где он тогда работал, разделили, выделив кафедру информатики. Евгений Карлович стал заведующим этой кафедрой, а на следующий год и деканом математического факультета пединститута. (Так эти две должности до ухода в классический университет в 2002 году он и совмещал.)

И вот ученый обсудил с Иваном Афанасьевичем, как реально обстоят дела с преподаванием информатики и использованием компьютеров в школе – за пять лет в этом мало что изменилось: техническое оснащение оставалось убогим, подготовка преподавателей неудовлетворительной. «Все это может быть гораздо лучше организовано», – убеждал Хеннер. И в итоге была создана специальная группа, которая на региональном уровне действительно сделала почти невозможное по тем годам: была налажена система подготовки и повышения квалификации учителей, информатика стала в школах полноценным предметом, а первые энтузиасты – авторами первых учебных пособий...

Евгений Карлович и его коллеги были удостоены президентской премии за создание первой в стране региональной системы информатизации образования.

Их было пять человек. Хеннер возглавил совет, который координировал становление и развитие этой сферы школьного образования. Необычно, что впоследствии их совету были переданы координирующие функции по информатизации всей системы образования в Прикамье, включая высшее. И очень важно, что в ходе этой работы были написаны учебники для школьников и студентов – будущих учителей, часть которых немедля издали в Москве. Эта работа была продолжена, и необычно и почетно,

что сегодня два десятка российских учебников по информатике, изданные в совокупности миллионными тиражами, имеют «пермский адрес».

Но как же физик Евгений Хеннер «попал» в информатику?

Математическая «ошибка»

В начале 60-х годов прошлого века на экраны страны вышел фильм Михаила Ромма «Девять дней одного года». Он внес заметную лепту в дело романтизации профессии физика. И не только благодаря обаянию Алексея Баталова и Иннокентия Смоктуновского, сыгравших там главные роли. Еще не стихли шумные баталии между «физиками» и «лириками», отстаивавшими свои эксклюзивные права на ведущую роль в развитии человечества. Дело давнее, но помнится, что перевес все-таки был на стороне представителей естественных, а не гуманитарных наук.

Это было время создания крупных научных центров, прорыва в космос, строительства гигантских электростанций, развития авиации, приборостроения, мощных электронно-вычислительных машин – прогресс в науке и технике был гораздо более очевидным и значимым, чем достижения в искусстве и культуре.

И это было время жесткого противостояния двух политических систем, в котором наука физика играла очень важную роль, обеспечивая, в частности, усиление мощи военного и энергетического потенциала сторон. Так что присутствовала и патристическая составляющая, в немалой степени повлиявшая на выбор многих молодых, что вступали в жизнь в начале шестидесятых.

Только-только дальней, но грозной зарницей полыхнул Карибский кризис, поставивший мир на грань ракетно-ядерной войны. Шел 1963 год. Тогда многие увлекались физикой, но Женя достаточно долго колебался между физикой и математикой. И, приехав из Березников в Пермь, отнес документы в университет на математический факультет.

Прошло два года, прежде чем студент окончательно понял, что сделал ошибку, что для него все-таки ближе физика. К тому же в те годы именно школы физиков в ПГУ уже сложились как эффективные и актуальные научные направления, руководимые выдающимися учеными.

Но перевестись с факультета на факультет было бы непросто, если бы любознательный студент не учился... сразу на двух.

– После двух лет на мехмате и двух лет учебы на двух факультетах сразу, чтобы перевестись без потери года, я перешел на третьем курсе на физический факультет. Я – ученик профессора Шапошникова, стал потом его аспирантом. Меня заинтересовала спиновая динамика, это раздел радиоспектроскопии, изучающий магнитные свойства твердых тел. Спины – это магнитные моменты, которые неотрывно присущи ядрам атомов многих элементов. В постоянном магнитном поле они вращаются вокруг него с частотой, определяемой величинами поля и спинов. И если другим высокочастотным полем, частота которого близка к частоте движения спинов, их подталкивать, то вещество начинает поглощать энергию того поля, которое его раскручивает. По тончайшим характеристикам этого поглощения можно сделать весьма глубокие выводы о структурных свойствах вещества. Это явление ядерного магнитного резонанса.

Электронные оболочки атомов (не всех, но многих) также имеют магнитные моменты – не ядерные, а электронные. И аналогично существует явление электронного парамагнитного резонанса.

Его открытие является одним из крупнейших фундаментальных вкладов советской физики в мировую науку. Оно было сделано во время Отечественной войны в 1944 году в Казани. «Казанская школа до сих пор одна из ведущих по этому направлению», – рассказывает Евгений Карлович. Из нее вышел его учитель, профессор Иван Григорьевич Шапошников, сам создавший в Перми научную школу по магнитному резонансу. Сформировался отличный по тем временам инструментарий – приборы, методики. В университете открылась экспериментальная лаборатория, где изучались магнитные резонансы разных видов – ядерный, электронный, ядерный квадрупольный. Очень важно, что университет обладал и группой «компасов» – физиков-теоретиков, генераторов идей. Это обеспечивало уровень новизны и высокую эффективность исследований, получивших свой резонанс в научном мире.

Вскоре Евгений Хеннер начал плодотворное сотрудничество и с московскими коллегами из Института радиоэлектроники Академии наук СССР и Института теоретической и экспериментальной физики. Явление спиновой динамики, весьма специфическое, затрагивает фундаментальные свойства пространственно неоднородных систем. У пермского физика были обоснованные

надежды реализовать себя в этом направлении. Много было сделано – статьи в лучших отечественных и зарубежных журналах, участие в международных конференциях, защита докторской диссертации и т. д.

Но в науке бывает так, что привлекательные технологичные приложения рождаются отнюдь не сразу. Интерес бюджетодержателей к данным исследованиям падает...

К тому же в стране пошли процессы перестройки, отодвинувшие многие научные разработки на второй план. Но даже без финансовой поддержки профессор продолжал работы: последняя его статья по этой теме датируется 1998 годом. До этого времени он еще изредка участвовал в конференциях, печатался в журналах, но пермская школа магнитного резонанса постепенно угасала, контакты с московскими коллегами в силу экономических причин становились все сложнее, а в современной науке в одиночку делать нечего.

– Долгое время я занимался двумя разными вещами, – размышляет Евгений Карлович. – Когда закончил аспирантуру и был близок к защите кандидатской диссертации, то в университете остаться преподавателем не мог, хотя стремление к этому было. В те годы конкуренция была достаточно высока, и я пошел работать в педагогический институт, думая, что ненадолго. Но я там проработал тридцать лет.

Примечательно, что попал он в пединституте не на кафедру физики, а на кафедру математического анализа: судьба вернула его к математике, четко обозначив неслучайность своих подсказок. Евгений Карлович много лет учил студентов математическому анализу, читал ряд других дисциплин классической математики. Одновременно с этим он был одним из немногих преподавателей, кто мог читать курсы по программированию. Они уже входили в учебный план института, и он стал ведущим преподавателем. А затем и участником памятного семинара в МГУ...

Не тестом единым...

Как ни странно, через годы профессор Хеннер более критично оценивает проблемы, которые несет внедрение информационных технологий в систему обучения школьников и студентов:

– Когда много лет назад я читал лекции студентам о перспективах использования информационных технологий в образо-

вани, то мечтал, как это будет здорово для развития образования, когда появится возможность их реализовать в полной мере! Сейчас, когда доступна практически любая техника, я не столь оптимистичен...

Конечно, без использования информационных технологий современное образование уже невозможно представить. Но со временем обнаружилось и отрицательные тенденции – как лежащие на поверхности, так и глубинные и не всегда очевидные; еще неизвестно, к чему процесс бесконтрольной по существу информатизации может привести образование. Приведу пример: недавно на семинаре ЮНЕСКО, в котором я участвовал, зам. министра образования одной из сопредельных стран с гордостью сообщила, что вскоре у них в республике в начальной школе перед каждым ребенком в классе будет стоять личный портативный компьютер. Рядом со мной сидел один из крупнейших специалистов в сфере использования информационных технологий в обучении детей младшего возраста; мы, не сговариваясь, переспросили, правильно ли мы поняли, а потом – что дети будут делать на уроках с этими компьютерами? В ответ на недоуменный взгляд докладчика – мол, что за вопрос, я уточнил, существует ли в их стране система обучения, для которой такое количество компьютеров на уроке необходимо? Ответа, конечно, не было (боюсь, что и вопрос не был понят). И если бы такое происходило только в этой республике...

Основоположники информатизации образования верили, что компьютеризация, системы телекоммуникации будут способствовать индивидуализации обучения, что благодаря этим техническим возможностям каждый сможет выбрать индивидуальную траекторию обучения, по своим силам и способностям. В принципе это возможно, но на практике развитие технологий пока чаще ведет к унификации, а не к индивидуализации. Технократический подход, при котором технологии и экономию средств ставят впереди целей и задач обучения, как правило, торжествует.

Например, доминирующей технологией контроля результатов образования стало позаимствованное за рубежом тестирование, причем самая примитивная его форма – с выбором верного ответа из нескольких предложенных; эта форма, в частности, является базовой для ЕГЭ. Почему? Ответ один: эту форму контроля легче всего полностью автоматизировать при проверке с помощью компьютера. А то, что такой вид контроля оставля-

ет за бортом проверку способности рассуждать и обосновывать ответ, что против него выступают многие авторитетнейшие в стране ученые и педагоги, руководителей системы образования мало волнует.

Конечно, если страна будет развиваться как сырьевой придаток, то можно контроль результатов образования свести к контролю уровня запоминания и умения выполнять готовые инструкции. Но если стране нужны свои конструкторы, исследователи, генераторы идей, т. е. творческие, креативные люди, у которых перед глазами не бывает готовых ответов, то такой путь неприемлем.

Руководители системы образования настойчиво предлагают прекратить дискуссии по этому вопросу: решение принято – выполняйте. Приходится также слышать, что это, мол, лишь контроль, а вот при обучении вырабатывайте творческие качества... Но на наших глазах те же методы вбрасываются в учебный процесс и теснят десятилетиями апробированные способы обучения, не говоря уж о том, что часть уроков вместо изучения существа дела посвящается подготовке к тестированию, что по успехам тестирования чиновники судят о качестве работы учителей...

То же самое началось и в высшей школе – путем дистанционного тестирования прямиком из столицы по той же самой методике судят о качестве подготовки студентов (пока, к счастью, лишь по предметам общеобразовательных циклов) и, соответственно, о качестве работы вузов. Теперь каждый вуз перед аттестацией начинает натаскивать студентов на тестирование, расходуя время, отведенное на обучение. Можно было бы цитировать встречающиеся в тестах некорректные вопросы и неочевидно «правильные» ответы, но это слишком легкий путь дискуссии – такие вопросы и ответы можно заменить, но все равно такой контроль уводит нас все дальше от принципов университетского образования...

Заморская телушка

– Если говорить о реформировании высшей школы, – говорит Евгений Карлович, – то есть несогласие между большинством вузовской общественности и теми, кто руководит высшей школой. Поле противостояния – навязываемый сверху почти всеобщий переход на двухуровневую модель «бакалавр – магистр». Уверен,

что подавляющее большинство моих коллег скажут, что пока все делается не совсем правильно. И дело здесь в позиции организаторов реформы.

В Законе об образовании возможность двухуровневого обучения существует с 1992 года. Я, еще будучи деканом в пединституте, первым ввел на своем факультете подготовку бакалавров и магистров. Но каждый желающий мог (и по сей день может) обойти эту систему и получить традиционный диплом учителя – по собственному выбору. Постепенно многие российские вузы подготовку бакалавров и магистров стали вводить без «кнута». Примерно треть студентов уже идет по этой схеме, и не стоило искусственно нас «подпирать», – в частности, потому что работодатели чаще всего не понимают, что делать с бакалавром.

Те, кто руководят образованием, ориентируются на западную (прежде всего, США) систему образования, считая оппонентов замшелыми ретроgrадами. Подчеркиваю, я – не противник этой системы, но дайте возможность выбирать самим! Тем более что у нашего министерства рычагов воздействия на работодателей нет. Уже много лет нам обещают, что сообщества работодателей выработают профессиональные стандарты (квалификационные характеристики), из которых станет ясно, где нужны бакалавры. Где эти документы? – их считанные единицы, да и те толком не отвечают на данный вопрос.

Нам говорят буквально: перестаньте это обсуждать, вопрос уже решен. Но он продолжает волновать общество. Ведь что происходит на деле? В России есть два-три «суперпрогрессивных», узкоспециализированных учебных заведения, которые, ссылаясь на западный опыт, навязывают известный им способ подготовки экономистов и менеджеров всем подряд. Однако подготовка менеджера и инженера, юриста или физика – это абсолютно не одно и то же. А тут тебе говорят: врубай схему!..

Западный опыт в сфере образования, безусловно, может быть полезен, причем в разных аспектах. Прекрасные университетские комплексы, библиотеки, культурные и спортивные сооружения, система академических свобод для студентов, реальная университетская автономия – есть чему поучиться. Не так давно мы ездили в США в связи с намерением построить новую университетскую библиотеку. В ПГУ прекрасный фонд – более полуптора миллионов книг, но очень скромные, не соответствующие

современным требованиям, условия для читателя. Мы мечтаем построить современное, оснащенное по высшей категории, здание. Очень помог при создании проекта Оксфорд – город-побратим Перми. Нас прекрасно встретили в другом городе-побратиме Перми, Луисвилле (США), там одна из лучших в мире университетских библиотек, все показали и рассказали. Вот оно, реальное сотрудничество с западными партнерами. Наш проект прошел все согласования, на 2010 год было обещано финансирование строительства, но, увы, кризис...

От высоты – к высоте

Участие Пермского университета в национальном проекте «Образование» профессор Хеннер характеризует так:

– Это были славные два года – 2006-й и 2007-й. И тяжелейшие. В ходе выполнения инновационной образовательной программы удалось радикально укрепить как приборную базу тех факультетов, которые нуждаются в современном инструментарии для научных исследований, так и материальную базу обучения всех студентов: сегодня в аудиториях – более 200 мультимедийных учебных комплексов; в университете одна из лучших в вузах России телекоммуникационных сетей. Много написали учебников, методических пособий, повысили квалификацию преподавателей... Для меня лично особо важно, что эта программа, в основе которой лежало развитие информационно-коммуникационной компетентности студентов, по своему духу была очень близка к характеру и направлению моей научной деятельности.

Следующим огромным достижением университета стало получение в 2010 г. статуса национального исследовательского университета. В результате проведенного правительством страны конкурса таких университетов в России всего 29, и мы сделали все возможное, чтобы войти в число победителей...

Тут стоит заметить, что за последние пять лет проректор по науке и инновациям Евгений Карлович Хеннер лично привлек в университет грантов более чем на 20 миллионов рублей. Договорные работы, которыми он руководит, обеспечивают солидное подспорье целому коллективу исследователей. Эта работа интересна, она поднимает престиж университета и самого ученого, потому что эти средства завоевываются в жесткой конкурентной борьбе.

Вместо эпилога

Румынский гражданин Карл Хеннер поехал после окончания университета отдохнуть в Бессарабию, являвшуюся частью Румынии. Случилось это в 1939 году, когда СССР аннексировал данную территорию, и студент автоматически стал в один момент советским человеком. Широко образованный молодой математик знал французский, немецкий, румынский, еврейский языки. Вот только русским он не владел...

Эпопея жизни Карла Хеннера вместила в себя годы учительства, службы в Советской Армии и отъезда оттуда в ссылку. В глухой деревушке он встретил эвакуированную из Одессы девушку. После Победы им разрешили уехать в Березники, где Карл стал директором школы рабочей молодежи. Здесь у них родился сын Евгений, которому было предназначено внести совершенно особый и важный вклад в развитие системы образования в Пермском крае.

Полею его притяжения стала информатизация, инновационные технологии в образовании. Сегодня профессор Евгений Хеннер – один из тех «штучных» специалистов, которых в стране наперечет. Он настоящий первопроходец, блестящий организатор, с именем которого связаны многие достижения госуниверситета последних лет.

...Его сын Карл, окончив Пермский университет, отслужив в армии, поработав в Перми учителем, поехал по обмену в Японию. Программа не предусматривала, что он закончит там университет и будет приглашен на работу в Токио. Но это случилось, и Карл Хеннер, внук Карла Хеннера, теперь прочно укоренился в Стране восходящего солнца. В доме в Токио, где подрастают внуки Евгения Карловича, говорят по-русски и не теряют связи с Россией, ставшей для них навек Родиной.

Такие вот судьбы...

ОБ АВТОРЕ

После окончания Ленинградского университета Сергей Журавлев стал одним из ведущих журналистов областной газеты «Молодая гвардия», одновременно руководя отделением журналистики факультета общественных профессий Пермского государственного университета. Так, с 1970 года он связал значительную часть своей творческой биографии с ПГУ, работая заведующим отделом науки и вузов газеты «Звезда», главным редактором «Вечерней Перми» и ныне – в должности заместителя главного редактора «Звезды».

Перу Сергея Федоровича принадлежат циклы публикаций, отражающих страницы истории и развития вуза, очерки об ученых, преподавателях, исследовательском поиске кафедр и лабораторий университета. Он – автор ряда книг о пермских ученых. Его книга «Такие близкие звезды» стала лауреатом общероссийского конкурса «Лица провинции». По сценариям С. Ф. Журавлева было снято пять документальных фильмов. Несколько лет он преподавал на отделении журналистики Пермского университета.

Заслуженный работник культуры Российской Федерации С. Ф. Журавлев является лауреатом премии имени А. Гайдара и ряда премий Союза журналистов России, в котором состоит с 1971 года.

Краеведческое издание

ОТ МИРА СЕГО

Книга вторая

Встречи в университетском городке

**Сергей Федорович
Журавлев**

Директор издательства Н. А. Зенкова

Фотопортреты выполнены В. С. Бикмаевым
Фотография на титульном листе – Т. В. Быстрых
Дизайн обложки, оформление, верстка – С. А. Лишанская
Корректоры – И. И. и Е. В. Плотниковы
Обработка иллюстраций – В. Н. Тутынин

ISBN 978-5-98799-104-6

Подписано в печать 03.10.2011. Формат 60х90 1/16.

Бумага мелованная. Гарнитура *Myriad Pro*.

Печать офсетная. Физ. печ. л. 12,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 1940.

Книжное издательство «Пушка».

614990, г. Пермь, ул. Дружбы, 34, офисы 1006–1007.

Отпечатано в соответствии с предоставленными заказчиком файлами
в ОАО «ИПК «Звезда». 614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.